

ISSN 2712-8407

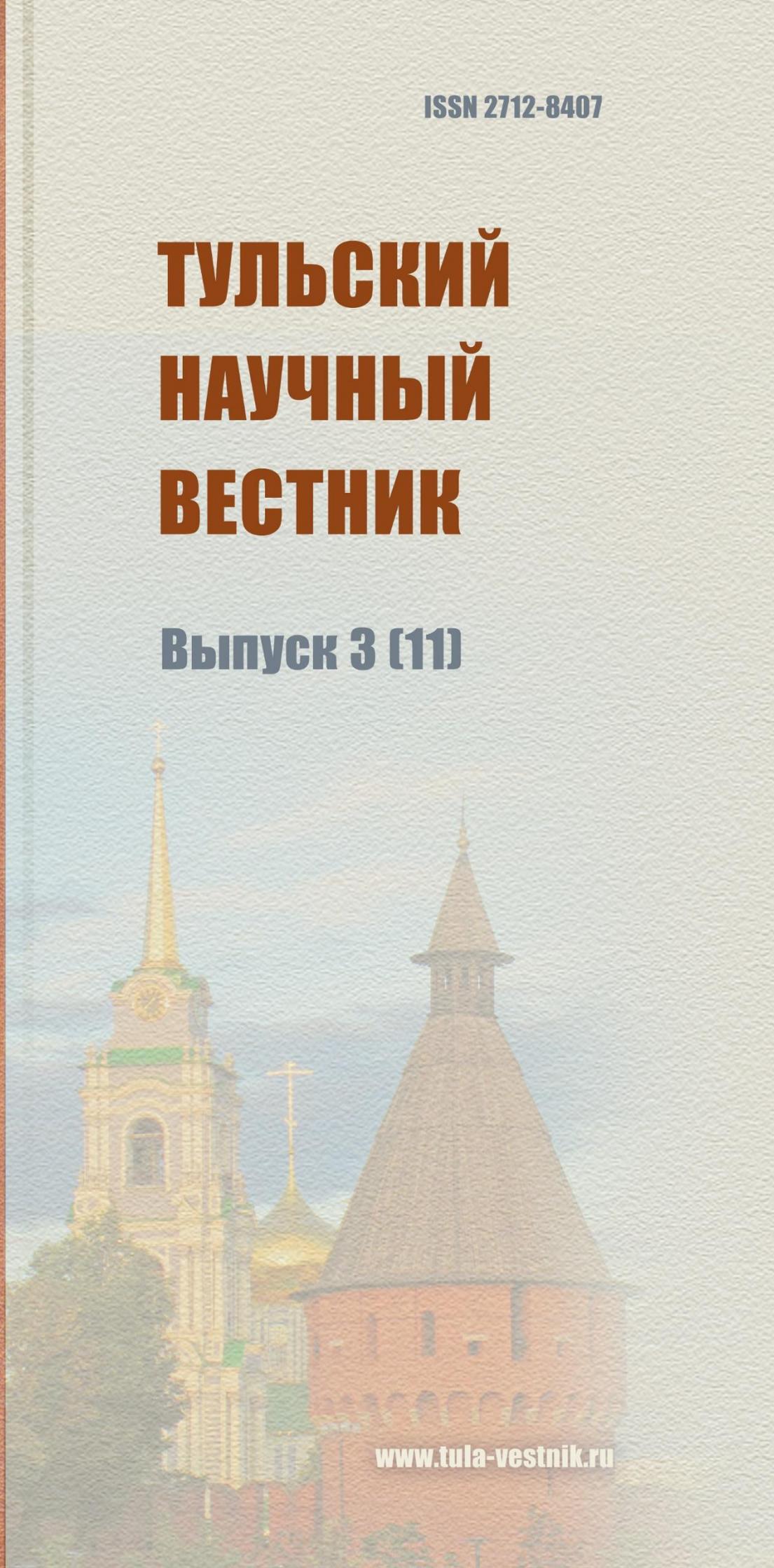
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 3 (11)

2022

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 3 (11)

**Тула
2022**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (11)

Дата выхода в свет: 21.12.2022 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистрации
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2022
© Авторы статей, 2022

**Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru**

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Клейменов А. А. Греческий Геракл
против македонского Ареса: о поединке
Диоксиппа и Коррага **6**

Кочеткова Н. М., Смирнов Ю. Ф. Коллекция столбцов
и грамот XVII – XVIII вв. Государственного архива
Тульской области **23**

Соколов А. В. «Нет ли... желания записаться
в «раскол»?»: особенности сбора количественных
данных по старообрядцам Тульской губернии
в XIX веке **43**

Арбеков А. В. «Мы должны во всех отношениях
подготовить театры войны Неманский,
Привислинский и Волынский»: военные планы
Австро-Венгрии и России на рубеже 1870 – 1880-х гг. **56**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова В. И. Символы региональной идентичности
Тульской области: эссенциализм, конструктивизм
и полевое исследование **71**

Мазалова М. С. Концептосфера «пища и напитки» как
составляющая региональной идентичности жителей
Тульской области **81**

Лебедева С. В., Хенель А. М. Специфика
конструирования акронимов в различных онимах
немецкого экономического дискурса **91**

Рузиева Л. Т., Шарипова Н. Т. Использование
прецедентных антропонимов (ПА) на занятиях
русского языка **100**

DOI 10.22405/2712-8407-2022-3

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 3 (11)

Released on December 21, 2022

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision of
Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586**

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University, 2022

© Authors of articles, 2022

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**

**Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- Kleymeonov A. A.* Greek Heracles against Macedonian Ares: the duel between Dioxippus and Corragus **6**
- Kochetkova N. M., Smirnov Yu. F.* Overview of the collection of documents of the clerical office of the XVII – XVIII centuries, stored in the State Archive of the Tula region **23**
- Sokolov A. V.* «Don't you want to join the Ruskol?» features of collecting quantitative data on old believers in the Tula province of the XIX century **43**
- Arbekov A. B.* "We must prepare the theaters of war of the Neman, Privislinsky and Volyn in all respects": military plans of Austria-Hungary and Russia at the turn of the 1870s – 1880s **56**

LINGUISTICS

- Abramova V. I.* Symbols of Tula regional identity: essentialism, constructivism and field research **71**
- Mazalova M. S.* The conceptsphere "food and drink" as part of the regional identity of Tula region residents **81**
- Lebedeva S. V., Henel A. M.* Specifics of construction of acronyms in various onyms of German economic discourse **91**
- Ruzieva L. T., Sharipova N. T.* Use of precedent anthroponyms (PA) in Russian lessons **100**

DOI 10.22405/2712-8407-2022-3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 6–22.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 3 (11). P. 6–22.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-6-22>

ГРЕЧЕСКИЙ ГЕРАКЛ ПРОТИВ МАКЕДОНСКОГО АРЕСА: О ПОЕДИНКЕ ДИОКСИППА И КОРРАГА

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении обстоятельств вооруженного поединка между афинянином Диоксиппом и македонянином Коррагом, состоявшегося в период индийского похода Александра Великого. Определяется, что представленные в античной традиции сообщения о данном эпизоде восходят к информации, содержащейся в сочинении Клитарха. Атлет Диоксипп являлся олимпийским победителем в панкратионе, известным по различным источникам. Его македонский противник был отмечен подвигами на поле боя, но не занимал высоких командных постов. Причиной столкновения стал комплекс противоречий между македонянами и сопровождавшими войско греками, участниками боевых действий и придворными льстецами, воинами и атлетами. Свою роль сыграла и способствовавшая возникновению конфликтов атмосфера македонского царского пира, на котором прозвучал принятый Диоксиппом вызов на поединок. Констатируется, что на состоявшуюся после разрешения со стороны Александра мономахию афинянин вышел обнаженным в соответствии с нормами древнегреческого спорта, а выбранное им вооружение в виде деревянной дубинки и небольшого плаща являлось по своему характеру охотничьей экипировкой. Корраг, напротив, имел полный комплект защитного снаряжения, меч, дротик и ударное копье, явно рассчитывая на бой в духе «Илиады». Во время прошедшего при большом количестве зрителей поединка Диоксипп, используя свою необремененность вооружением и атлетический опыт, сумел ликвидировать угрозу, исходившую от имевшегося у оппонента древкового оружия, повалить Коррага и придавить его к земле. Полностью лишившегося возможности сопротивляться македонянина атлет отпустил по распоряжению монарха. Исход схватки был негативно воспринят Александром и македонской элитой, в итоге организовавшей интригу против утратившего расположение царя афинянина. Ложно обвиненный в краже и подвергшейся публичной травле, Диоксипп покончил с собой.

Ключевые слова: Александр Македонский, Диоксипп, Клитарх, панкратион, сарисса, македоняне, мономахия.

Для цитирования: Клейменов А. А. Греческий Геракл против македонского Ареса: о поединке Диоксиппа и Коррага // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 6–22. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-6-22>.

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(38).07
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-6-22>

GREEK HERACLES AGAINST MACEDONIAN ARES: ABOUT THE DUEL BETWEEN DIOXIPPUS AND CORR HAGUS

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The main aim of the article is identification of the circumstances of an armed duel between the Athenian Dioxippus and Macedonian Corrhagus which was during the Alexander the Great's Indian Campaign. It is determined that the reports presented in the ancient tradition about this episode go back to the information contained in the Cleitarchus' essay. Athlete Dioxippus was an Olympic winner in pankration, known from various sources. His Macedonian opponent was noted for exploits on the battlefield, but did not hold high command posts. The reason of the collisions was a complex of contradictions between the Macedonians and the Greeks accompanying the army, participants in the fighting and court flatterers, warriors and athletes. The atmosphere of the Macedonian royal feast where the challenge to a duel was sounded played its role. Dioxippus took the challenge. Monomachia took place after permission from Alexander. It is stated that the Athenian went into battle naked in accordance with the norms of ancient Greek sports, and the weapons he chose in the form of wooden club and small cloak which were hunting equipment in nature. Conversely Corrhagus had full set of armor, sword, javelin and long spear clearly counting on a duel in the style of the Iliad. During the combat, which took place with a large number of spectators, Dioxippus, using his unencumbered weapons and athletic experience, managed to eliminate the threat posed by the opponent's shaft weapons, knock Corrhagus down and pin him to the ground. Completely unable to resist, Macedonian was released at the direction of the king. The outcome of the fight was negatively perceived by Alexander and Macedonian elite, who eventually organized an intrigue against Athenian, who lost favor with the king. Falsely accused of theft and subjected to public harassment, Dioxippus committed suicide.

Keywords: Alexander the Great, Dioxippus, Cleitarchus, pankration, sarissa, Macedonians, monomachia.

For citation: Kleymeonov, AA 2022, 'Greek Heracles against Macedonian Ares: About the duel between Dioxippus and Corrhagus', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 6–22, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-6-22> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander A. Kleymeonov* – Doctor of Science (History), Senior researcher of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

В комплексе античных письменных источников, освещающих эпохальные свершения Александра Македонского, содержится информация самого разного рода, при приложении должных усилий позволяющая получить представление об основных аспектах военно-политической деятельности знаменитого монарха. Впрочем, среди сообщений о великих битвах, масштабных осадах и судьбоносных политических решениях важно не упустить из виду дошедшие до нас сведения о происшествиях менее грандиозных, но играющих большую роль в изучении специфики личных взаимоотношений обитателей македонского военного лагеря, их мотивов и стремлений, что в конечном итоге предоставляет возможность придать истории той далекой эпохи столь искомое современными исследователями «человеческое лицо». Один из таких эпизодов, относящийся к индийскому этапу завоеваний Александра, связан как с весьма любопытным противостоянием двух непохожих друг на друга бойцов, так и с трагическим конфликтом между отдельной личностью и чужим для него сообществом.

Материалы и методы

Исследование базировалось на анализе всех связанных с рассматриваемой проблемой фрагментов античной историко-литературной традиции. Для выявления и интерпретации отраженных в древнем нарративе фактов применялись методы исторической герменевтики и семиотики. Определение значения использовавшихся в источниках терминов, необходимое для правильного понимания сути произошедшего, было осуществлено в рамках семантического анализа. Интерпретировать имеющиеся сведения и выстроить на их основе реконструкцию событий дали возможность общенаучные и специальные исторические методы. Среди последних особое значение имели историко-системный и историко-генетический методы, ретроспективный и перспективный анализ, а также методы исторической компаративистики, позволившие в ходе исследования решить ряд проблем, порожденных объективными недостатками источниковой базы.

Результаты

Наиболее пространные и весьма схожие между собой сообщения об анализируемом столкновении оставили Диодор Сицилийский и Курций Руф, тождественно относящие его ко времени, последовавшему за выздоровлением македонского царя от тяжелого ранения, полученного во время кампании против индийских племен маллов и оксидраков/судраков зимой 326 – 325 гг. до н.э. Согласно Диодору, оправившийся от раны Александр организовывал для «друзей» пиры. На одном из них отличавшийся силой и совершивший немало подвигов в бою македонянин Корраг (Κόραγος), будучи разгоряченным вином, вызвал на поединок (μονομαχῆσαι) афинянина Диоксиппа (Διώξιππος), увенчанного за знаменитые победы атлета. Участники пира стали подстрекать и Диоксипп принял вызов. Сообщается, что царь назначил день мономахии, на которую пришли посмотреть десятки тысяч, причем македоняне и сам Александр болели за Коррага, а греки – за Диоксиппа. Македонянин вышел на бой в дорогом вооружении (πολυτέλειον ὄπλοισι), в то время как афинянин был обнажен, натерт маслом и с дубиной (ρόπαλον). Отмечается вызывавшая изумление физическая сила оппонентов, заставлявшая ожидать поединка богов, причем Корраг и Диоксипп в тексте сравниваются с Аресом и Гераклом соответственно. Описывая состоявшийся бой, автор указывает, что в начале македонянин метнул с подходящего расстояния дротик (ἤκόπισεν), от которого противник отклонился. Затем Корраг двинулся, выставив «македонскую сариссу» (Μακεδοικτὴν σάρισαν), но Диоксипп ее сломал ударом дубины. После этих неудач македонянин взялся за меч (ξίφος), но, пока он вытаскивал оружие, Диоксипп подскочил, левой рукой схватил извлекавшую меч руку противника, а другой столкнул Коррага и, схватив за ноги, повалил на землю. Указывается,

что грек встал ногой на шею врага, поднял дубину и посмотрел на зрителей. Толпа встретила его победу криками удивления, после чего Александр закончил зрелище и велел отпустить побежденного. Македоняне, как и их царь, были огорчены поражением Коррага, при этом греки украсили победителя лентами. Описывая последствия поединка, Диодор упоминает, что Александр стал относиться к Диоксиппу холоднее. Друзья царя и другие македоняне уговорили слугу подбросить афинянину под подушку золотой кубок. На одном из пиров атлета обвинили в краже и опозорили. Уйдя с застолья, Диоксипп написал Александру письмо о подстроенной ловушке и покончил с собой. Заканчивается рассказ констатацией безрассудства Диоксиппа, согласившегося на поединок, и сообщением о сожалениях Александра, прочитавшего письмо и осознавшего, что пошел на поводу у клеветников (см. Diod., XVII, 100–101).

В латиноязычной «*Historiae Alexandri Magni Macedonis*» Курций Руф приводит схожий рассказ о данных событиях, передавая, тем не менее, некоторые иные детали. Так, римский автор упоминает о большой симпатии Александра к Диоксиппу (*Dioxippus*), указывает, что македоняне попрекали последнего за неучастие в битвах, но готовность к трапезам. Это делал на пиру и охмелевший македонянин, которого писатель называет «Горратом» (*Horratas*). Диоксипп принял брошенный ему вызов с насмешкой, а Александр разрешил бой лишь на следующий день после новых просьб об этом. Описывая вооружение участников поединка, Курций Руф сообщает, что македонянин был облачен в доспехи (*arma*), держал в левой руке щит (*clipeum*) и копье, называемое сариссой (*sarisam vocant*), в правой – копье (*lanceam*), на поясе имел меч (*gladioque cinctus*). Диоксипп был обнажен, блестел от масла и украшен венком. В левой руке он нес маленький пурпурный плащ (*puniceum amiculum*), в правой – крепкую узловатую дубину (*validum nodosumque stipitem*). Упоминается, что, после того как македонянин неудачно метнул первое копье, Диоксипп подскочил и дубиной перебил пополам (*mediam eam fregit*) копье, которое противник еще не переложил в правую руку. Затем грек руками стиснул пытавшегося достать меч противника и внезапно подсек ему ноги (*pedibus repente subductis*). Сообщается, что Диоксипп намеревался добить лежавшего на земле македонянина, но был остановлен царем. Согласно автору, особо удручило Александра присутствие на поединке «варваров», которые теперь могли усомниться в храбрости македонян. Повествуя о приведшей к самоубийству Диоксиппа интриге с якобы похищенной чашей, Курций Руф приписывает кражу драгоценности слугам (см. Curt., IX, 7, 15–26). Знал о поединке и Элиан, по чьей информации Диоксипп в присутствии Александра и македонян с дубиной (ρόπαλον) в руках решился на бой с македонянином Коррагом, гоплитом (Κόρραγον τὸν Μακεδόνα ὀπλίτην). Согласно этой версии, Диоксипп выбил из рук Коррага копье-ксистон (ξυστόν), повалил в полном вооружении на землю, наступил ногой на горло и, выхватив висевший у противника на поясе меч-махайру (μάχαιραν), убил гоплита (ἀπέκτεινε τὸν ὀπλίτην). Также упоминается ненависть Александра, которую Диоксипп пробудил своим поступком, и самоубийство грека (см. Ael. Var. hist., X, 22).

Значительная схожесть пространных сообщений, содержащихся в сочинениях Диодора и Курция Руфа, позволяет полагать, что первоначальный рассказ о поединке был представлен в труде Клитарха Александрийского, который, видимо, уже заключал в себе указание на неразумность поступка Диоксиппа и сравнение афинянина и македонянина с Гераклом и Аресом [31, с. 66]. На данные того же раннего источника напрямую или опосредованно опирался и Элиан, однако его версию, содержащую упоминание убийства Коррага, следует признать в значительной степени искаженной [33, с. 115]. По сути, перед нами два относительно точных пересказа данных ныне утраченной первичной исторической традиции, где весьма подробно раскрывались обстоятельства единственной известной официально санкционированной мономахии в

стане армии Александра. Принять мнение, согласно которому сообщения о противостоянии Коррага и Диоксиппа являются лишь историческим анекдотом [41, с. 491], не представляется возможным. Этому препятствует происхождение информации и ее наполнение, вполне поддающееся комплексному анализу.

Дискуссия

Фигурирующий в качестве одного из основных участников событий афинский атлет Диоксипп был широко известным современником Александра. Так, его дважды упоминает оратор Гиперид, в том числе указывая, что Диоксипп был увенчан в Олимпии (см. I, 1, fr. 4b; 2, fr. 13). В сравнительно поздней традиции рассказывается об олимпийском победителе Диоксиппе, ставшем объектом внимания со стороны знаменитого Диогена Синопского¹. Судя по имеющимся сообщениям, Диоксипп являлся панкратионистом (Athen., VI, 251a; Plin. Nat. Hist., XXXV, 40, 139). Словам Курция Руфа (IX, 7, 16), назвавшего этого афинянина кулачным бойцом (*pugil*), не следует придавать большого значения: в данном случае автор явно романизирует лексику, как это делал при написании своего произведения неоднократно [22, с. 51–60; 51, с. 77–78]. Предположительно, Диоксипп стал олимпийским победителем в панкратионе в 336 г. до н.э. [44, с. 50; 46, с. 125–126] Согласно Плинию Старшему (Nat. Hist., XXXV, 40, 139), указанный олимпионик был изображен на одной из картин, принадлежащих кисти Алкимаха, при этом писатель сообщает о победе Диоксиппа способом, называемым ἀκοιμή. Используемое понятие, буквально переводимое как «без пыли», означало, что противник Диоксиппа не смог принять участие в финальном бою или же сознательно отказался от поединка [32, с. 61–62]. О присутствии этого знаменитого панкратиониста в свите Александра писал Аристокл, по сведениям которого, переданным Афинеем, Диоксипп, ставший свидетелем ранения и кровотечения Александра, посредством цитирования «Илиады» сравнил кровь полководца с ихором, текущим у небесных обитателей (см. Athen., VI, 251a). Это заявление, неприкрыто льстившее претензиям Александра на статус сына Зевса, видимо, имело место в реальности² и, предположительно, было сделано летом 327 г. до н.э. под стенами индийской Массаги [17, с. 114–115].

Уверенно определить кем являлся македонский участник конфликта не представляется возможным. Источники еще дважды сообщают о македонских соратниках Александра, носивших имя «Корраг» (Κόρραγος). Первого из них Эсхин называет командиром отряда, в сражении уничтоженного спартанским царем Агисом III (III, 165). Второй Корраг упоминается в найденном в 1906 г. фрагменте неизвестного раннеэллинистического сочинения, согласно которому Корраг, сын Меноита (Κόρραγον [Μ[ε]ν[ι]ο[ί]του]), один из «друзей», был поставлен во главе большей части войск, соответствовавшей потребностям, имевшимся на границе с Иллирией [30, с. 339–340]. Сам текст, как предполагается, был посвящен военной кампании, проведенной Александром в 335 г. до н.э. против фракийцев и иллирийцев³. По мнению В. Хеккеля, есть некоторая вероятность тождественности последнего из упомянутых Коррагов с противником Диоксиппа [33, с. 94–95]. Впрочем, представляется, что намного более оправдано предположение того же исследователя о возможности сопоставления сына Меноита с Коррагом, разбитым Агисом III, так как в обоих случаях фигурирует статусный человек, самостоятельно командующий частью войска. Македонянин, побежденный Диоксиппом, видимо, являлся другим лицом, носившим имя Κόρραγος, которое было достаточно распространено в македонском ономастиконе времен великих завоеваний и эпохи эллинизма [70, с. 346–347]. Конечно, он не служил в качестве фалангита, как это иногда указывается в литературе [34, с. 61]. Судя по факту участия Коррага в царском пире, где обычно присутствовали представители относительно узкого круга македонских аристократов [16, с. 53; 60, с. 62–63], он был одним из царских друзей-гетайров и, отличаясь личной доблестью, являлся или командиром одного из

сравнительно небольших подразделений, или, как минимум, представителем элитного царского кавалерийского отряда. Нельзя исключать вероятность и того, что статуса гетайра Корраг удостоился незадолго до инцидента [17, с. 116]. В любом случае, высоких командных должностей Корраг не занимал и потому в сообщениях о других событиях времен Восточного похода не фигурировал. Данное обстоятельство хорошо объясняет готовность Коррага вступить в поединок с греческим «выскачкой» и еще раз проявить удаль перед лицом монарха и всей армии.

Были и иные вполне уверенно выявляемые предпосылки произошедшего. Так, античные авторы упоминают особую атмосферу «дуэли», во время которой эллины поддерживали Диоксиппа, а македоняне болели за Коррага. В этой связи можно обратить внимание на сообщение Курция Руфа (VIII, 1, 24) о произошедшей еще до воцарения Александра распри между македонянами и греческими наемниками, закончившейся вооруженным столкновением, едва не стоившим жизни Филиппу II. Данный эпизод, конечно, в значительной степени приукрашен, но, как отмечается, в целом соответствует особенностям македонской армии, где периодически возникали проблемы с дисциплиной и существовали непростые отношения между представителями разных этнических групп [20, с. 36, 52]. Тем не менее, нельзя и ставить знак равенства между двумя этими событиями, и считать происхождение «дуэлянтов» главным мотивом их столкновения. Как убедительно показал Э. М. Энсон, напряженность между македонским и греческим компонентами армии имела место, но преувеличивать ее значение не следует, так как все наблюдаемые конфликты имели не столько этническую, сколько иную основу, порожденную более ощутимыми политическими или личными противоречиями [6, с. 233–258]. В случае с Диоксиппом, без сомнения, причиной стали особенности данной незаурядной личности. Прежде всего, для Коррага и других македонян это был не участвовавший в боях победитель состязаний и льстец, незаслуженно занявший место возле Александра. В полной мере оправданным можно считать заключение, что конфликт был обусловлен сочетанием межэтнических противоречий и недовольства неоправданно высоким положением афинянина [13, с. 430]. Сюда следует присовокупить еще одно обстоятельство, связанное с успехами Диоксиппа в панкратионе. Согласно Плутарху, Александр не любил атлетов и, устраивая различные соревнования в охоте и бои на палках, не проявлял интереса к состязаниям кулачному бою или панкратиону и не назначал наград для их участников (Alex., 4). Учитывая, что полководец периодически все же организовывал агонистические фестивали со спортивной составляющей и приблизил к себе Диоксиппа и некоторых других греческих атлетов, в данном случае, очевидно, подразумевается стремление Александра ограничить регулярную подготовку воинов дисциплинами с явным военно-прикладным значением [67, с. 73–77]. Иными словами, монарх не считал панкратион ценным в реальном бою и это убеждение вполне могло породить среди македонян мнение о данной дисциплине как о праздной забаве. В соответствии с ним, знаменитый панкратионист должен был выглядеть «дутой» величиной, которую Корраг и решил спустить с небес на землю. Примечательно, что в переданных Курцием Руфом упреках македонян в адрес Диоксиппа упоминается тяга к еде, соответствующая известному греческому топосу о склонности профессиональных атлетов к обильной и изысканной пище [13, с. 431].

Характеризуя обозначенные выше факторы как значимые, необходимо отметить важную роль обстановки. Злополучный вызов прозвучал на македонском царском пире, где на фоне обильных возлияний не так уж редко разгорались конфликты между отдельными личностями или соперничающими группировками [20, с. 242–243]. В некоторых случаях на застольях происходило обнажение или даже применение оружия: как известно, именно на пиру случилась перебранка царевича Александра и Аттала, в результате которой пьяный Филипп II бросился на сына с мечом в

руках (см. Plut. Alex., 9), а сам Александр во время застолья убил копьем своего давнего соратника Клита Черного (см. Arr. Anab., IV, 8, 1–9, 9; Plut. Alex., 50–52; Moral., 71c, 341f; Curt., VIII, 1, 20–2, 12; Just., XII, 6, 1–8). Конечно, сопоставлять конфликт Коррага и Диоксиппа с этими эпизодами или с ссорой Гефестиона и Кратера, однажды во время размолвки обнаживших мечи (Plut. Alex., 47), нельзя, так как в рассматриваемом случае на пиру не было самой схватки, а прозвучал вызов на бой.

Сообщение Курция Руфа о том, что Александр санкционировал поединок после долгих уговоров представляется вполне достоверным. Подобные вооруженные «дуэли», видимо, не были характерной частью македонской военной культуры. Так, У. Притчетт в весьма обширном перечне зафиксированных в греческих источниках мономахий, помимо эпизода с Диоксиппом, применительно ко временам Александра упоминает лишь столкновение македонского царя с сатрапом Спифридатом при Гранике [61, с. 19]. Этот список может быть дополнен описанным в источниках поединком македонского командира Эригия и правителя Арианы Сатибарзана (см. Diod., XVII, 83, 4–6; Curt., VII, 4, 33–40), однако данный бой, проведенный по инициативе иранца, не мешает оценивать практику проведения регламентированных вооруженных поединков как нехарактерную для македонской военной среды. Согласиться с проведением «дуэли» между атлетом и воином Александра, видимо, сподвигло стремление развлечь себя и войско в период бездействия, а также отношение к событию как к своеобразному аналогу состязаний в воинском мастерстве, проведенных несколькими годами ранее по инициативе самого македонского царя в Ситтакене (см. Diod., XVII, 65, 2–3; Curt., V, 2, 1–3).

Данные письменной традиции свидетельствуют, что участники мономахии, состоявшейся в установленное Александром время при многочисленных зрителях, продемонстрировали разные подходы к предстоящему событию. Диоксипп, как указывается, вышел на бой обнаженным и с натертой маслом кожей, то есть во вполне привычном для греческого атлета виде. Из вооружения он имел фигурирующую во всех сообщениях дубину и упомянутый Курцием Руфом небольшой плащ в левой руке. Доверять указанию на последнюю деталь позволяет присутствие в греческом военном и охотничьем обиходе позднеклассического времени практики ношения коротких плащей обернутыми вокруг левой руки [66, с. 58–59]. Сравнение вышедшего на поединок Диоксиппа с Гераклом, видимо, было обусловлено не только выдающимися физическими данными олимпийца, но и экипировкой. Атлет явно подражал легендарному сыну Зевса, известными атрибутами которого были деревянная палица и шкура льва [75, с. 13]. Это образ был выбран не случайно, так как именно Геракл, наряду с Тесеем, считался одним из создателей панкратиона [4, с. 40; 29, с. 12]. Говоря о необычной экипировке Диоксиппа, следует отметить, что в Греции исторической, а не мифологической, дубина была оружием наиболее бедных представителей полисных армий или весьма специфичных формирований, создаваемых тиранами [68, с. 80]. Вряд ли знаменитый спортсмен обзавелся подобным атрибутом городских низов на случай участия в боевых действиях против азиатских «варваров». Диодор и Элиан называют оружие Диоксиппа *ρόπαλον*, используя понятие, которое Ксенофонт применял для обозначения дубинок, употреблявшихся при охоте на зайцев (см. Сунег., 6, 11; 17). Кроме того, нужно обратить внимание на другой известный по античной письменной традиции пример использования неких дубин для ломки копейных древков. Согласно рассказу Ксенофонта о ночном нападении фракийцев из племени финов на занятое греческими наемниками поселение, некоторые из атакующих колотили в двери дубинками (*σκυτάλοις*), применяемыми, по их словам, для сбивания наконечников копий (*ἀποκόψοντες τῶν δοράτων τὰς λόγχας*) (Anab., VII, 4, 15). Предполагается, что финны ломали копья именно охотничьими дубинками, одна из разновид-

ностей которых, отличающаяся изогнутой формой и узлами-утолщениями, изображена на росписи в гробнице из Александрово [47, с. 40–49; 76, с. 45]. Очевидно, охотничью дубинку использовал в поединке и Диоксипп: учитывая, какую большую роль в жизни македонского царского двора времен Александра играла охота [20, с. 267–269], сомневаться в наличии разнообразного инвентаря для данного времяпрепровождения не приходится. Кроме того, этот вывод хорошо коррелируется с информацией о наличии в руке Диоксиппа плаща. На «Саркофаге Абдуланима», заслуженно считающегося ценным источником сведений о костюме времен Александра Великого, один из участников охоты представлен полностью обнаженным, но с плащом, обернутым вокруг левой руки [3, с. 22]. Аналогичное использование плаща как средства защиты и наличие дубины позволяют считать экипировку афинского атлета не воинской, а охотничьей. Весьма интересно то, что афинский спортсмен, как и фракийцы, применил дубину для ломки копейного древка. Конечно, атлет потенциально мог самостоятельно прийти к идее использовать имевшееся у него орудие подобным образом, однако весьма велика вероятность и прямого заимствования приема. Афиняне традиционно поддерживали с фракийской элитой тесные связи, а многие представители этого балканского народа жили в Афинах и даже имели в Пирее свое святилище, посвященное охотничьему божеству Бендиде [64, с. 151]. Таким образом, известный атлет даже в родном городе мог общаться с носителями фракийских традиций и узнать от них о некоторых приемах обращения с охотничьим инвентарем.

Противник Диоксиппа подошел к поединку иначе. Согласно источникам, Корраг облачился в полный комплект защитной экипировки. Он должен был состоять из шлема, панциря и щита, о котором напрямую пишет только Курций Руф, в данном случае явно передающий информацию своего греческого источника. В пользу этого свидетельствует использование латинского термина *clupeus*, обозначавшего круглый покрытый бронзой щит и служившего эквивалентом для греческого ἀσπίς [2, с. 53; 15, с. 5]. Из наступательного оружия у Коррага был меч, дротик, а также копье, называемое в сочинениях Диодора и Курция Руфа, а также, несомненно, и в тексте Клитарха, «сариссой». Наиболее часто этот термин использовался в античной традиции для наименования длинных двуручных копий, имевшихся на вооружении у бойцов знаменитой македонской фаланги. Авторы эллинистического времени приводят разные данные о габаритах этого оружия, колеблющиеся в пределах от 10 до 16 локтей⁴. Излишне не вдаваясь в детали длительной дискуссии, порожденной различными подходами к интерпретации античных данных, следует заметить, что, по имеющимся оценкам, в эпоху Александра сарисса македонских фалангитов имела длину от 4,5 до 5,7 м [19, с. 52; 40, с. 323; 43, с. 97; 49, с. 839–842]. Это копье обладало большой эффективностью при массовом использовании хорошо обученными пехотинцами в плотных порядках, однако, как справедливо отмечается в литературе, от него было мало проку если бой проходил вне строя и представлял собой схватки отдельных воинов или небольших групп [10, с. 36–37; 27, с. 43–44; 65, с. 153]. Некоторые из исследователей, буквально трактуя информацию клитарховой традиции, делают вывод о наличии у Коррага именно двуручной сариссы фалангитов [7, с. 62; 34, с. 61–62; 42, с. 182], в том числе признавая, что выбранное оружие в поединке было бесполезным [41, с. 491] и даже делало македонянина «безнадежно уязвимым» [71, с. 97]. Оценивая обоснованность подобного мнения, следует обратить внимание на большой военный опыт Коррага, вряд ли бы позволивший допустить столь явную оплошность. Гораздо более аргументированной выглядит позиция А. Ногеры Бореля, который, убедительно показав многозначность македонского понятия σάρισσα/σάρισα, изначально служившего для наименования любого древкового оружия, сделал вывод об использовании Коррагом не двуручной сариссы, а более короткого копья. По мнению исследователя, Корраг позаимствовал этот предмет у охранявших царскую персону гипаспистов [49,

с. 847]. Кроме того, македонянин мог взять в бой кавалерийское копьё, также иногда называемое в источниках «сариссой» [35, с. 29]. Подобные выводы ни в коей мере не противоречат материалам источников: из сообщений античных авторов отнюдь не следует, что Корраг действовал имевшимся у него ударным копьём как «классической» сариссой, держа его двумя руками перед собой [37, с. 30–31].

Выбранная противником Диоксиппа экипировка, конечно, была напрямую связана с предполагаемым рисунком боя. Наличие полного комплекта доспехов, меча, метательного и ударного копий как «дуэльного» снаряжения сближало Коррага с героями «Илиады», паноплия которых во время поединков состояла из щита, шлема, панциря, кнемид, меча и одного-двух копий, применяемых и для метания, и для ударов [77, с. 137]. Примечательно, что в «Илиаде» сошедшиеся в противоборстве вожди, как и Корраг, вначале бросают в противника копьё, после чего вступают в ближний бой, действуя мечом или вторым копьём [65, с. 26]. Учитывая несвойственность регламентированных мономахий для македонской военной культуры того времени, можно сделать предположение о сознательном стремлении Коррага следовать за гомеровскими образцами снаряжения и действий на «дуэли». Это не вызывает удивления если вспомнить сколь заметное влияние оказывали присутствующие в греческом эпосе модели на Александра и его окружение [14, с. 14–15; 26, с. 372–374; 36, с. 249–250; 63, с. 283–284]. Диоксипп, напротив, рассчитывал на иной сценарий боя. Выйдя на поединок обнаженным и покрытым маслом, с дубинкой и намотанным на руку плащом, он явно делал ставку на скорость и свои спортивные навыки: панкратион, на поприще которого афинянин достиг больших успехов, был наиболее жестким и весьма действенным единоборством, предусматривавшим удары руками и ногами, броски, болевые и удушающие приемы [23, с. 35–188].

Подробно описанный в источниках ход поединка показывает, что расчет афинского атлета был полностью оправдан. Имея преимущество в скорости и обладая присущей мастерам единоборств реакцией, не отягощенный вооружением Диоксипп сумел увернуться от брошенного дротика. Как определяется, ликвидировать угрозу, исходившую от выставленного Коррагом ударного копья, Диоксипп мог двумя способами: отступить назад при осуществленном противником выпадом и сбить дубинкой наконечник копья или же, нырнув вперед, войти в «мертвую зону» древкового оружия и сломать его деревянную часть [42, с. 182]. С другой стороны, нельзя считать несостоятельной и версию Курция Руфа, подразумевающую, что Корраг лишился копья еще до того, как изготовился нанести им удар. Далее Диоксипп успешно применил свои бойцовские навыки, блокировав попытку Коррага вытащить меч и повалив оппонента на землю. По одному из выдвинутых предположений, Диоксипп использовал характерный для панкратиона прием с выполненной ногой подсечкой [57, с. 167–168]. Согласно другому мнению, Диодор абсолютно точно описал действия афинского атлета, повергнувшего Коррага наземь посредством выполненного правой рукой удара по ногам уже потерявшего равновесие оппонента [35, с. 31]. Придавив противника к земле, поставив на его шею ногу и занеся дубину, Диоксипп продемонстрировал свое абсолютное превосходство. Быстрое и, по сути, бескровное достижение такого результата стало главной причиной упомянутого у Диодора удивления зрителей, на глазах которых вооруженный до зубов Корраг потерпел поражение и сохранил жизнь, прежде всего, благодаря распоряжению своего царя.

Победа афинянина была полной и вызвала бурное ликование присутствующих греков, безусловно, воспринявших триумф атлета как своеобразный реванш за военные поражения, которые в прошлом Македония наносила эллинским полисам [6, с. 236]. Македоняне отнеслись к итогам поединка диаметрально противоположным образом. Как указывается в источниках, своей победой Диоксипп лишил себя благоволения со стороны самого Александра. Здесь большую роль мог сыграть отмеченный

Курцием Руфом факт поражения македонянина на глазах у «варваров». Царь вряд ли остался доволен падением репутации завоевателей, один из которых в присутствии индов был повержен обнаженным противником [17, с. 116; 48, с. 324]⁵. Кроме того, Диоксипп крайне бестактно изобразил из себя Геракла перед Александром, являвшимся представителем восходящей к мифическому герою династии Аргеадов и пытавшимся сравняться со своим легендарным предком в подвигах [17, с. 116]. Еще одной причиной недовольства могло стать несоответствие произошедшего воззрениям Александра, не считавшего панкратион значимым в условиях реального боя. Негодование полководца и его македонских соратников должно было усилиться и из-за обстоятельств мономахии, в которой их отмеченный подвигами соплеменник, оснащенный оружием, ранее приносившим славы победы, был легко повержен имевшим лишь охотничий инвентарь чужеземцем. Ухудшение отношения Александра к атлету развязало руки македонским аристократам, тесно связанным общим происхождением и групповыми интересами, весьма настроено и враждебно относившимся ко всем посторонним лицам, претендующим на влияние при дворе [6, с. 252–258]. Уязвленные победой чужака над представителем их сообщества, знатные македоняне организовали интригу, итогом которой стало ложное обвинение Диоксиппа в краже золотой чаши, подброшенной ему слугами и ставшей поводом для нападок, подтолкнувших психологически сломленного атлета к самоубийству. Предположение о том, что организацией истории с чашей македонские аристократы пытались угодить царю [50, с. 171], представляется малоубедительным. Здесь в большей степени проявились особенности македонской придворной жизни, где нередко имела место беспощадная травля тех, кто оступился и, тем более, полностью утратил расположение монарха [38, с. 93]. Надо признать не лишним оснований восходящее к Клитарху заявление о виновности Диоксиппа в собственных бедах. Решением принять брошенный во время пира вызов чужестранец, прославленный лишь на спортивном поприще, противопоставил себя македонской элите, которая не простила бы афинянину ни его победы над членом своего сообщества, ни поражения, неизбежно обернувшегося бы утратой авторитета олимпийца, его осмеянием и поводом для других изводящих нападок.

Заключение

Подводя итог, необходимо констатировать, что известный по сравнительно поздним сочинениям поединок афинского атлета Диоксиппа и македонянина Коррага был реальным историческим эпизодом, изначально описанным в ранней традиции. В период стоянки армии Александра, вызванной недавним ранением царя, на одном из пиров имел место конфликт, порожденный совокупностью противоречий между македонянами и греками, участниками боевых действий и сопровождавшими войско льстецами, настоящими воинами и атлетами. Это столкновение привело к нехарактерному для македонской практики вооруженному поединку, быструю и легкую победу в котором одержал привыкший к схваткам один на один афинянин, чьи успехи в панкратионе несколькими годами ранее позволили ему стать чемпионом Олимпиады. Тем не менее, триумф грека лишил его благосклонности со стороны монарха и усилил породившую «дуэль» неприязнь со стороны македонской элиты, обернувшуюся ложным обвинением в краже и травлей, вынудившей Диоксиппа пойти на суицид.

Примечания

1. Согласно Диогену Лаэртскому (VI, 43), его знаменитый тезка противопоставил себя Диоксиппу, заявив, что, в отличие от атлета, побеждает не рабов, а мужей. Плутарх (*Moral.*, 521b) и Элиан (*Var. hist.*, XII, 58) упоминают насмешливое высказывание Диогена Синопского об олимпийце Диоксиппе, неотрывно смотревшем с колесницы на красивую женщину, причем эту историю, без упоминания имени чемпиона, приводит и Диоген Лаэртский (VI, 61).

2. Согласно сообщению Плутарха, Александр после ранения сказал окружающим, что у него течет кровь, а не божественный ихор (Alex., 28; Moral., 341 b). Как справедливо отметил У. Тарн [69, с. 358–359], это сообщение восходит ко второй, не приведенной Афинеом части рассказа Аристубула, более достоверной по сравнению с приведенной Диогеном Лаэртским версией, приписывающей и приведенные цитаты из «Илиады», и указание на человеческую сущность Александра Анаксарху (см. IX, 60).
3. Наиболее пространное обоснование данного вывода привел Н. Хэммонд [30, с. 344–346]. Его заключение при скептическом отношении к возможности приписать текст олинфскому историку Страттису было принято большинством исследователей [12, с. 17; 18, с. 3]. Существует и более критическая позиция, ставящая под сомнение связь сообщения из папирусного материала с событиями первой самостоятельной военной кампании Александра [1, с. 279–281].
4. Заставший времена Восточного похода Теофраст упоминает, что наиболее длинные сариссы были в 12 локтей (Hist. plant., III, 12, 2). К этому сообщению близки данные Асклепидота, по которому самые короткие варианты этого оружия имели не менее 10 локтей, а наиболее длинные не превышали 12 (Tact., 5, 1). Согласно Полибию, описывающему события II в. до н.э., сариссы вначале были в 16 локтей, а затем их длина сократилась до 14 (XVIII, 29, 2). Аналогичные данные приводит Элиан (Tact., 14; ср. 12). О сариссах в 16 локтей пишет Полиэн (II, 29, 2). По Арриану, длина сарисс составляла 16 футов (Tact., 12, 7).
5. Согласно иному мнению, сообщение о недовольстве Александра из-за присутствия зрителей-варваров в сочинении Клитарха отсутствовало и появилось в результате литературных усилий самого Курция Руфа [13, с. 432–433].

Список источников и литературы

1. *Илиев Й.* Родопите и тракийският поход на Александър III Велики от 335 г. пр. ХР // Личността в историата : сборник с доклади и съобщения от Националната научна конференция на 200 г. от рождението на Александър Екзарх, Захарий Княжески и Атанас Иванов. Стара Загора: Регионален исторически музей Стара Загора, 2011. С. 276–284.
2. *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. В 2 т. Т 1: Государственное устройство Рима до Августа. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. 704 с.
3. *Секунда Н.* Армия Александра Великого / пер. с англ. Я. Зверева. М.: АСТ, 2004. 56 с.
4. *Abrams H.* A Brief History of the Pankration // Canadian Journal of History of Sport and Physical Education. 1979. Vol. 10, no. 2. P. 36–51.
5. *Aeschines Orationes* / ed. F. Franke. Leipzig: Teubner, 1863. 230 p.
6. *Anson E. M.* Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians. Boston ; Leiden: Brill, 2004. 285 p.
7. *Anson E. M.* Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London ; New York: Bloomsbury, 2020. 234 p.
8. *Arrianus Flavius Tactica* // Flavii Arriani quae exstant omnia / ed. A. G. Roos. Vol. 2. Leipzig: Teubner, 1968. P. 129–176.
9. *Asclepiodotus* // Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / ed. by W. A. Oldfather, A. S. Pease, J. B. Titchener. London; New York: Harvard University Press, 1923. P. 244–333.
10. *Ashley J. R.* The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
11. *Athenaei Navcratitae.* Dipnosophistarum libri XV. Vol. 2 / ed. G. Kaibel. Leipzig: Teubner, 1887. 498 p.
12. *Baynham E. J.* The Ancient Evidence for Alexander the Great // Brill's companion to Alexander the Great / ed. by J. Roisman. Leiden; Boston, 2003. P. 3–29.
13. *Baynham E. J.* Quintus Curtius Rufus on the “Good King”: The Dioxippus Episode in Book 9.7.16–26 // A Companion to Greek and Roman historiography. Vol. 2 / ed. by J. Marincola. Oxford: Blackwell, 2007. P. 427–433.
14. *Baynham E. J.* “Selling Alexander”: the concept and use of “propaganda” in the age of Alexander // Alexander the Great and Propaganda / ed. by J. Walsh and E. J. Baynham. London; New York: Routledge, 2021. P. 1–13.
15. *Bishop M. C.* Roman Shields. Oxford: Osprey, 2020. 64 p.
16. *Borza E. N.* The symposium at Alexander’s court // Ancient Macedonia 3: Third International Symposium. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1983. P. 45–55.

17. *Bosworth A. B.* Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford: Clarendon Press, 1996. 218 p.
18. *Bosworth A. B.* Introduction // Alexander the Great in Fact and Fiction / ed. by A. B. Bosworth and E. J. Baynham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–22.
19. *Campbell D. B.* How long was the Macedonian Sarissa? An obscure debate over a very long spear // Ancient Warfare. 2016. Vol. 8, no. 3. P. 48–52.
20. *Carney E. D.* King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. Swansea: The Classical Press of Wales, 2015. 326 p.
21. *Claudii Aeliani Varia historia* / ed. M. R. Dilts. Leipzig: Teubner, 1974. 199 p.
22. *Cresci Marrone G.* Tecniche di trasposizione della terminologia greco-orientale nell'opera di Curzio Rufo // Rendiconti dell'Istituto Lombardo. 1978. Vol. 112. P. 51–60.
23. *Dervenis K., Lykiardopoulos N.* The Martial Arts of Ancient Greece: Modern Fighting Techniques from the Age of Alexander. Rochester: Destiny Books, 2005. 237 p.
24. *Diodorus Siculus*, Library of history. Vol. 8. Cambridge ; London: Harvard University Press. 1989. 496 p.
25. *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*. Vol. 1 / ed. M. Marcovich. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 826 p.
26. *Edmunds L.* The Religiosity of Alexander // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. Vol. 12, no. 3. P. 363–391.
27. *English S.* The Army of Alexander the Great. Barnsley: Pen & Sword, 2009. 164 p.
28. *Flavii Arriani Anabasis Alexandri* / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
29. *Gardiner E. N.* The Pankration and Wrestling // The Journal of Hellenic Studies. 1906. Vol. 26. P. 4–22.
30. *Hammond N. G. L.* A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987. Vol. 28. P. 331–347.
31. *Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 205 p.
32. *Harris H. A.* The Method of Deciding Victory in the Pentathlon // Greece & Rome. 1972. Vol. 19, no. 2. P. 60–64.
33. *Heckel W.* Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford: Blackwell, 2006. 389 p.
34. *Heckel W., Jones R.* Macedonian Warrior. Alexander's elite infantryman. Oxford: Osprey, 2006. 64 p.
35. *Hollenback G. M.* Understanding ancient combatives: How did Dioxippus take Coragus down? // Akroterion. 2009. Vol. 54. P. 29–34.
36. *Hunter R.* Homer and Greek literature // The Cambridge Companion to Homer / ed. by R. Fowler. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 235–253.
37. *Juhel P. O.* Autour de l'infanterie d'élite macédonienne à l'époque du royaume antigonide: Cinq études militaires entre histoire, philologie et archéologie. Oxford: Archaeopress, 2017. 288 p.
38. *Lane Fox R.* OXY. 4808 and Historians // The Historiography of Alexander the Great / ed. by K. Nawotka, R. Rollinger, J. Wiesehöfer and A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 91–104.
39. *M. Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum* / ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935. 375 p.
40. *Markle M. M.* The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // American Journal of Archaeology. 1977. Vol. 81, no. 3. P. 323–339.
41. *Markle M. M.* Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander // American Journal of Archaeology. 1978. Vol. 82, no. 4. P. 483–497.
42. *Matthew C. A.* An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War. Barnsley: Pen & Sword, 2015. 368 p.
43. *Matthew C.A.* The Length of the Sarissa // Antichthon. 2012. Vol. 46. P. 79–100.
44. *Matz D.* Greek and Roman Sport: A Dictionary of Athletes and Events from the Eighth Century B.C. to the Third Century A.D. Jefferson: McFarland, 1991. 169 p.
45. *Minor Attic Orators*. Vol. 2: Lysurgus. Dinarchus. Demades. Hyperides / ed. J. O. Burt. London: W. Heinemann, 1954. 640 p.

46. *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Rome: Accademia nazionale dei Lincei, 1957. 198 p.
47. *Nankov E.* Why One Needs “The Odd Man Out”? The Deer Hunter with Lagobolon from the Frescoes in the Thracian Tomb near Alexandrovo // *Archaeologia Bulgarica*. 2010. Vol. 14, no. 1. P. 35–55.
48. *Nawotka K.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. 440 p.
49. *Noguera Borel A.* L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse // *Ancient Macedonia 6: Sixth International Symposium*. Vol. 2. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1996. P. 839–850.
50. *O'Brien J.* Alexander the Great: The Invisible Enemy. London; New York: Routledge, 1994. 339 p.
51. *Pausch D.* Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 73–98.
52. *Pliny.* Natural History. Vol. 9 / ed. H. Rackman. London: W. Heinemann, 1969. 452 p.
53. *Plutarchi Vitae parallelae*. Vol. 3 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1889. 276 p.
54. *Plutarch's Moralia*. Vol. 1 / ed. F. C. Babbitt. London: W. Heinemann, 1922. 468 p.
55. *Plutarch's Moralia*. Vol. 4 / ed. F. C. Babbitt. London: W. Heinemann, 1962. 552 p.
56. *Plutarch's Moralia*. Vol. 6 / ed. F. C. Babbitt. London: W. Heinemann, 1962. 527 p.
57. *Poliakoff M. B.* Studies in the terminology of the Greek combat sports. Frankfurt am Main: Verlag Anton Hain, 1986. 202 p.
58. *Polyaeni Strategematon libri VIII* / ed. E. Woelfflin, J. Melber. Leipzig: Teubner, 1887. 562 p.
59. *Polybii historiae*. Vol. 3 / ed. T. Buttner-Wobst. Leipzig: Teubner, 1893. 431 p.
60. *Pownall F.* The Symposia of Philip II and Alexander III of Macedon: The View from Greece // *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives* / ed. by E. Carney and D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 55–65.
61. *Pritchett W. K.* The Greek State at War. Part 4. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985. 278 p.
62. *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
63. *Roisman J.* Honor in Alexander's Campaign // *Brill's companion to Alexander the Great* / ed. by J. Roisman. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 279–321.
64. *Sears M. A.* Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 328 p.
65. *Sears M. A.* Understanding Greek Warfare. London; New York: Routledge, 2019. 220 p.
66. *Sekunda N.* Greek Hoplite 480–323 BC. Oxford: Osprey, 2000. 64 p.
67. *Slowikowski S. S.* Alexander the Great and Sport History: A Commentary on Scholarship // *Journal of Sport History*. 1989. Vol. 16, no. 1. P. 70–78.
68. *Snodgrass A. M.* Arms and armor of the Greeks. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1967. 151 p.
69. *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. 2: Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 447 p.
70. *Tataki A. B.* Macedonians Abroad: A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens: De Boccard, 1998. 584 p.
71. *Taylor R.* The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World. Barnsley: Pen & Sword, 2021. 544 p.
72. *The Anabasis of Xenophon* / ed. A. T. Murray. Chicago ; Atlanta ; New York: Scott, Foresman and Co, 1914. 465 p.
73. *The Tactics of Aelian* / revised, translated and edited by C. Matthew. Barnsley: Pen & Sword, 2012. 227 p.
74. *Theophrastus,* Enquiry into plants / ed. A. Hort. London: W. Heinemann, 1916. 475 p.
75. *Wallace S.* Court, Kingship, and Royal Style in the Early Hellenistic Period // *The Hellenistic Court: Monarchic Power and Elite Society from Alexander to Cleopatra* / ed. by A. Erskine, L. Llewellyn-Jones and S. Wallace. Swansea: Classical Press of Wales, 2017. P. 1–30.
76. *Webber C.* The Thracians 700 BC – AD 46. Oxford: Osprey, 2001. 47 p.

77. Wees H. van. The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx (II) // Greece & Rome. 1994. Vol. 41, no. 2. P. 131–155.
78. Xenophon. On hunting // Scripta minora / ed. by E. C. Marchant, G. W. Bowersock. Cambridge: Harvard University Press, 1925. P. 365–458.

References

1. Iliev, J 2011, 'Rodopite i trakiiskiyat pokhod na Aleksandr III Veliki ot 335 g. pr. KhR' (Rhodope Mountains and the Thracian Campaign of Alexander the Great in 335 BC), in *Lichnostta v istoriata. Sborik s dokladi i sobshheniya ot Natsionalnata nauchna konferentsiya na 200 g. ot rozhdenieto na Aleksandr Ekzarkh, Zakharij Knyazheski i Atanas Ivanov* (Personality in history. Proceedings of the 200th national scientific conference from the birth of Alexander Exarch, Zaharii Knyazheski and Atanas Ivanov), Stara Zagora Regional Historical Museum publ, Stara Zagora, pp. 276–284. (In Bulgarian)
2. Netushil, IV 2014, *Ocherk rimskikh gosudarstvennykh drevnostey. Gosudarstvennoye ustroystvo Rima do Avgusta* (An essay on Roman State antiquities. The state structure of Rome until August), Vol. 2, V.N. Karazin Kharkiv National University publ, Kharkiv. (In Russ.)
3. Sekunda, N 2004, *Armiya Aleksandra Velikogo* (The Army of Alexander the Great), trans. Ya. Zverev, AST publ, Moscow. (In Russ.)
4. Abrams, H 1979, 'A Brief History of the Pankration', *Canadian Journal of History of Sport and Physical Education*, vol. 10, no. 2, pp. 36–51.
5. Franke, F (ed.) 1863, *Aeschines Orationes*, Teubner publ, Leipzig. (in Ancient Greek)
6. Anson, EM 2004, *Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians*, Brill publ, Boston–Leiden.
7. Anson, EM 2020, *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*, Bloomsbury publ, London–New York.
8. Arrianus Flavius, 1968, 'Tactica', ed. A.G. Roos, *Flavii Arriani quae exstant omnia*, vol. 2, Teubner publ, Leipzig, pp. 129–176. (in Ancient Greek)
9. WA Oldfather, AS Pease & JB Titchener (eds) 1923, 'Asclepiodotus', in *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*, Harvard University Press publ, London–New York, pp. 244–333. (in Ancient Greek)
10. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC*, McFarland publ, Jefferson.
11. Kaibel, G (ed.) 1887, *Athenaei Navcratitae Dipnosopistarum libri XV*, vol. 2, Teubner publ, Leipzig. (in Ancient Greek)
12. Baynham, EJ 2003, 'The Ancient Evidence for Alexander the Great', in J Roisman (ed.) *Brill's companion to Alexander the Great*, Brill publ, Leiden–Boston, pp. 3–29.
13. Baynham, EJ 2007, 'Quintus Curtius Rufus on the "Good King": The Dioxippus Episode in Book 9.7.16–26', in J Marincola (ed.) *A Companion to Greek and Roman historiography*, vol. 2, Blackwell publ, Oxford, pp. 427–433.
14. Baynham, EJ 2021, "Selling Alexander": the concept and use of "propaganda" in the age of Alexander', in J Walsh & EJ Baynham (eds.) *Alexander the Great and Propaganda*, Routledge publ, London–New York, pp. 1–13.
15. Bishop, MC 2020, *Roman Shields*, Osprey publ, Oxford.
16. Borza, EN 1983, 'The symposium at Alexander's court', in *Ancient Macedonia 3: Third International Symposium*, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, pp. 45–55.
17. Bosworth, AB 1996, *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*, Clarendon Press publ, Oxford.
18. Bosworth, AB 2000, 'Introduction', in AB Bosworth & EJ Baynham (eds.) *Alexander the Great in Fact and Fiction*, Oxford University Press publ, Oxford, pp. 1–22.
19. Campbell, DB 2016, 'How long was the Macedonian Sarissa? An obscure debate over a very long spear', *Ancient Warfare*, vol. 8, no. 3, pp. 48–52.
20. Carney, ED 2015, *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*, The Classical Press of Wales publ, Swansea.
21. Dilts, MR (ed.) 1974, *Claudii Aeliani Varia historia*, Teubner publ, Leipzig. (in Latin)

22. Cresci Marrone, G 1978, 'Tecniche di trasposizione della terminologia greco-orientale nell'opera di Curzio Rufo', *Rendiconti dell'Istituto Lombardo*, vol. 112, pp. 51–60. (in Italian)
23. Dervenis, K & Lykiardopoulos, N 2005, *The Martial Arts of Ancient Greece: Modern Fighting Techniques from the Age of Alexander*, Destiny Books publ, Rochester.
24. Diodorus Siculus, 1989, *Library of history*, vol. 8, Harvard University Press publ, Cambridge–London. (in Ancient Greek)
25. Marcovich, M (ed.) 2008, *Diogenes Laertii Vitae philosophorum*, vol. I, Walter de Gruyter publ, Berlin. (in Ancient Greek)
26. Edmunds, L 1971, 'The Religiosity of Alexander', *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 363–391.
27. English, S 2009, *The Army of Alexander the Great*, Pen & Sword publ, Barnsley.
28. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*, Teubner publ, Leipzig. (in Ancient Greek)
29. Gardiner, EN 1906, 'The Pankration and Wrestling', *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 26, pp. 4–22.
30. Hammond, NGL 1987, 'A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign', *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 28, pp. 331–347.
31. Hammond, NGL 1983, *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
32. Harris, HA 1972, 'The Method of Deciding Victory in the Pentathlon', *Greece & Rome*, vol. 19, no. 2, pp. 60–64.
33. Heckel, W 2006, *Who's Who in the Age of Alexander the Great*, Blackwell publ, Malden–Oxford.
34. Heckel, W & Jones, R 2006, *Macedonian Warrior. Alexander's elite infantryman*, Osprey publ, Oxford.
35. Hollenback, GM 2009, 'Understanding ancient combatives: How did Dioxippus take Coragus down?', *Akroterion*, vol. 54, pp. 29–34.
36. Hunter, R 2004, 'Homer and Greek literature', in R Fowler (ed.) *The Cambridge Companion to Homer*, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 235–253.
37. Juhel, PO 2017, *Autour de l'infanterie d'élite macédonienne à l'époque du royaume antigonide: Cinq études militaires entre histoire, philologie et archéologie*, Archaeopress publ, Oxford. (in French)
38. Lane Fox, R 2018, 'OXY. 4808 and Historians', in K Nawotka, R Rollinger, J Wiesehöfer & A Wojciechowska (eds.) *The Historiography of Alexander the Great*, Harrassowitz Verlag publ, Wiesbaden, pp. 91–104.
39. Rühl, F & Seel, O (eds.) 1935, *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum*, Teubner publ, Leipzig. (in Latin)
40. Markle, MM 1977, 'The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor', *American Journal of Archaeology*, vol. 81, no. 3, pp. 323–339.
41. Markle, MM 1978, 'Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander', *American Journal of Archaeology*, vol. 82, no. 4, pp. 483–497.
42. Matthew, CA 2015, *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War*, Pen and Sword publ, Barnsley.
43. Matthew, CA 2012, 'The Length of the Sarissa', *Antichthon*, vol. 46, pp. 79–100.
44. Matz, D 1991, *Greek and Roman Sport: A Dictionary of Athletes and Events from the Eighth Century B.C. to the Third Century A.D.*, McFarland publ, Jefferson.
45. Burt, JO (ed.) 1954, *Minor Attic Orators. Vol. II: Lycurgus. Dinarchus. Demades. Hyperides*, W. Heinemann publ, London. (in Ancient Greek)
46. Moretti, L 1957, *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*, Accademia nazionale dei Lincei, Rome. (in Italian)
47. Nankov, E 2010, 'Why One Needs "The Odd Man Out"? The Deer Hunter with Lagobolon from the Frescoes in the Thracian Tomb near Alexandrovo', *Archaeologia Bulgarica*, vol. 14, no. 1, pp. 35–55.
48. Nawotka, K 2010, *Alexander the Great*, Cambridge Scholars Publishing publ, Cambridge.

49. Noguera Borel, A 1996, 'L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse', in *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium*, vol. 2, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, pp. 839–850. (in French)
50. O'Brien, J 1994, *Alexander the Great: The Invisible Enemy*, Routledge publ, London–New York.
51. Pausch, D 2016, 'Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse', in H Wulfram (ed.) *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften publ, Wien, pp. 73–98. (in German)
52. Rackman, H (ed.) 1969, *Pliny Natural History*, vol. 9, W. Heinemann publ, London. (in Latin)
53. Sintensis, C (ed.) 1889, *Plutarchi Vitae parallelae*, vol. 3, Teubner publ, Leipzig. (in Ancient Greek)
54. Babbitt, FC (ed.) 1922, *Plutarch's Moralia*, vol. 1, W. Heinemann publ, London. (in Ancient Greek)
55. Babbitt, FC (ed.) 1962, *Plutarch's Moralia*, vol. 4, W. Heinemann publ, London: (in Ancient Greek)
56. Babbitt, FC (ed.) 1962, *Plutarch's Moralia*, vol. 6, W. Heinemann publ, London: (in Ancient Greek)
57. Poliakoff, MB 1986, *Studies in the terminology of the Greek combat sports*, Verlag Anton Hain publ, Frankfurt am Main.
58. Woelfflin, E & Melber, J (eds.) 1887, *Polyaeni Strategematon libri VIII*, Teubner publ, Leipzig. (in Ancient Greek)
59. Buttner-Wobst, T (ed.) 1893, *Polybii historiae*, vol. 3, Teubner, Leipzig. (in Ancient Greek)
60. Pownall, F 2010, 'The Symposia of Philip II and Alexander III of Macedon: The View from Greece', in E Carney & D Ogden (eds.) *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*, Oxford University Press, Oxford, pp. 55–65.
61. Pritchett, WK 1985, *The Greek State at War*, part IV, University of California Press publ, Berkeley–Los Angeles.
62. Vogel, Th (ed.) 1889, *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt*, Teubner publ, Leipzig. (in Latin)
63. Roisman, J 2003, 'Honor in Alexander's Campaign', in J Roisman (ed.) *Brill's companion to Alexander the Great*, Brill publ, Leiden–Boston, pp. 279–321.
64. Sears, MA 2013, *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
65. Sears, MA 2019, *Understanding Greek Warfare*, Routledge publ, London–New York.
66. Sekunda, N 2000, *Greek Hoplite 480-323 BC*, Osprey publ, Oxford.
67. Slowikowski, SS 1989, 'Alexander the Great and Sport History: A Commentary on Scholarship', *Journal of Sport History*, vol. 16, no. 1, pp. 70–78.
68. Snodgrass, AM 1967, *Arms and armor of the Greeks*, Cornell University Press publ, Ithaca–New York.
69. Tarn, WW 1948, *Alexander the Great*, vol. 2, Cambridge University Press publ, Cambridge.
70. Tatakis, AB 1998, *Macedonians Abroad: A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*, De Boccard publ, Athens.
71. Taylor, R 2021, *The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World*, Pen & Sword publ, Barnsley.
72. Murray, AT (ed.) 1914, *The Anabasis of Xenophon*, Scott, Foresman and Co publ, Chicago–Atlanta–New York. (in Ancient Greek)
73. Matthew, C (ed.) 2012, *The Tactics of Aelian*, Pen & Sword publ, Barnsley. (in Ancient Greek)
74. Hort, A (ed.) 1916, *Theophrastus Enquiry into plants*, W. Heinemann publ, London. (in Ancient Greek)
75. Wallace, S 2017, 'Court, Kingship, and Royal Style in the Early Hellenistic Period', in A Erskine, L Llewellyn-Jones & S Wallace (eds.) *The Hellenistic Court: Monarchic Power and Elite Society from Alexander to Cleopatra*, Classical Press of Wales publ, Swansea, pp. 1–30.
76. Webber, C 2001, *The Thracians 700 BC – AD 46*, Osprey publ, Oxford.
77. Wees, H van 1994, 'The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx (II)', *Greece & Rome*, vol. 41, no. 2, pp. 131–155.

78. Xenophon, 1925, 'On hunting', in EC Marchant & GW Bowersock (eds.) *Scripta minora*, Harvard University Press publ, Cambridge, pp. 365–458. (in Ancient Greek)

Статья поступила в редакцию: 29.11.2022
Одобрена после рецензирования: 14.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 29.11.2022
Approved after reviewing: 14.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Научная статья

УДК 930.253

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-23-42>

КОЛЛЕКЦИЯ СТОЛБЦОВ И ГРАМОТ XVII – XVIII ВВ. ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

**Нина Михайловна
Кочеткова¹**

**Юрий Федорович
Смирнов²**

---

^{1,2} Государственный архив Тульской области,
Тула, Россия,

^{1,2} yurasmirnov2006@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору коллекции документов столбцового делопроизводства XVII – XVIII вв., которая находится на хранении в Государственном архиве Тульской области. Коллекция начала формироваться в дореволюционный период в ходе деятельности тульских научно-исторических и архивных обществ. В дальнейшем документы оказались на хранении в ГАТО, где в 1952 г. впервые были подвергнуты научно-технической обработке. Однако только в 2004 – 2007 гг. в результате системного изучения коллекции был создан комплексный научно-справочный аппарат и электронный фонд пользования, что в условиях современных информационных систем, позволяет открыть доступ к документам коллекции широкому кругу исследователей. В статье представлен обзор различных видов документов, вошедших в коллекцию, в частности, актовые документы – список жалованной несудимой грамоты, указы о пожаловании земли, отписи о взыскании налогов, выписки из писцовых книг. Внимание уделено также актовым документам, вышедшим из церковной среды – это грамоты патриарха Иоакима и митрополитов Сарских и Подонских второй половины XVII в. Представленные в статье документы содержат информацию об отдельных сторонах бытовой стороны жизни XVII в., это, в частности, рядная запись о вступлении в брак. Внимание уделено и таким достаточно редким видам документов как азбука, рецепт и легенда.

Авторы приходят к выводу, что представленные в коллекции документы в комплексе с документами, хранящимися в Российской государственном архиве древних актов, могут выступать источниками по социальной и экономической истории региона, а также использоваться в рамках преподавания курса вспомогательных исторических дисциплин для студентов вузов.

Ключевые слова: Государственный архив Тульской области, коллекция документов столбцового делопроизводства, иммунитетная грамота, жалованная грамота, рядная запись, росписной список, челобитная.

Для цитирования: Кочеткова Н. М., Смирнов Ю. Ф. Коллекция столбцов и грамот XVII – XVIII вв. Государственного архива Тульской области // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 23–42. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-23-42>.

Сведения об авторах: *Н. М. Кочеткова* – начальник отдела научно-справочного аппарата, Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области», 300041, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 44а;

Ю. Ф. Смирнов – кандидат исторических наук, заместитель директора, Государственное учреждение «Государственные архив Тульской области», 300041, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 44а.

Scientific Article

UDC 930.253

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-23-42>

THE COLLECTION OF COLUMNS AND LETTERS FROM THE 17TH TO 18TH CENTURIES IN THE STATE ARCHIVE OF TULA OBLAST

*Nina M. Kochetkova*¹

*Yury F. Smirnov*²

---

^{1,2} State Institution "State Archive of Tula Oblast",
Tula, Russia,

^{1,2} yurasmirnov2006@gmail.com

Abstract. The article reviews the collection of column records dating from the 17th – 18th centuries that is in the safekeeping of the State Archive of Tula Oblast (SATO). The collection starts to form in the pre-revolutionary period in the course of the activities of Tula's scientific-historical and archival societies. Later the documents were stored at SATO, where in 1952 they underwent scientific and technical processing for the first time. However, it has not been until 2004 – 2007 that the systematic study of the collection resulted in the creation of a comprehensive scientific reference apparatus and electronic collection, which, with the help of modern information systems, allows a wide range of researchers to access the documents in the collection. The article gives an overview of the different types of documents in the collection, in particular the deed documents – the list of granted non-judgmental letters, decrees on granting land, signatures on the collection of taxes, extracts from cadastral books. The article also focuses on deed documents from the church context – these are letters of the Patriarch Joachim and metropolitans of Sarsk and Podonsk in the second half of the 17th century. The documents presented in the article contain information about certain aspects of the everyday life of the 17th century, in particular, a row record of marriage. The paper also pays attention to such fairly rare types of documents as the alphabet, the prescription and the legend.

The author concludes that the documents presented in the collection, in combination with documents stored in the Russian State Archive of Ancient Acts, can serve as sources on the social and economic history of the region, and also be used as part of the teaching of supporting history courses for university students.

Keywords: State Archive of Tula Oblast, collection of column paper records, immunity letter, charter, contractual record, handwritten list, petition.

For citation: Kochetkova, NM & Smirnov, YuF 2022, 'The collection of columns and letters from the 17th to 18th centuries in the State Archive of Tula Oblast', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 23–42, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-23-42> (in Russ.)

Information about the Authors: *Nina M. Kochetkova* – Head of the Department of the Scientific Reference apparatus, State Institution "State Archive of Tula Oblast", 41a Lenin Prospekt, Tula, 300041, Russia; *Yury F. Smirnov* – PhD in History, Deputy Director, State Institution "State Archives of Tula Oblast", 41a Lenin Prospekt, Tula, 300041, Russia.

© Kochetkova N. M., Smirnov Yu. F., 2022

Введение

В Государственном архиве Тульской области (далее по тексту – ГАТО) на хранении находится архивный фонд № 2202 «Коллекция столбцов и грамот XVII – XVIII вв.». Это акты, судебно-следственные дела, материалы финансово-хозяйственной отчетности и другие документы, которые были созданы в центральных и местных учреждениях.

Начало формирования коллекции столбцов и грамот исторически связано с деятельностью тульских научно-исторических обществ и учреждений досоветского периода: Историко-археологического общества, Палаты древностей и Тульской губернской ученой архивной комиссии. В материалах заседаний Совета комиссии зафиксированы факты пожертвований в фонд музея комиссии столбцов и грамот Р. Д. Еропкиным, предводителем губернского дворянства, С. К. Малькевичем, действительным членом комиссии. Тульский коллекционер А. М. Салищев, депутат Тульской городской думы, передал в фонд комиссии архив помещика А. Д. Сонины [1, л. 25; 2, л. 4 об.; 3, л. 21].

Члены Комиссии не только принимали дары, но и сами занимались целенаправленным поиском древних документов в семейных архивах старинных тульских родов. Так в имениях помещиков Языковых, Свербеевых, Малиновских [4, л. 13–14] были обнаружены столбцы и грамоты XVI – XVII вв., в имении М. Д. Ершова в селе Лебяжье Богородицкого уезда Тульской губернии – переплетенные в книгу списки грамот рода Иевлевых [5, л. 15 об., 16], в семейном архиве А. Ф. Малиновского – жалованные грамоты рода Хрущевых [4, л. 18]. Старинные документы привозили в г. Тулу для пополнения музейного фонда. Члены научно-исторических обществ положили также начало описанию вотчинных архивов крупных тульских землевладельцев. К сожалению, выявленные сведения не позволяют судить о размерах коллекции, собранной в досоветский период.

После упразднения Тульской губернской ученой архивной комиссии столбцы какое-то время хранились в Учительском институте, о чем свидетельствуют документы архивного фонда № Р-218 «Архивное бюро Тулгубисполкома». Дату поступления документов на хранение в ГАТО установить не удалось. Однако из дела фонда № 2202 следует, что 26 ноября 1952 г. была завершена его научно-техническая обработка, по итогам которой было учтено 498 единиц хранения (далее по тексту – ед. хр.).

Материалы и методы

При подготовке обзора документов изучался, созданный в ГАТО научно-справочный аппарат к фонду № 2202, в том числе опись документов и дело фонда, а также подлинники и электронные копии, хранящихся в фонде документов.

Результаты

Документы фонда № 2202 представляют уникальную коллекцию столбцов и грамот, которые имели распространение в канцелярском делопроизводстве русского государства XVII – XVIII вв. Подобные источники достаточно редки в областных государственных архивах, что значительно повышает их ценность и научный интерес к ним. Документы коллекции являются подлинниками, о чем свидетельствуют многие палеографические особенности: водяные знаки, наличие печатей, дьяческих помет, подписей лиц, присутствовавших при заключении каких-либо актов, отметок о получении документа в соответствующих приказах, скрепы по склейкам, или сствам столбцов, тексты документов написаны железистыми чернилами, которые преобладали в XVII в. Хронология дел фонда охватывает следующие хронологические периоды: 1491, 1582, 1587, 1603 – 1781 гг. За период 1603 – 1781 гг. имеются лакуны.

Коллекция содержит в основном документы, происходящие из делопроизводства местных учреждений – воеводских канцелярий, съезжих и приказных изб, пло-

щадных подьячих. Подавляющее большинство источников – документы, подтверждающие владельческие права на землю, свидетельства об уплате налогов и сборов, юридическое оформление межличностных отношений.

В плане численности документов по авторскому признаку лучше всего представлен род Сухотиных (92 ед. хр.), Муромцовых (57 ед. хр.), Языковых (49 ед. хр.), Бредихиных (41 ед. хр.), Хрущевых (13 ед. хр.). В документах коллекции хранятся сведения о представителях нескольких поколений этих дворянских родов. О вотчинниках Андреяновых, Арсеньевых, Абакумовых, Анненковых, Волконских, Доможировых, Ростопчиных, Хомяковых, Шараповых и др. имеются лишь единичные документы.

Документы коллекции можно сгруппировать по тематическому принципу и расположить в порядке информационной значимости следующим образом:

1) акты о землевладении: указы, жалованные и послушные грамоты, отказные книги и выписи, выписи из писцовых и отказных книг, купчие, поступные, отдельные, поручные, мировые, любовные, меновые, деловые записи, сказки, челобитные, памяти, выводные отписи и др.;

2) финансовые документы: кабальные записи и памяти, векселя, заемные кабалы и памяти, расписки, выписи из конских книг; выписи, отписи и отписки, поручные записи;

3) документы судебного делопроизводства: распросные речи, доезды, доезжие памяти, сыски, обыски, поручные записи, росписи и др.;

4) переписка;

5) прочие документы: росписной список, азбука XVII в., легенды, рецепт и др.

Как видно, разнообразие видов документов достаточно велико, однако основная масса из них тематически представляет собой документы, отражающие имущественные отношения.

Переходя к обзору конкретных документов коллекции, необходимо сказать, что значительная часть из них посвящена вопросам землевладения. Здесь особый интерес представляет наиболее ранний документ – жалованная несудимая грамота великого князя Ивана III К. Д. Муромцову на деревню Славцово с деревнями в Муромском уезде (декабрь 1491 г.), сохранившаяся в списке конца XVI – начала XVII веков. Уникальность этого источника в том, что подобных светских иммунитетных грамот дошло до нашего времени всего несколько десятков. Текст грамоты был опубликован сотрудником ГАТО Н. К. Фоминым в 1977 г. в журнале Советские архивы, где он постарался объяснить происхождение документа [18, с. 87–88].

Жалованная несудимая грамота 1491 г. великого князя Ивана III К. Д. Муромцову на деревни Славцово, Глубокое, Ляхи, Ескину и Мартеву в Унженском стане Муромского уезда. Список к. XVI – нач. XVII в. [6, л. 1] (Приложение № 1).

«Се яз, князь велик Иван Васильевич всея Руси пожаловал есми Костю Дмитрева сына Муромцова в Муроме в Унженском ста[ну] своими великого князя деревнями деревнею Славцовым, да деревнею Глубоким, да деревнею Ляхи, да деревнею Ескиным, да за Окою рекою деревнею Мартевым под Домною под Федоровою женою Елизарова. Что ми бил челом, а сказывает, что де те деревни за Домное земли моеи великого князя, а зовет де их своею вочину. И оже буде так, и яз его теми деревнями и пожалова[л] со все[м] с тем, что к ним потягло. И хто у него в тех деревнях учнет жити людеи, намесници мои Муро[м]ски и их тиуны тех его людеи не судят, оприч душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих у них не емлют, и не всылают к ним ни почто. А праведчики и довичики доходов своих не берут и не въезжают к ним ни по что. А ведает и судит Костя те[х] своих люде[й] Костя сам или

кому прикажет. А случится суд [с]месной тем его людям з гороцкими людми или с волосными и намесници мои их тиуны судят, а Костя или его прикащик с ними ж судит, и присудом делятся наполю. А кому буде чево искати на Косте, или на его прикащике, ино его сужу яз, князь велики, или мой боярин веденой. А дана грамота лет девяность десятого декабря. А на заде припись: князь велики всея Руси».

Как уже упоминалось, коллекция включает большое количество документов Муромцевых XVII – XVIII вв., отражающих их хозяйственную деятельность в Муромском уезде. В основном это расписки о получении различных сборов с владений, выписки из писцовых книг, челобитные о неплатеже налогов, записи о разделе крестьян и обмене поместий. Н. К. Фомин предположил, что копия грамоты попала в Тулу вместе с родовым архивом Муромцевых, при переезде сюда генерал-поручика М. В. Муромцева, назначенного правителем тульского наместничества 26 июня 1779 г. [18, там же].

Грамота давала иммунитетные права на пожалованную землю, в первую очередь, право сбора доходов с пожалованной территории и право суда над местным населением, за исключением «душегубства и разбоя с поличным», которое ведали государевы наместники. Суд над самим пожалованным К. Д. Муромцевым мог осуществить только великий князь или назначенный им боярин. Текст грамоты из архива Муромцевых, по утверждению Н. К. Фомина вполне согласуется с иммунитетной грамотой 90-х гг. XV в., выданной правительством Ивана III ростовским вотчинникам Пильмовым [18, там же].

Другой не менее интересный документ — это фрагмент указа о записи за Тимофеем и Саввой Бредихиными поместья их отца Фомы Бредихина в Туле и Дедилове после исполнения им пятнадцатилетнего возраста.

Указ о записи за Тимофеем и Саввой поместья их умершего отца Фомы Бредихина в г. Туле и г. Дедилове после исполнения им пятнадцатилетнего возраста. Фрагмент. 1582 г. [7, л. 1] (Приложение № 2).

«... И яз, царь и великий князь, Тимошку да Савку отца их поместье в поместье пожаловал со всеми угоды. А Тимошка, да Савка как будет которы в пятнатцать лет и им с того поместья наша служба служит и мати своя кормити. И вы б все крестьяне, которые в Фокине поместье живут детем его Тимошку, да Савку слушали, пашню на них пахали и оброк им помещиков платили. Писан на Москве лета (7090?) году апреля в 27 [день]».

Этот документ иллюстрирует одну из сторон функционирования поместной системы в России второй половины XVI в., когда после смерти помещика, оставшиеся у него дети получают поместье их отца и обязуются по достижении пятнадцатилетнего возраста вступить в службу. До достижения ими совершеннолетия фактическим главой семьи была их мать, которая после совершеннолетия сыновей оказывалась на их попечении, о чем особо говорится в указе. Документ уделяет внимание и крестьянам, которые обязывались пашню на помещика пахать и оброк платить. Все оговоренные в указе меры были направлены на поддержание служилых людей по отечеству — основы поместной конницы.

Интересны царские жалованные грамоты, которыми происходило награждение за службу. В частности, жалованная грамота царя Михаила Федоровича дьяку Семену Мануйлову сыну Бредихину за 1613 г.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича о пожаловании поместной земли дьяку Семену Мануйлову сыну Бредихину за службу

посланником в Крыму, за пленение и гибель на службе его брата Данилы. Фрагмент. 1618 г. [8, л. 1] (Приложение № 3).

«Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси самодержец советовав со отцем своим с великим государем светешшим патриархом Филоретом Никити (разрушение носителя текста: утрачена часть слова) Московским и всеа Руси. Пожаловали ес[ми] дьяка нашева Семена Мануилова сына Бредихина для того, что он нам бил челом в прошлом де 126 году пришел под наше государево под царсрвуций град Москву литовского короля Жигимонтов сын Владислав. А он Семен в те поры был послан с Москвы из осады для нашего дела в Крым с нашею казною в посланниках Стефаном Хруцовым. А как де они будут на Елце в те поры де пришед черкасы город Елец взяли, их взяли. И они в елецкое взятие, служба нам и видя то, что Елцу от черкас неотстоятца наш наказ и грамоты, которые с ними были посланы в Крым ...2 и всякие наши дела, изодров, подглати. За ту их к нам службу на Елце черкасы их пытали разными пытками и пытав возили с собою в чепи и железях и приведя под Москву, отдали в корончив обоз. И у коромвича в обозе Лев Сопега да изменник наш Василей Янов за тож наше дело изново пытали и на колесах вертели и кознить хотели. И пытав их отдали назад черкасом. И у черкас мучили в чепях и в железех 26 недели на у нево. А у Семена во взятии на Елце убит на выласке брат иво родной Данила Бредихин».

Помета (на оборотной стороне): «При царе в[еликом] Михоиле Федоровиче Семену Бредихину Мануилову сыну оклад был помесной семьсот четьи».

Представленная здесь грамота относится к группе грамот, выдававшихся в 1618 – 1620 гг. за так называемый «королевичев поход», то есть поход на Москву в 1618 г. польского королевича Владислава. В качестве союзника поляков выступали запорожские казаки во главе с гетманом Петром Сагайдачным. Именно они в документе выступают под именем черкас. Семен Мануйлов сын Бредихин входил в состав посольства С. Хрущева, посланного в Крым с целью заключения договора с крымскими татарами. Посольство везло с собой «царскую казну», предназначенную для подкупа крымчаков. Семен Бредихин не только не сдался, но и смог уничтожить царские наказ и грамоты («изодров, подглати»), а попав в плен претерпевал всяческие пытки, за что несомненно заслужил царскую милость. Интересно, что при описании всех его страданий и заслуг особо отмечено о смерти его родного брата Данилы Бредихина во время вылазки против черкас, что говорит о том какую роль в это время играла родовая доблесть и честь.

Уникален, находящийся на хранении в коллекции, росписной список о передаче острога Усмани¹ воеводе князю Ивану Михайловичу Волконскому в 1652 г. Росписные списки как вид документа интересны объемом, содержащейся в них информации. Эти документы составлялись в XVI – первой половине XVIII в. при смене воевод в городах и крепостях. В списках перечислялось имевшееся в городе имущество, описывалось состояние городских укреплений, фиксировались сведения об артиллерии, боеприпасах, казенных строениях, а также о местных должностных лицах (воеводах, городничих, подьячих и др.).

Росписной список о передаче г. Усмани от воеводы князя Ивана Михайловича Волконского брату его воеводе князю Ивану Михайловичу Волконскому. 1652 г. [9, л. 1–8] (приведен фрагмент документа).

«Лета 7160 году апреля в 6 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по грамоте из с Розряду за приписью диока Ивана Северова воевода князь Иван Михайлович Волконской отдал брату своему воеводе князю Ивану Михайловичю Волконскому на Усмони острог и острожные ключи и в

государеве казне зелья и свинец и ядра, и государевы указные грамоты, и служилых людей спиши и строельные и окладные и роздаточные, государеве денежной казне розходные и приходные усмонским доходом и зелью, и свинцу книги. И судные вершеные и не вершеные дела. И в тюрьме сидельцов и в житницах государевы хлебные запасы и зборные хлебным запасом книги и прежних воивод всякие дела.

По городу по местом наряду в Москов проезжей башни в подошевном бою пицаль железная короткая. А к ней девеноста ядер железных. Весу ядро по пяти гривенок. В той же башни на верхнем бою пицаль вестовая медная в станках на колесах. А к ней девеноста девять ядер железных. Весу ядро по шти гривенок. На той же башни на короульном чердаке вестовой колокол. Весу в нем двенатцать пуд дватцать восемь гривенок».

Наибольшую ценность в качестве источников статистико-экономического содержания представляют выписи из писцовых и переписных книг по Дедиловскому, Ефремовскому, Веневскому, Муромскому, Тульскому, Соловскому и др. уездам. В них содержатся сведения о населенных пунктах: селах, деревнях и починках, монастырских и пашенных землях, лесах, о количестве жилых и пустых крестьянских дворов, численности мужчин.

Содержащиеся в коллекции отказные книги, составившиеся под наблюдением уездных воевод на местах, наравне с выписями из писцовых книг, дают обильный материал для изучения поместного быта в XVII в., вместе с тем, заключают в себе данные по генеалогии многих дворянских родов. Сказки свидетельствуют о семейном составе, поместьях и вотчинах, об угодьях и оброчных статьях, отсутствии в поместьях «вольных» и «гулящих» людей.

Отписки, отписи, выписи показывают ежегодную картину денежных сборов, которые взимались «на жалование ратным людям», «корабельную починку», «мастеровым людям Санкт-Петербурга», а также свидетельствуют о приеме оброчных, стрелецких и полоняничных денег, таможенных пошлин, кабацкой прибыли, откупных денег с речных перевозов, рыбных ловель, мельниц и др. сборов с вотчинных поместий (Приложение № 4).

Большую историческую ценность имеют, вошедшие в состав коллекции, грамоты патриарха Московского и Всея Руси Иоакима о назначении архиепископов Коломенских и Каширских: Павла в 1676 г. [10, л. 1] и Никиты в 1682 г. [11, л. 1]; грамоты митрополитов Сарских и Подонских о строительстве и освящении новых церквей [12, л. 1; 13, л. 1]. Эти документы интересны еще и тем, что богато украшены орнаментом в стиле барокко, который получил распространение на рукописях второй половины XVII в. Появление нового стиля связано с развитием в XVII в. тенденции к обмирщению культуры, одним из выражений которой явилось стремление к узорочному оформлению декора культовых архитектурных сооружений, предметов прикладного искусства, книг, а также рукописей. Орнамент барокко включал сочетание растительных мотивов (пышные листья, цветы, плоды) и геометрических форм (эллипсов, спиралей). Этот орнамент отличается пышностью раскраски с использованием киновари, белой, черной и золотой красок (Приложения № 5, 6).

Характеристика быта и предметной среды исторического периода находит свое отражение в столбцах судных дел. Интерес представляет челобитная о побеге ключницы Андрея Михайловича Кольцова, в которой подробно описана одежда, украденная у его жены.

Челобитная человека Андрея Михайловича Кольцова Мирона Иванова царю Петру Алексеевичу об ограблении жены его помещика Соломонида Афанасьевна и побеге ключницы Мавры Григорьевой дочери. 1704 г. [14, л. 1] (Приложение № 7).

«Державнеиши[й] царь, государь, милостивеиши[й] в нынешнем, государь, 1704-м году июля в 30 день государя моего Андрея Михайловича Кольцова дворовая иво девка Мавра Григорьева дочь, которая по розделу дасталась после смерти тества иво стольника Афонася Семеновича Бредихина, ходила в ключницах по кратчи государя моего дом бежала, а грабежом взяла подголовок иво с крепосными и со всякими письмами да государыни моей, а государя моего жены Соломонида Афонасьевны серьги серебряные позолочены з жемчюгами, цена два рубли, да кокошник обяринной на золоте. Кружевом золотным снизка, круг жемчюжной, цена три рубли, кокошник отласной алай з жемчюгом и с камением, цена три рубли с полтиною. Кокошник камчатой красной и кружевом золотным, цена рубль, кокошник камчатой зеленой с круживом золотным, цена дватцет пять алтын. Два персня серебряные позолоченые с камением, цена рубль шестнатцет алтын четыре деньги. Десят новин три четверниковые. Скатерть браную, пять полотенец личных браных з бумагою, четыре платка с кружевом, два платка рубковые с лентами золотными, ценам новинам и скатерте и полтенцам и платкам двенатцет рублев дватцет алтын. А как государь та девка Мавра выше писанное государя моего покрав бежала, и ее видели на дороге свидетели – шла к сельцу Межищам Микиты Кузьмина сына Совина с человеком иво, а как, государь, тому человеку имя и отчество и прозванием того я не упомяну. А кто, государь, в том числе были свидетели, и тем свидетелем и по свидетельству их выше помянутому Никитину человеку Совина имя и отчество и прозвание, государь мой, напишет в ысковой челобитной имянно. Великий государь, прошу вашего величества («нижайши раб»-зачеркнуто) вели, государь, челобитье мое и явку записать. Вашего величества нижайши раб Андрея Михайловича Кольцова человек иво Мирон Иванов. Августа в ** день 1704-го году».

Помета [на оборотной стороне листа]: «У подлинной челобитной позади помета 1704 году августа в 1 день челобитье записать в книгу. У челобитной рука вместо Мирона подьячего Алексея Клепикова».

Любопытны также подробности из жизни невест Тульской губернии, готовящихся выйти замуж и проявляющих заботу о сохранении за собой имущества, с которым они собирались прийти в новую семью.

Рядная запись Марфы Федоровой дочери жены Ивана Поликарповича Кровкова об условиях выдачи замуж дочери Марфы за Федора Михайловича Языкова. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 112. Лл. 1–2. [15, л. 1]

«Се аз, вдова Марфа Федорова дочь Иванова жена Поликарповича Кровкова в нынешнем во 176 году зговорила я, Марфа, дочь свою девку Анну Ивановну за Федора Михайловича Языкова. А даю я за нею приданова благословения: образ Спасов облажен серебром, да образ Рождества Христова облажен серебром, да платья. Шапка шитая золотом, серебром. Другая отласная. Серги хонты, другие (достокан?). Ожерелья жемчожное низоно в фефити, пугвицы серебряны, жемчюги золочены. Чепь серебряна со кресты. Семь персней, да летник червчет камчат камка кутефе во швы участковые участок золот опашен багрецовою, пугвицы серебряные. Шуба белья под ворогами червчетыми с круживом. Кованые пугвицы серебряны, да оховет дорогилен червчет, да шуба кинвяшная на зайцах, воланик золотной, ошивка

низаная. Другой волоник в полы золотом цепковой, да девка (крацу?). Да перина зго-
ловьем и с одеялом. Да я ж, Марфа, даю детей своих Федора и Луку поменова их кре-
стьянина Софона Иванова сына и з женою ево Марею и с ево крестьянскими жи-
воты и с хлебом стоячим и смолоченным. И што в земле всеяно. А выдать мне,
Марфе дочь свою Анна за нево, Федора на срок 178 году после Богоявления а дни в
первое воскресенья. А будет не выдам я, Марфа дочь свою на тот срок // за нево,
Федора и ему, Федору взять за ряду по сей записе на мне, Марфе, двести рублей. А
будет ему, Федору по сей рядной записи приданое, будет нелюбо и ему взять пят-
десят рублей. А рядную запись писал по веленью дочери своей духовной Николской
поп Стефан. Лета 7176 году генваря в 30 день».

Интересны и другие документы, оказавшиеся в коллекции в единичном виде. Во-первых, это листы азбуки XVII в. и наставления к ней [16, л. 1–12]. На листах показаны образцы написания букв от «К» до «Ф» в заглавном и строчном вариантах (Приложение № 8).

Интерес представляет и имеющиеся в коллекции текст рецепта по изготовлению золы для лечения болезни ног (Приложение № 9)

Рецепт изготовления золы для лечения болезни ног. Список.
[XVII в.] [17, л. 1]

Роспись как из чаво золу жечь.

Из четырех дерев, да из осми трав: дерева асина, мозжвел, вереску, по нашему берсилетина, сереборинник, трава черная папорать, зеленая папорать, чернобыль инья пять трав безымянныя. И тот лес и траву готовить и сушить и жечь в белой печи выметчи чиста и как згорит и простынет та зола и просеять ситом и сегреть воды горячей и влить в катку, чтобы была той воды по колена.

И в тое воду положить той золы чарку винною и держать в горячем щолоку только бы мочно терпеть. И сидеть в том щолоку по утру часа четыре и пять на вечар так жа. А на другой день таво щолоку вылить большою половиною вон на земь и прибавить воды горячей по-прежнему сидеть и тот щолок переменяючи взогреть и переменять, чтобы в горячем держать в том щолоку.

Как видно из приведенных примеров информационный потенциал документов, находящихся на хранении в коллекции столбцов и грамот очень велик. Информацию, содержащуюся в них можно использовать для анализа не только ситуации на географически ограниченной территории, т.е. увидеть местные проявления общерусских процессов, но и посмотреть на отдельные аспекты событий общероссийского характера.

Заключение

Комплексное изучение коллекции столбцов и грамот было проведено в архиве в 2004 – 2007 гг., что было связано с решением о создании Государственного реестра уникальных документов и рекомендациями Росархива осуществить их выявление в областных государственных архивах, в т.ч. по основанию «древность». Работа в ГАТО началась с улучшения физического состояния документов коллекции. Большинство столбцов, дошедших до настоящего времени, имели плохую физическую сохранность. Были отмечены значительные повреждения сыростью, осыпание по краям, отсутствие начала и конца столбца или его фрагментов, порывы, наличие пятен, угасание текста. В процессе реставрации сотрудникам ГАТО удалось восстановить фрагменты утрат бумажной основы и значительно улучшить физическое состояние документов.

Для создания условий, полностью отвечающих требованиям хранения уникальных документов, было осуществлено картонирование столбцов в специальных папках

и коробках, изготовленных сотрудниками ГАТО и соответствующих форматам дел. Дела всего фонда были переведены на сейфовое хранение.

Гарантией сохранности оригиналов документов стало создание страхового фонда и фонда пользования. Кроме того, была создана полнотекстовая опись-база данных, включающая оцифрованные изображения документов. Все эти меры позволяют надежно предохранить оригиналы от возможных физических повреждений и прекратить их выдачу пользователям, исключив риск утраты уникальных и ценных документов. В этот же период была осуществлена переработка описи, в ходе которой были созданы новые подробные заголовки дел. Все это позволило фактически ввести в научный оборот систематизированную информацию о ценнейших документальных материалах, отложившихся в делопроизводстве местных учреждений России и в частных архивах XVII – XVIII вв.

Наибольшую сложность в работе с документами XVII – XVIII вв. представляет прочтение скорописи, для которой характерно наличие надстрочных (выносных) букв, вариативность написания одной и той же буквы, сходные начертания разных букв, сокращенное написание отдельных слов, отсутствие знаков препинаний, заглавных букв и деления на слова.

В этих условиях качественное составление заголовков, полно и адекватно отражающих содержание дела, оказалось невозможным без создания транскрипции документа. Наличие транскрипции «открывает» фонд широкому кругу исследователей, и, независимо от степени подготовки, предоставляет возможность познакомиться с содержанием документов, что ранее было доступно только историкам, владевшим чтением скорописи.

Сегодня электронные копии документов, их описание и транскрипция текста доступны для широкого круга пользователей на сайте Государственного архива Тульской области. Представленные в коллекции документы могут выступать историческими источниками в комплексе с другими документами по социальной и экономической истории, а также использоваться в рамках преподавания курса вспомогательных исторических дисциплин для студентов вузов.

Примечания

1. Острог Усмань был основан в 1646 г. на южных границах Русского государства. На данный момент г. Усмань является административным центром Усманского района Липецкой области.

Список источников и литературы

1. *Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.*
2. *ГУ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.*
3. *ГУ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 389.*
4. *ГУ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 474.*
5. *ГУ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.*
6. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 1.*
7. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 2.*
8. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 6.*
9. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 68.*
10. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 163.*
11. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 211.*
12. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 284.*
13. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 312.*
14. *ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 354.*

15. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 112.
16. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 474.
17. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 476.
18. Фомин Н. К. Светская иммунитетная грамота Ивана III // Советские архивы. 1977. № 3. С. 87–88.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)*, (State Archive of Tula Oblast (SATO)). Fund 1. Inventory 1. File 3. (In Russ.)
2. *GATO*, (SATO). Fund 1. Inventory 1. File 5. (In Russ.)
3. *GATO*, (SATO). Fund 1. Inventory 1. File 389. (In Russ.)
4. *GATO*, (SATO). Fund 1. Inventory 1. File 474. (In Russ.)
5. *GATO*, (SATO). Fund 1. Inventory 1. File 4. (In Russ.)
6. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 1. (In Russ.)
7. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 2. (In Russ.)
8. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 6. (In Russ.)
9. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 68. (In Russ.)
10. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 163. (In Russ.)
11. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 211. (In Russ.)
12. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 284. (In Russ.)
13. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 312. (In Russ.)
14. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 354. (In Russ.)
15. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 112. (In Russ.)
16. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 474. (In Russ.)
17. *GATO*, (SATO). Fund 2202. Inventory 1. File 476. (In Russ.)
18. Fomin, NK 1977, Svetskaya immunitetnaya gramota Ivana III (Secular immunity letter of Ivan the Third), *Sovetskiye arkhivy* (Soviet archives), no 3, pp 87–88. (In Russ.)

Вклад авторов:

Кочеткова Н. М. – сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Смирнов Ю. Ф. – идея; написание статьи; научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Kochetkova N. M. – collecting material; processing material; writing an article.

Smirnov Yu. F. – idea; article writing; scientific text editing.

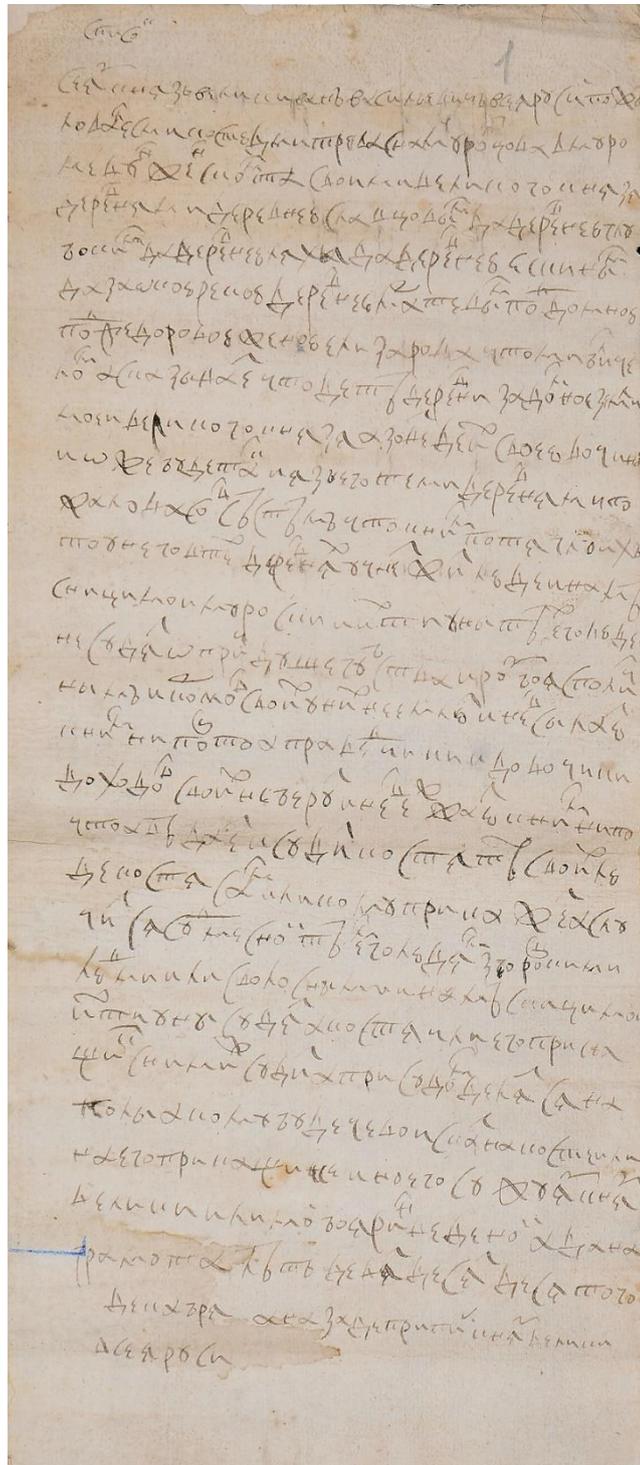

Статья поступила в редакцию: 14.11.2022
Одобрена после рецензирования: 05.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

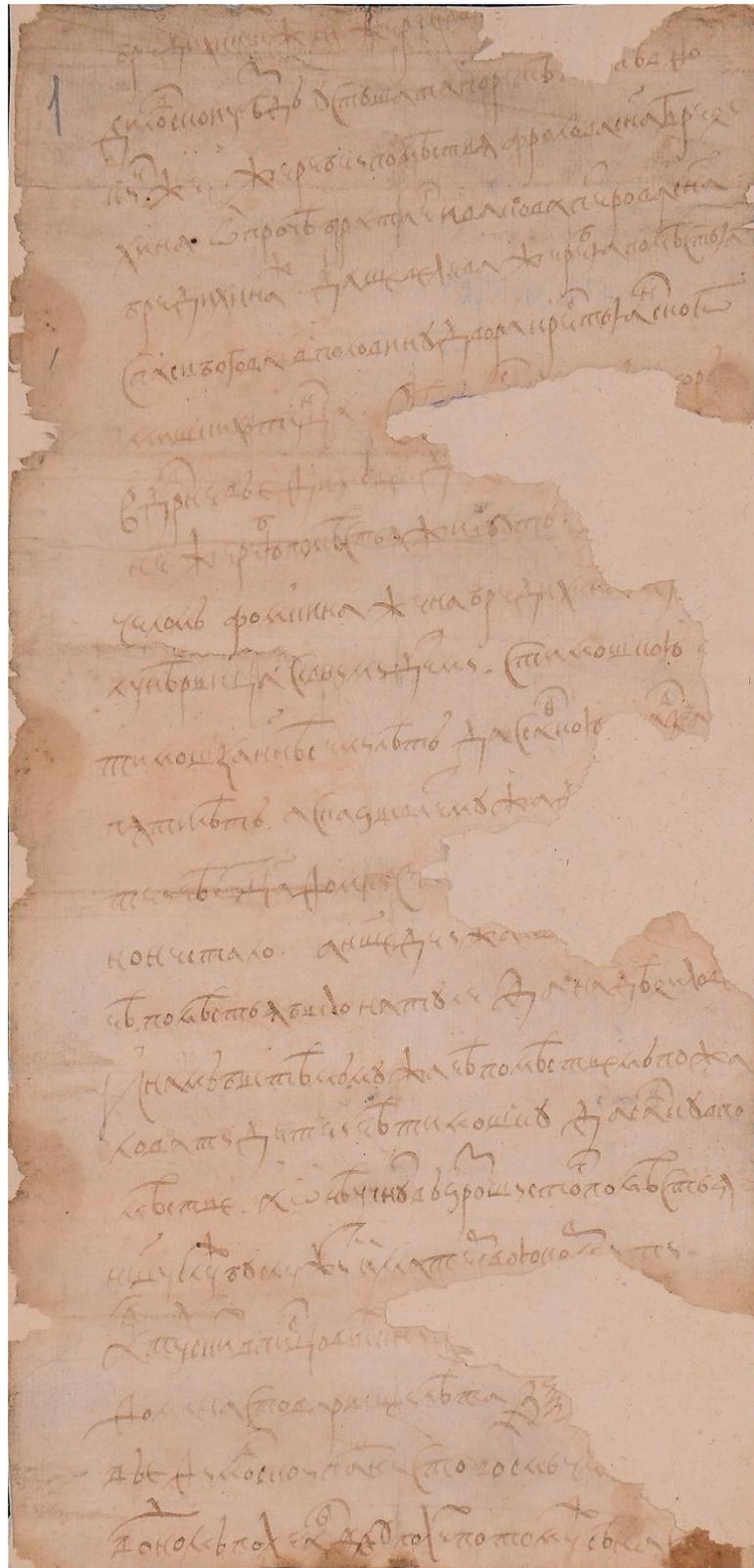
The article was submitted: 14.11.2022
Approved after reviewing: 05.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Приложения

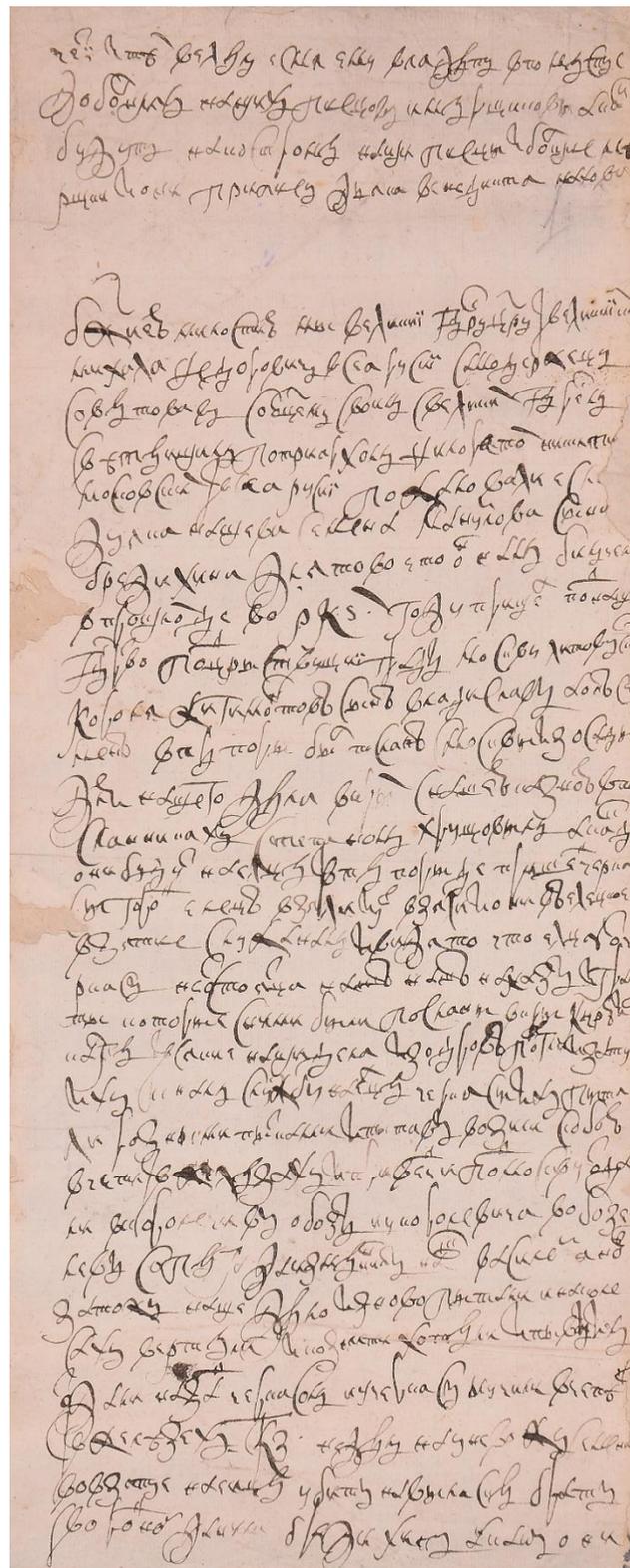
Приложение № 1

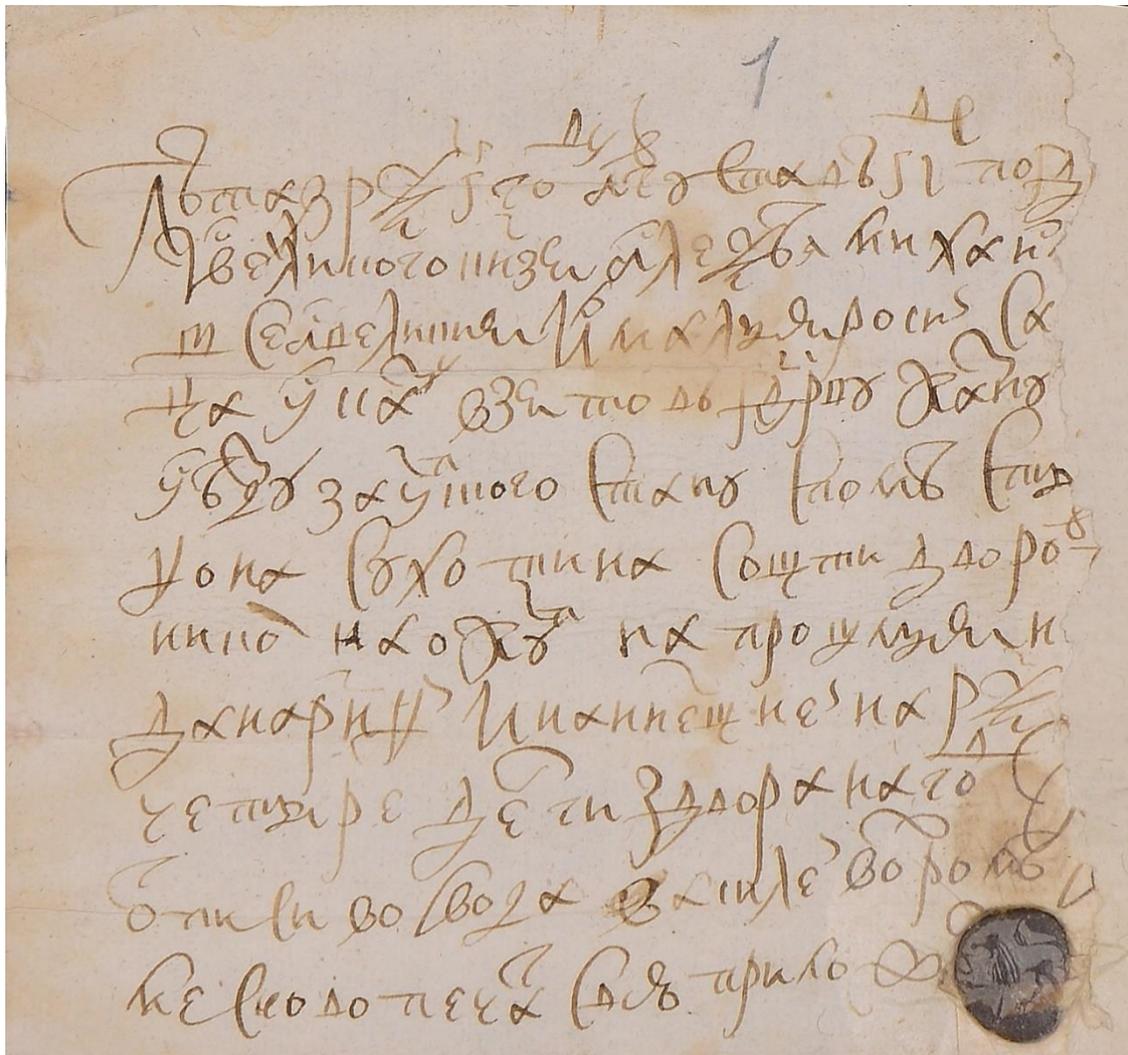
Жалованная несудимая грамота 1491 г. великого князя Ивана III К. Д. Муромцову на деревни Славцово, Глубокое, Ляхи, Ескину и Мартеву в Унженском стане Муромского уезда. Список к. XVI – нач. XVII в. Размер: 15,3 x 35,5. ГУГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Указ о записи за Тимофеем и Саввой поместья их умершего отца Фомы Бредихина в г. Туле и г. Дедилове после исполнения им пятнадцатилетнего возраста. Фрагмент. 1582 г. Водяной знак: «голова шута». Размер: 14 x 65,7. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича о пожаловании поместной земли дьяку Семену Мануилову сыну Бредихину за службу посланником в Крыму, за пленение и гибель на службе его брата Данилы. Фрагмент. 1618 г. Водяной знак: «голова шута». Размер: 16x40,5. ГУГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

Отпись тульского воеводы Василия Вахромеевича Мяснова Сухотину о взыскании с его поместья в Заупском стане Тульского уезда полоняных денег за 1640 – 1641 гг. и 1654 – 1655 гг. 1655 г. Печать: Внизу на документе печать черного воска. Изображение не просматривается; диаметр – 15 мм. Размер: 14,5x13,5 ГУГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

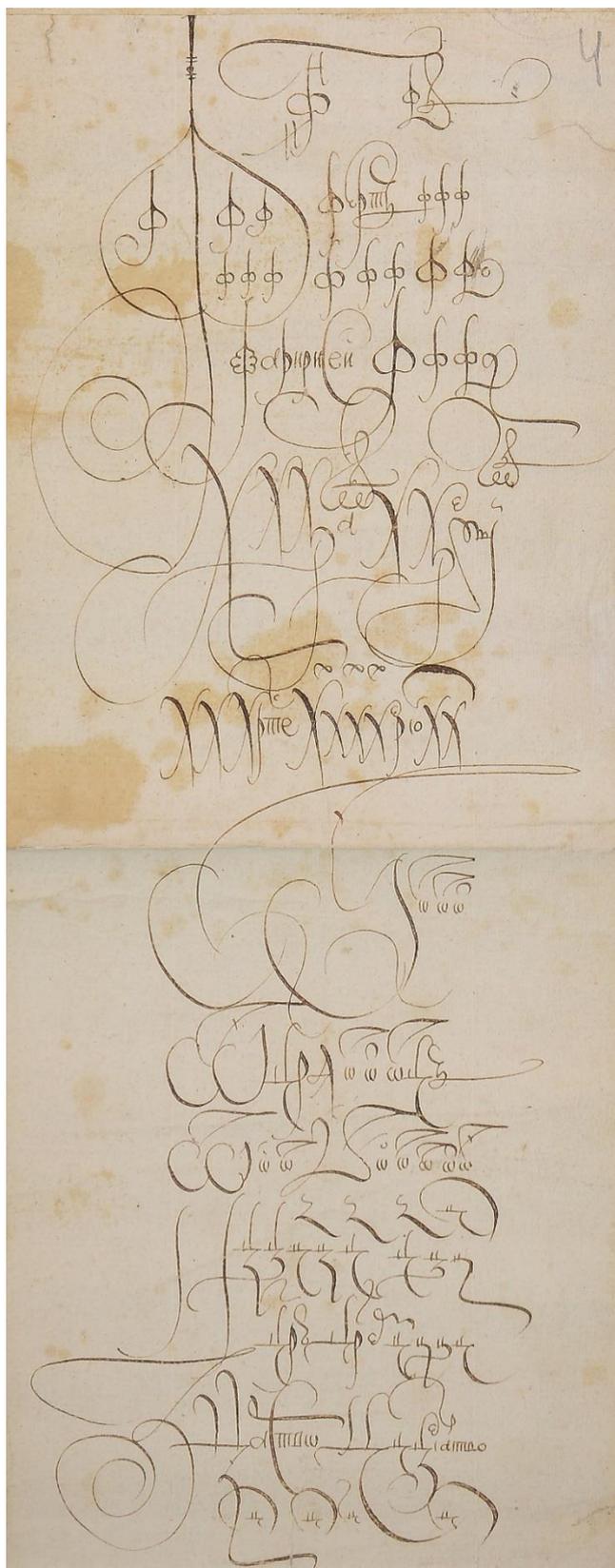

Грамота патриарха Московского и всея России Иоакима о поставлении Павла архиепископом Коломенским и Каширским. 1676 г. Размер: 47x69 ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

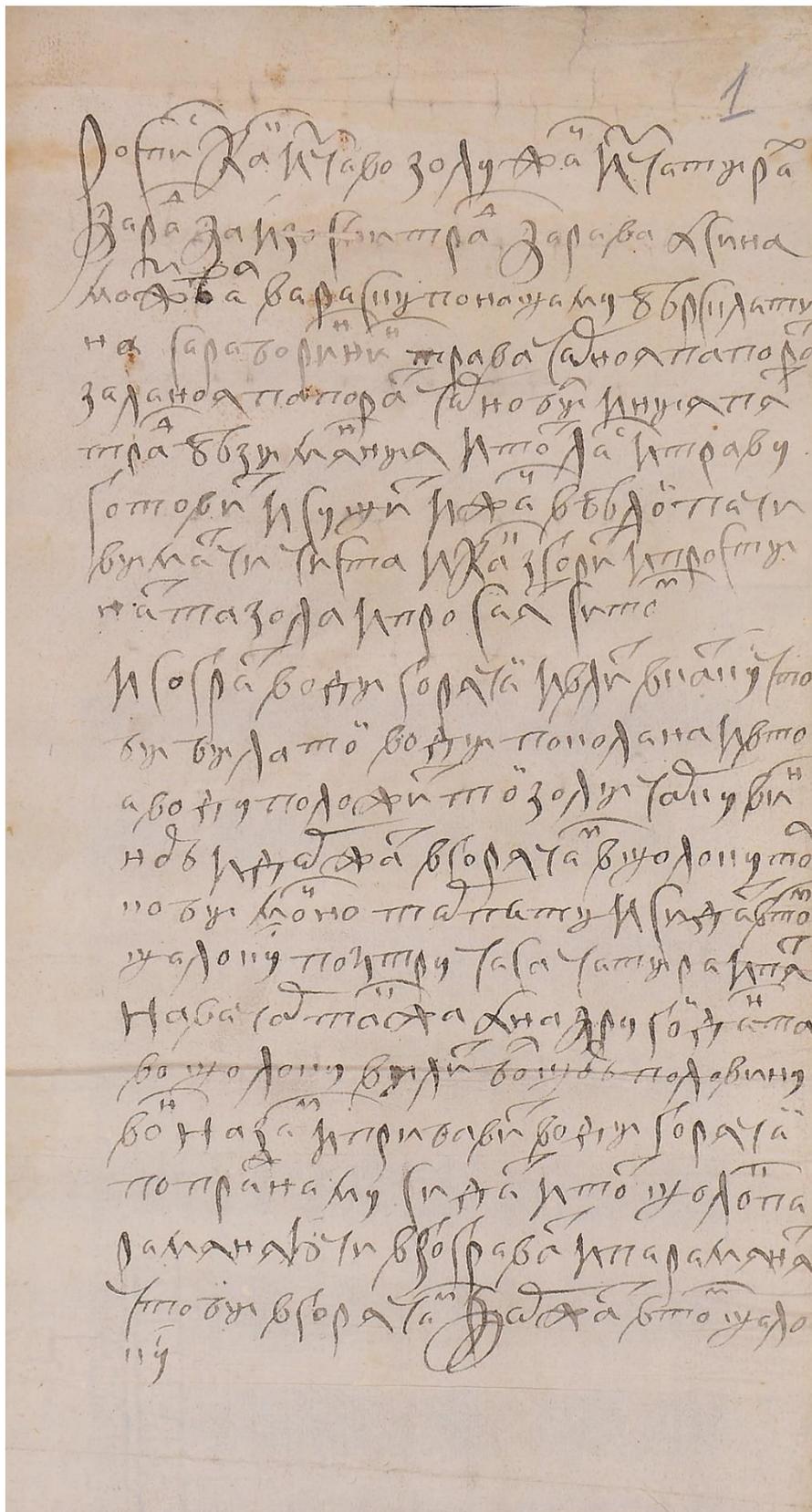

Грамота патриарха Иоакима о поставлении архиепископом
Коломенским и Каширским епископа Звенигородского Никиты. 1682 г.
Размер: 45,4x65. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

Челобитная человека Андрея Михайловича Кольцова Мирона Иванова царю Петру Алек-
сеевичу об ограблении жены его помещика Соломониды Афанасьевны и побеге ключницы
Мавры Григорьевой дочери. 1704 г. Водяной знак: «герб города Амстердама».

Азбука XVII в. (буквы "К" – "Ф") и наставление к ней. XVII в.
ГУГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 474. Л. 4.

Рецепт изготовления золы для лечения болезни ног. Список. [XVII в.].
Водяной знак: «человеческая фигура». Размер: 16 x 29,5. ГУ ГАТО. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 476. Л. 1.

Научная статья

УДК 94(470.312:291.68+314.93)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>

«НЕТ ЛИ... ЖЕЛАНИЯ ЗАПИСАТЬСЯ В «РАСКОЛ»?»: ОСОБЕННОСТИ СБОРА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ ПО СТАРООБРЯДЦАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

**Александр Владимирович
Соколов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Аннотация. Целью статьи является анализ статистических сведений о тульских старообрядцах в XIX в. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные архивные материалы, которые позволили раскрыть специфику критериев учета при идентификации старообрядцев. Приоритетное внимание автор исследования уделил анализу двух ветвей статистики: церковной и гражданской власти. Первая представлена на страницах «Тульских епархиальных ведомостей», вторая – в «Обзорах Тульской губернии». Автор приходит к выводу, что обе системы сбора сведений о старообрядцах – церковная и правительственная – не отражали достоверной картины, однако сама система искажений и динамика статистики позволяют отыскать ответы на интереснейшие вопросы: «Какие факторы влияли на статистику староверов?» «Какие методы использовались для сбора статистических сведений?» «Какова была численность староверов в Тульской губернии?» «На что влияли статистические данные по старообрядцам?»

Автор приходит к выводу, что на сбор сведений о старообрядцах в первую очередь повлияло отсутствие критериев, отделяющих православного от «раскольника». Серьезное влияние оказывал и фактор «адресата» – кому именно сведения предназначались. Церковная статистика публиковалась в епархиальных ведомостях, а, значит, была открытой и должна была показывать успешность борьбы церкви с «расколом». Светская статистика была закрытой и предназначалась для внутреннего пользования МВД. Если церковная статистика собиралась по принципу – «кто отвечает за борьбу с «расколом», тот и осуществляет контроль за её успешностью», то чиновники были вовлечены исключительно в сбор данных и к результатам относились гораздо более индифферентно. В работе впервые приводится статистическая динамика по «расколу», которая рассматривается в контексте деятельности светской и духовной власти по отношению к старообрядцам Тульской губернии.

Ключевые слова: раскол, старообрядцы, образ, статистика, Тульская губерния, светская власть, духовная власть, православие.

Для цитирования: Соколов А. В. «Нет ли... желания записаться в «раскол»?»: особенности сбора количественных данных по старообрядцам Тульской губернии в XIX веке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 43–55. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>.

Сведения об авторе: А. В. Соколов – ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(470.312:291.68+314.93)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>

«DON'T YOU WANT TO JOIN THE RASKOL?» SPECIFICS OF COLLECTING QUANTITATIVE DATA ON OLD BELIEVERS (BASED ON THE MATERIALS OF THE TULA PROVINCE)

Alexandre V. Sokolov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Abstract. The purpose of the article is to analyze statistical information about the Tula Old Believers in the XIX century. The source base of the study was made up of clerical archival materials, which made it possible to identify the specifics of the accounting criteria for the identification of Old Believers. The author of the study paid priority attention to the analysis of two branches of statistics: church and civil power. The first is presented on the pages of the Tula Diocesan Gazette, the second is in the Reviews of the Tula Province. The author comes to the conclusion that both systems of collecting information about Old Believers – church and state – did not reflect a reliable picture, but the system of distortions and the dynamics of statistics allow us to find answers to the most interesting questions: "What factors influenced the statistics of Old Believers?" "What methods were used to collect statistical information?" "What was the number of Old Believers in Tula province?" "What did the statistics on the Old Believers affect?"

The author comes to the conclusion that the lack of criteria separating Orthodox from "schismatics" primarily influenced the collection of information about Old Believers. The "addressee" factor also had a serious impact - who exactly the information was intended for. Church statistics were published in the diocesan gazette, which means it was open and had to show the success of the church's struggle with the "schism". Soviet statistics were closed and intended for internal use by the Ministry of Internal Affairs. If church statistics were collected according to the principle – "the one who is responsible for the fight against the "schism" controls its success," then officials were engaged exclusively in data collection and treated the results much more indifferently. The article presents for the first time the statistical dynamics of the "split", which is considered in the context of the activities of secular and spiritual authorities in relation to the Old Believers of the Tula province.

Keywords: Raskol, Old Believers, image, statistics, Tula province, secular power, clerical power, Orthodoxy.

For citation: Sokolov, AV 2022, '«Don't you want to join the Raskol?» specifics of collecting quantitative data on old believers (based on the materials of the Tula province)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 43–55, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexandre V. Sokolov* – Assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Sokolov A. V., 2022

Введение

Начиная с раскола внутри православной церкви на староверов и «никониан», последние вплоть до 1917 года вели неустанную борьбу с так называемыми «раскольниками», в том числе и за счет административных мер. В этой же борьбе было заинтересованно и государство, неудивительно, что сторонники «никоновских новин» получали прямую поддержку от государства. Для осуществления этой борьбы власть и светская, и духовная вынуждена была собирать статистику, ведь нужно было понять, какое количество людей нужно переманить в лоно «истинного православия». Именно эта попытка власти понять количество «врагов церкви» станет предметом данного исследования.

Целью работы стало изучение путей формирования официальных статистических данных по старообрядцам на материалах Тульской губернии. Какие факторы влияли на статистику староверов? Какие методы использовались для сбора статистических сведений? Какова была численность староверов в Тульской губернии? На что влияли статистические данные по старообрядцам?

Материалы и методы

Работа строится на комплексном анализе источников, как опубликованных, так и архивных материалов в том числе, впервые вводимых в научный оборот. Наиболее значимыми опубликованными источниками для данного исследования является статистика, представленная на страницах Тульских епархиальных ведомостей (далее – ТЕВ) и Обзоре Тульской губернии (далее – ОТГ). Автор проводит сравнительный анализ данных, представленных на страницах этих источников. Из архивных источников наибольший интерес предоставляют процессы по увещанию староверов, т.к. они показывают эволюцию и особенности борьбы с «расколом».

Историография взаимоотношения власти и старообрядцев, а также анализа статистических данных довольно обширна [1; 2; 3; 15; 16; 17; 19; 20; 21]. Историки традиционно обращают внимание на недостоверность статистики, указывают, что в реальности старообрядцев было кратно больше. Классическим примером может послужить работа Пругавина А. С., в которой он указал на возможную заниженность статистики в 10 раз [38, с. 7–18]. И в тоже время на сегодняшний день практически нет исследований, которые затрагивали вопросы о соотношении данных светской и духовной статистики; на что влиял статус «центра раскола»; каково было количество староверов в Тульской губернии.

Результаты

Несмотря на то, что с «расколом» вели постоянную борьбу, её результат нельзя назвать впечатляющим. Имена переходящих в православие публиковали в ТЕВ, а иногда там же печатались их подробные рассказы с пояснением причин перехода и аргументами, чем «господствующее православие» лучше древнего [34, с. 156–167]. Однако, несмотря на места «радужные» показатели, даже официальная статистика не показывала полноценного снижения числа «раскольников», а скорее демонстрировала затухание и новые подъемы. Одной из причин перехода обратно в староверие была забота о спасении души в преклонном возрасте [3, с. 38–42]. Такое решение диктовалось надеждой на прощение Бога, за отход от «истиной» веры и возвращение к ней на смертном одре. Другим лейтмотивом были финансовые вопросы: так, сын поморского уставщика Андрей Агафонов вернулся в лоно отцовской веры под предлогом финансовой несамостоятельности [41, с. 253]. Зачастую зависимое лицо, перестав получать финансовую поддержку от своей религиозной группы или конкретного человека, не могло справиться с обрушившейся экономической нагрузкой. Развитую финансовую взаимную поддержку Г. И. Панов отмечал у Бабушкиного согласия: «Взаимная помощь у них развита в высшей степени. От того между раскольниками не

видно ни особенно бедных, ни особенно нищих» [30, с. 203]. Этот фактор мог обеспечивать сильную взаимную зависимость. В этом отношении церковь не могла предоставить альтернативу, т.к. она была не способна вливать аналогичные денежные средства, обеспечивающие «раскольникам» финансовую поддержку.

Стоит отметить, меры по принуждению к возвращению в лоно церкви были довольно-таки сомнительными. Мы склоны сомневаться в искренности переходящих в православие. Так первый туляк-оружейник Жилин, признавший себя сторонником староверия выговского (поморского) согласия был бит кошками и после длительного преследования «отказался» от старой веры в 1742 г. [23, с. 446, 448–450]. Ещё одним показательным случаем был процесс 1830 г. над братьями-купцами Чижиковыми и мещанкой Авдотьей Ковалушниковой, судимых «за непризнание Господа Саваофа на иконах». По решению суда их должны были отправить в Сибирь, но «лишь только сие было объявлено на месте помянутым Чижиковым и Ковалушниковой; то они, раскаявшись совершенно в своем заблуждении и обращаясь с усердием к Православию, подали от себя к Белевскому Уездному Стряпчему просьбу, который и доставил ко мне» [11, л. 1]. Удивительно, но это помогло – вместо ссылки их отправили к духовному начальству, убедиться в их искренности [11, л. 4-об]. В 1836 г. под пристальным надзором полиции, крепостной Иванов Иван также отрекся от «раскола» поповства [12, л. 4].

Подобные «неофиты» идейно навряд ли понимали причины «ложности» своих прежних суждений и достоинства вновь обретенного «православия». В каком-то смысле этих людей можно сравнить со знаменитым Меноккио, который также показательно отрекся от своих «заблуждений», но потом из раза в раз возвращался к своим религиозным мудрствованиям [4].

Интересно в этом контексте дело крестьян Аксеновых, которое длилось более 17 лет, с 2 февраля 1840 по 10 сентября 1857 гг. Они были, то ли вольными хлебопашцами [5, л. 2, 61, 69], то ли казенными крестьянами [5, л. 14, 20]. Так или иначе, Иван Абрамович и его сын Петр Иванович создали молитвенный дом [5, л. 2]. В ходе долгих разбирательств Аксеновы отказались от «раскола», а Петр вообще заявил, что никогда к нему не был склонен [5, л. 69–72, 91]. Правда, потом оказалось, что под «верностью церкви» он имеет ввиду приверженность староверию [5, л. 91-об], в его понимание фраза «никогда не принадлежал к расколу» означала «никогда не принадлежал к господствующей церкви и «раскольническим» согласиям». Такая выходка сошла ему с рук, причем в один момент создается ощущение, что про молитвенный дом в один момент все забыли. Причины этого понять довольно-таки сложно. Возможно, это связано со сменой социального статуса Петра Ивановича – с 1845 г. он фигурирует как «сын купца третьей гильдии», а позже, как «купец третьей гильдии» [5, л. 43, 72, 91]. В конечном счете, Петр Иванович переехал в Москву, и местное духовенство просто передало о нем сведения в Московскую мещанскую палату, хотя требования о том, что его необходимо увещевать, продолжали идти из консистории Лысцевскому священнику [5, л. 91-об, 109].

Показательным примером в сборе данных служит следующий случай. В 1838 г. было возбуждено дело о том, является ли купец первой гильдии Иван Федорович Маслов «раскольником» или нет? Видимо, чтобы ускорить процесс, губернская палата во избежание волокиты не стала сообщаться с консисторией и сразу же послала ответ, что он, естественно, не может быть раскольником [13, л. 1–4]. Вопрос был решен за 12 дней, что достаточно быстро для того времени, даже не пришлось наводить дополнительные справки... Думается, такая оперативность была вызвана социальным и финансовым положением И. Ф. Маслова.

Нельзя и исключать целенаправленное занижение статических данных со стороны заинтересованных чиновников и духовенства, которые не только собирали сведения, но и «боролись с расколом». Положение лиц, лично отвечающих за борьбу с расколом и де-факто самостоятельно себя контролирующих, создавало идеальные условия для фальсификации данных. Косвенным подтверждением этому служит то, что в одном из дел нами было обнаружено вычеркивание одних цифр с заменой их другими, меньшими по значению, в то время как заголовок был написан тем же подчерком, что и ранее вычеркнутые цифры [14, л. 2–3]. Мы считаем, что изменения были внесены позже первоначального составления отчета.

Важной проблемой в определении реального числа старообрядцев было отсутствие критериев в оценке субъекта, которые могли бы определить в нём старовера [19, с. 4–5]. Это приводило к невозможности чётко идентифицировать человека как старовера. В Туле существовало две системы сбора статистики: церковная и гражданская. Церковная статистика формировалась на основе рапортов приходских священников [6; 8; 9; 10], гражданские же данные собирались полицией [16, с. 75; 18, с. 48; 30, с. 229]. В ОТГ указывалось, что «весьма часто скрывают свою принадлежность к расколу и некоторые из них, для достижения своей цели даже используют наружно все обряды православной церкви, а потому не представляется возможности с точностью определить их число» [26, 1874, л. 29]. Это признавало и духовенство: «Нельзя считать безусловно верным исчисления их и в ведомостях, подаваемых в полицию самими раскольниками» [30, с. 229]. Неточность статистики легко объяснялась: «Отчуждение раскольников от церкви и духовенства было причиной того, что мы ниоткуда не имели и не получаем сведений о родившихся и умирающих в расколе» [30, с. 228]. Другой же причиной неточности данных духовные лица признавали свои ошибки, допущенные при оформлении документации: так, к «расколу» могли быть приписаны люди, перешедшие в православие или умершие за несколько лет до повторного сбора данных [30, с. 229]. В то же время, старинные иконы и крещение двоеперстием могли использовать и люди, не идентифицирующие себя с «древним православием», также, как и ношение бороды не служило четким маркером [19, с. 4–5]. Сами же староверы могли называть себя просто «православными», не вдаваясь в подробности своего религиозного направления [36, с. 86].

Одной из ключевых проблем для ведения статистики оставалось отсутствие критериев, по которым можно было бы выявить «раскольника». Эти условия породили подозрительность и недоверчивость ко всему непонятному, к тому, что выпадало из стереотипа о «типичном православном» лице. Так, в 1884 г. в селе Лужны Чернского уезда под подозрение в сектантстве попали 30 человек, исполняющие все православные обряды и регулярно бывавшие на исповеди, но отказавшиеся от алкоголя, табака, игры в карты и мяса. Как отмечалось в рапорте, они вели подозрительно «примерную жизнь», что и настораживало духовников [7, л. 260]. Сами же они считали себя православными: «Один жаловался, что его называют «старовером», а причину отказа от алкоголя, мяса и табака он объяснял, тем, что это «вредно для здоровья и благополучия». И все же он всё равно воспринимался со стороны духовенства «сектантом» [7, л. 261]. В то же время, в 1882 г. в селе Григорьевском Каширского уезда, протоирей Максим Никитин заявлял, что солдат Василий Степанов, 4 года не бывающий на исповеди, не может быть раскольником, т.к. «известен только неисправимым пьянством, наглостью и воровством» [7, л. 133-об]. Таким образом, сам факт уклонения от исповеди или ее прохождения даже в глазах церкви не выглядел однозначным доказательством принадлежности к расколу. Иными словами, чётко установить, кто был старообрядцем, а кто нет, можно было, только если человек сам себя причислял

к староверию перед представителями государства. Поскольку это влекло ряд ограничений и на такие декларации шли далеко не все, то остается только признать, что даже первичные источники не отображают сколько-нибудь точное число старообрядцев.

Нижние чины часто просто не понимали, зачем и как собирать сведения о «расколе». И. С. Наградов, указывая на неэффективность работы местных сборщиков сведений писал: «Приставы, которые должны были это делать, пытались заимствовать информацию о числе старообрядцев и их моленных у духовенства. Более того, угличский пристав ходил по деревням и просто спрашивал крестьян: нет ли у них желания записаться в «раскол» [24, с. 97].

Стоит также отметить возможность личного фактора, который мог или же не мог повлечь передачу данных о конкретном старообрядческом семействе. Так, в 1870 г. стало известно о «раскольничьем семействе», это было обусловлено сменой священника, т.к. предыдущий «не доносил» «по нетрезвости» [28, с. 4]. «Новый» же священник донес на старообрядческую семью, т.к. та не встретила «хлебом-солью» возглавляемый им крестный ход, а судя по контексту, он предположительно знал о верованиях семейства до этого инцидента [28, с. 4]. Фактически, консистория бы и не узнала о нём, если бы не личная обида священнослужителя.

Ещё одним важным препятствием в различении старовер-«никонианина» проблема идентичности. Косвенно данного вопроса касался ещё князь С. П. Гагарин в конце XIX в. [38, с. 71] Однако данная проблема не получила глубокого рассмотрения в то время. Антропологический поворот XX века привел к тому, что уже в XXI в. ученые не могут игнорировать вопросы идентичности. Так, А. В. Апанесенок утверждает, что между категориями старовер и ортодокс нет дихотомии, и старообрядцы являлись носителями двойной идентичности [1, с. 3–5]. Т. А. Володина по материалам Тульской губернии установила феномен «маятникового дрейфа», когда регулярно происходил переход от господствующей церкви в староверие и обратно, что было обусловлено прагматичностью людей, не желавших бежать из центральной России [3, с. 42].

Вопрос о собственной идентичности мог и не волновать людей. Так, в 1882 г. ТЕВ опубликовали заметку о группе лиц, посещавших старообрядческую молельню, однако они сами не знали, к какому религиозному направлению они относятся [31, с. 316]. Проблема в выявлении старообрядчества заключается и в том, что система старообрядческих ценностей могла частично отрицаться отдельными её представителями. Так, крестьянин Опонков в 1889 г. вступил в полемику с миссионером по поводу того, что, по его мнению, иконы – это нововведение, не встречающееся в Новом завете. При этом, он считал, что богослужение должно совершаться по старым книгам [29, с. 35–38]. Таким образом, ценностные ориентиры конкретного человека могли не соответствовать общему стереотипу той группы, к которой тот мог себя причислять.

Несмотря на то, что статистика в лучшем случае вызывает сомнения в своей достоверности, она является важным источником. Статистические данные были таким «лицом» губернии, формировавшим её образ, который в некоторой степени влиял на отношение центральной власти к губернии, а также к ее церковной и светской администрации. Образ количественного соотношения православных и «других» влиял на формат выстраивания отношений власти и жителей губернии. К концу XIX в. количество «раскольников» влияло на уровень финансирования миссионерской деятельности. Так, Иркутск, согласно статистическим данным имевший наибольшее количество старообрядцев, получал большие суммы на миссионерскую деятельность, уступая лишь Японии [27, с. 32–34].

С конца XVIII в. и по вторую половину XIX в. количество «раскольников», видимо, не сильно изменилось даже в условиях репрессивной политики, однако, с 1860-х гг. отмечается статистический рост представителей непризнанных религиозных

движений [25]. Видимо, это было связано с двумя факторами: во-первых, по бедности значительного числа приходов были сокращены причты [40, с. 173–175], то есть духовенства стало меньше, а на то, что осталось, легла большая нагрузка; во-вторых, после николаевской эпохи и в условиях смягчения репрессивной политики, духовенству нужно было время для того, чтобы перестроиться от административных мер воздействия к чисто религиозным методам [24, с. 140–141].

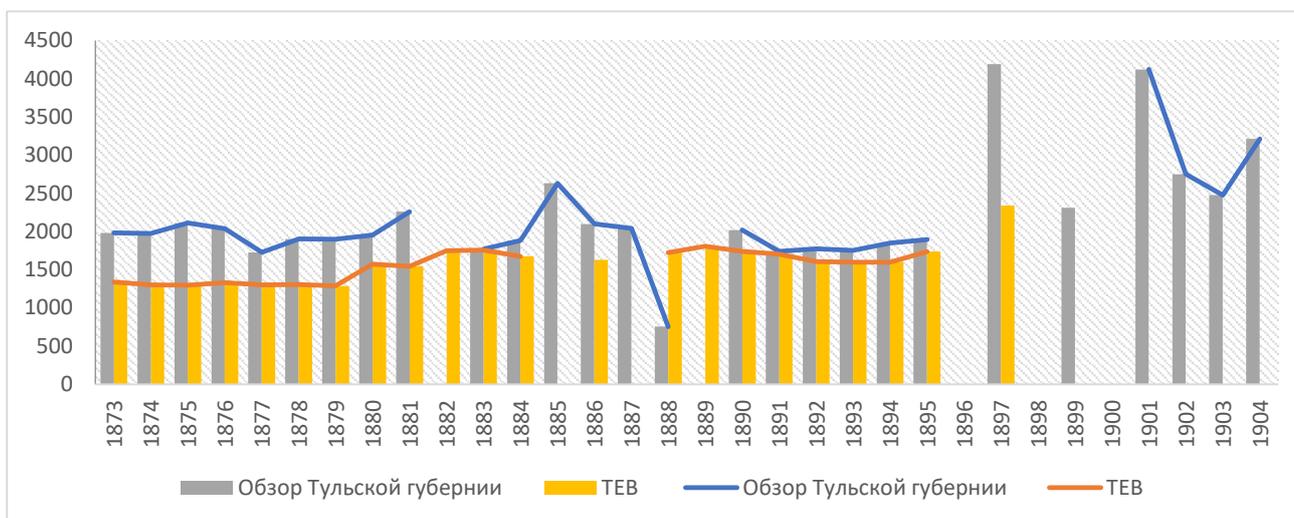
В Тульской губернии, по официальным данным, насчитывалось от 0,1 % [29, с. 38] до 1 % [21] «раскольников» от общего числа населения. Сомнительность официальной статистики подтверждается тем фактом, что существовало два её варианта: одна декларировалась консисторией, другая – гражданскими чиновниками. Причем обе создавались для разных адресатов. Если консисторская печаталась в ТЕВ и изначально предназначалась для широкого круга лиц, то гражданская отображалась в ОТГ и предназначалась для «столичного начальства». Ситуация, при которой могло возникнуть два противоречивых варианта, связана с указом Синода от 20 января 1866 г., по которому духовенство предоставляло данные своему начальству и губернской статистической комиссии, в то время как МВД было вынуждено собирать данные самостоятельно [24, с. 98]. Это приводило к тому, что губернатору приходилось рассматривать и исходить из двух вариантов статистики, и уже субъективно оценивать, на что именно опираться. Нужно отметить, что установить, чем он руководствовался, до конца нельзя. Рассматривая оба варианта, нужно отметить их нерегулярность, в отдельные годы отсутствовали данные либо из одного, либо из двух источников. К сожалению, мы можем подобным образом сопоставить лишь данные за период с 1873 г. по 1904 г.

Сопоставляя оба варианта, мы можем наблюдать разницу в дифференциации между данными: цифры могли почти совпадать или отличаться более чем в два раза. Корреляционная величина между двумя статистическими данными за указанный период примерно равна 0,5. При этом показатель «раскольников» в гражданской статистике был, в целом, выше. В то же время, анализируя изменение статистических данных в рамках отдельно церковной и светской статистики, мы приходим к выводу о существенной разнице именно в характере этих изменений. Если данные ТЕВ изменялись достаточно плавно, не считая «скачков» в 1880 и 1882 гг., то для «обзора» в большей степени характерна скачкообразность. (См. Диаграмма 1).

В ОТГ и ТЕВ далеко не всегда отображалась качественная сторона «раскола», т.е. каких религиозных движений было больше, однако временами фиксируется преобладание в целом старообрядцев. О соотношении поповцев и беспоповцев статистика могла формировать смешанное представление. Дело в том, что далеко не всегда публиковалась информация о преобладающей религиозной группе внутри староверия. Сам учет не общей массы «раскольников», а по согласиям и толкам появился достаточно поздно и на долгое время не задержался. Тем не менее, в начале 1870-х годов в ОТГ указывалось на преобладание поповцев [26, 1875, л. 29-об; 1876, л. 25], а в 1890-е гг. видно разночтение. Так, в «обзоре» за 1897 г. поповцев было в 2,2 раза больше, чем беспоповцев, а уже за 1899 г. ситуация в корне изменилась и на одного статистического поповца приходился 1,8 беспоповец [26, 1898, с. 26; 1900 с. 37]. В то же время данные ТЕВ о соотношении поповцев и беспоповцев начинают фигурировать лишь в 1890-е годы. В отличие от ОТГ, данные ТЕВ были лишены противоречия и формировали единое представление о перевесе беспоповцев в количественном плане [42, 1890, с. 519; 1892, №8, с. 233; 1893, №10, с. 179; 1894, №18, с. 52; 1895, №1, с. 14; 1897, №11, с. 9; 1898, №10, с. 9.]. Подобную статистическую магию довольно сложно объяснить. Скорее всего, составители ОТГ совершили ошибку и перепутали данные, и реальная картина заключалась в доминировании в Тульской губернии к концу XIX в. беспоповской группы.

Диаграмма 1

**Статистические данные по количеству «раскольников»
в Тульской губернии ***

* *Посчитано и составлено по: [26, 1874, л. 26; 1875, л. 29-об.; 1876, л. 25; 1877, л. 22; 1878, л. 22; 1879, л. 15; 1880, л. 22; 1881, л. 16; 1882, л. 15; 1883; 1884, л. 12; 1885, л. 14; 1886, л. 15; 1887, с. 22; 1888, с. 30; 1889; 1891, с. 22; 1892, с. 22; 1893, с. 21; 1894, с. 43; 1895, с. 35; 1896, с. 42; 1897; 1898, с. 26; 1899, 1900, с. 37; 1901; 1903; 1905, с. 21; 1906, с. 19; 42, 1874, №17, с. 345; 1875, №5, с. 110; 1876, №6, с. 104; 1877, №16, с. 425; 1878, №8, с. 157; 1879, №13, с. 244; 1874, №17, с. 345; 1880, №18, с. 287; 1881, №15, с. 308; 1882, №11, с. 152; 1883, №20, с. 370; 1884, №17, с. 349; 1885, №24, с. 402; 1886, №1-24; 1887, №17, с. 399; 1888, №1-24; 1889, №23, с. 555; 1890, №22, с. 519; 1891, №1-24; 1892, №8, с. 233; 1893, №10, с. 179; 1894, №18, с. 52; 1895, №1, с. 14; 1896, №1-24; 1897, №11, с. 9; 1898, №10, с. 9; 1899, №1-24; 1900, №1-24; 1901, №1-24; 1902, №1-24; 1903, №1-24; 1904, №1-24; 1905, №1-48.]*

Социальный статус среди староверов был неоднороден. Об этом свидетельствуют статистические сведения о старообрядцах, собираемые светскими властями. Они включали: Фамилию Имя Отчество, приход, за которым числился зафиксированный старовер, место жительства или пребывания, пол, возраст, сословную и религиозную принадлежность (хлыст, скопец, старообрядец-поморец, старообрядец-нетовец и т.д.). Подобный набор не менялся, начиная с XIX в. и оставался неизменным на протяжении рассматриваемого нами периода [6; 8; 9; 10]. Говорить о праве на защиту персональных данных в тот период времени не приходится, достаточно часто эти сведения публиковались на страницах ТЭВ [32, с. 198–206; 33, с. 156–161]. По всей видимости, для конкретной демонстрации «противника веры». Работа с этими данными для данного исследования не представляется возможной, поскольку вопрос требует специального и, что важно, большого исследования.

Обсуждение результатов

В настоящее время общим местом остаётся принятие того, что невозможно установить даже приблизительное число староверов в Российской империи. Ещё А. С. Пругавин задавал риторический вопрос: «Два или двадцать миллионов?», возникший из его теоретических рассуждений о количестве «раскольников» [37; 38 с. 18; 39, с. 4–17]. В дальнейшем формула «два или двадцать» стала, фактически, аксиомой непонимания властью религиозных настроений масс и невозможностью достоверно узнать количество староверов, что и отображалось в ряде исследований [1; 2; 3; 15; 16; 17; 19; 20; 21]. Такой разброс в цифрах обусловлен нежеланием старообрядцев и членов других непризнанных религиозных движений пополнять статистику «потенциально опасных», с точки зрения государства, категорий. Как справедливо указывал И. А. Кирилов: «Перед «гонителями и мучителями» староверы не склонны быть правдивы» [19, с. 4]. Всё это порождало феномен крипто-старообрядчества – формально

принадлежавшие к «господствующей церкви» отождествляли себя со староверием и по возможности организовывали свой быт согласно религиозным доктринам своего согласия. В своей работе И. С. Наградов в целом отмечает отсутствие эффективных способов установления религиозных воззрений населения. Это же осложнялось и общей не подготовкой чиновников, собирающих статистическую информацию [24, с. 60–127].

Ситуация, когда гражданская статистика показывает большее количество «раскольников», по сравнению с церковной, не уникальна для Тулы. Причины Ю. В. Боровик видит в «...принципиально разных подходах к подсчету. Духовная власть, признавая наличие «номинально православных», отказывалась включать их в число «отпавших» от церкви и фиксировала только тех, кто «открыто» числились по ее документам старообрядцами. В статистику МВД и земских деятелей, проводивших обследования посредством подворных устных опросов и собственных наблюдений, попадали все те, кто заявлял о своей принадлежности к старообрядчеству. И в первом, и во втором случае статистическая картина получалась неполной. В церковных данных никак не проявлялись те, кто, числясь в православном или единоверческом приходе, всю жизнь посещали старообрядческий храм или молельный дом» [2, с. 32]. Можно сказать, что наше исследование во многом не противоречит устоявшимся выводам, а вписывает локальную историю в существующую научную парадигму.

Заключение

Таким образом, численность старообрядцев зависела от отношения к ним светских и духовных властей губернии: чем больше, согласно официальной статистике «раскольников», тем больше было финансирование миссионерской деятельности и выше уровень обеспокоенности МВД. Статистика по «раскольникам» существовала в двух вариантах: светском и церковном. Данные по ним могли отличаться более чем в два раза. Разница в цифрах объясняется рядом факторов. Пожалуй, наиболее существенным является отсутствие четких критериев выделения старообрядцев. Нужно также принимать во внимание различные цели и интересов конечных получателей статистических данных. Ко второй половине XIX в., с одной стороны, МВД практически не несло никакой ответственности за статистический рост/снижение численности староверов. С другой стороны, светская власть, помимо отсутствия критериев идентифицирующих староверов, не имела обученных людей, способных выявлять старообрядцев. Духовная же власть была в большей степени знакома со способами выявления старообрядцев, но помимо сбора сведений священство было также лично ответственно за борьбу с «расколом», что влекло заинтересованность занижения данных. Иными словами, статистический «всплеск» староверия в значительной мере был неблагоприятен для духовной власти. Не менее важным фактором, влияющим на статистику, были крипто-старообрядцы, появившиеся в условиях давления со стороны властей. Формально считавшиеся детьми «господствующей церкви», они оставались приверженцами дониконовской религиозной традиции. Говоря о научном значении нашей работы, стоит сказать, что по своей сути она не противоречит устоявшимся выводам, а вписывает историю Тульской губернии и тульского старообрядчества в общую парадигму.

Список источников и литературы

1. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск: Регион. открытый социальный ин-т, 2014. 397 с.
2. Боровик Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох: 1905–1927 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Боровик Юлия Викторовна. Екатеринбург, 2003. 321 с.

3. *Володина Т. А.* Численность Тульских старообрядцев в XVIII – XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. № 18. С. 38–42.
4. *Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: Росспэн, 2000. 272 с.
5. *Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»* (далее – ГУ ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 87.
6. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3098.
7. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1378.
8. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3 Д. 2486.
9. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1830.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3778.
11. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 15. Д. 2793.
12. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 19. Д. 1242.
13. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Д. 15172.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1184.
15. *Еремеев П. В.* И всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 7 (51). URL: <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1/> (дата обращения: 11.10.2022).
16. *Еремеев П. В.* Методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1-2 (11-12). С. 73–97.
17. *Зеньковский С. А.* Русское Старообрядчество. В 2 т. М.: Ин-т ДИ-ДИК ; Квадрига, 2009. 688 с.
18. *Катькова В. В., Мышенцев Н. П.* Старообрядческие общины самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54.
19. *Кириллов И. А.* Статистика старообрядчества. М.: журн. "Старообрядч. мысль", 1913. 26 с.
20. *Латыпов И. Р.* Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starooobryadchestva-kazanskoj-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 11.10.2022).
21. *Лисицына О. Л.* Церковные реформы, направленные на изменение положения раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX вв. (Региональный аспект) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №3-1. С. 82–92.
22. *Мельгунов С. П.* Старообрядцы и свобода совести : (исторический очерк). М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. 86 с.
23. *Модеста И.* О раскольниках поморцах секты в г. Туле // Тульские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1862. № 21. С. 444–450.
24. *Наградов И. С.* Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и её влияние на развитие старообрядчества во второй четверти XIX – первой четверти XX вв. (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Кострома: Костромаиздат, 2013. 352 с.
25. *Никольский Н. М.* История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с. URL: https://scepsis.net/library/id_1829.html (дата обращения: 17.10.2022)
26. *Обзор Тульской губернии ...* [по годам]. Тула, [1874]–1916.
27. *Отчет Православного миссионерского общества за 1879 год* : (Десятый год его существования) : С кратким обзором состояния и деятельности Общества за все первое десятилетие существования). М.: [б. и.], 1881. 99 с.
28. *Панов Г. И.* Из разговора с тульским старообрядцем // ТЕВ. 1872. № 13. С. 3–13.
29. *Панов Г. И.* Из современной жизни старообрядцев Тульской губернии // ТЕВ. 1889. № 2. С. 35–44.
30. *Панов Г. И.* К истории раскола в Тульской епархии // ТЕВ. 1868. № 18. С. 226–234.

31. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1882. № 10. С. 315–320.
32. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1886. № 17. С. 156–161.
33. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1886. № 18. С. 196–206.
34. Панов Г. И. Обращение в православие одного раскольника // ТЕВ. 1867. № 4. С. 125–133.
35. Панов Г. И. Обращение в православие одного раскольника // ТЕВ. 1867. № 5. С. 156–167.
36. Панов Г. И. Разбор учения беспоповцы тульской поморской секты о тайне брак // ТЕВ. 1886. № 15. С. 79–86.
37. Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektatntstva_oldorfo.shtml (дата обращения: 30.09.2022).
38. Пругавин А. С. Старобрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 283 с.
39. Пругавин А. С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1909. 267 с.
40. Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166–175.
41. Скворцов Д. И. Наблюдение и впечатление миссионера // ТЕВ. 1903. № 7-8. С. 251–262.
42. Тульские епархиальные ведомости. Тула, 1862–1918.

References

1. Apanasenok, AV 2014, *Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka.* (Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old Belief communities in the central black-soil region in the 17th - beginning of 20th century), Region. otkrytyy sotsial'nyy in-t, Kursk. (in Russ.)
2. Borovik, YuV 2003, *Staroobryadchestvo Urala i Zauralya na perelome epokh: 1905–1927 gg.*, PhD thesis, Ekaterinburg. (in Russ.)
3. Volodina, TA 2019, *Chislennost' Tul'skikh staroobryadtsev v XVIII – XIX vv.: metodologicheskiye aspekty* (The number of Tula Old Believers in the 18th-19th centuries: methodological aspects), *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost* (Old Believers: history, culture, modernity), no.18. pp. 38-42. (in Russ.)
4. Ginzburg, K 2000, *Syr i chervi. Kartina mira odnogo melnika, zhivshego v XVI v.* (The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth Century Miller), Rosspen publ, Moscow. (in Russ.)
5. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GATO)* (State Archives of the Tula region), fund 3 inventory 11 file 87. (in Russ.)
6. *GATO*, fund 3 inventory 2. file 3098. (in Russ.)
7. *GATO* fund 3 inventory 7 file 1378. (in Russ.)
8. *GATO* fund 3. inventory 3 file 2486. (in Russ.)
9. *GATO* fund 3. inventory 3. file 1830. (in Russ.)
10. *GATO* fund 3. inventory 7. file 3778. (in Russ.)
11. *GATO* fund 51 inventory 15 file 2793. (in Russ.)
12. *GATO* fund 51 inventory 19 file 1242. (in Russ.)
13. *GATO* fund 90 inventory 1 vol. 20 file 15172. (in Russ.)
14. *GATO* fund 3 inventory 7. file 1184. (in Russ.)
15. Ereemeev, PV 2016, *I uso zhe, dva milliona ili dvadtsat? Chislennost staroobryadtsev Rossiyskoy imperii v XIX - nachale XX vv.* (And yet, two or twenty million? The number of Old Believers of the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries), *Istoriya-elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal*, Vol. 7, no. 7(51), viewed 11 October 2022, https://www.academia.edu/33683796/...And_yet_two_or_twenty_million_The_number_of_Old_Believers_of_the_Russian_Empire_in_the_19th_early_20th_centuries/. (in Russ.)

16. Ereemeev, PV 2015, *Metody otsenki dostovernosti statistiki staroobryadchestva Rossiyskoy imperii v XIX - nachale XX vv. (na primere Kharkovskoy gubernii)* (Methods of verifications of statistics concerning the Old Belief of the Russian empire in 19th — early 20th centuries (the case of Kharkiv province)), *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* (Historical informatics. Information technologies and mathematical methods in historical research and education), no. 1-2 (11-12), pp. 73–97 (in Russ.)
17. Zenkovskiy, SA 2009, *Russkoye Staroobryadchestvo v 2 t.* (Russia's Old Believers), Institut DI-DIK, Kvadruga publ, Moscow. (in Russ.)
18. Katkova, VV & Myshentsev, NP 2011, *Staroobryadcheskiye obshchiny samarskoy gubernii: chislennost, struktura, dinamika razvitiya* (Old Belief communities in Samara province: size, structure, dynamics), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoy akademii nauk*, Vol. 13. no. 3, pp. 47–54. (in Russ.)
19. Kirillov, IA 1913, *Statistika staroobryadchestva* (Statistics of the Old Believers), *Staroobryadch. Mysl*, Moscow, (in Russ.)
20. Latypov, IR 2011, *Chislennost staroobryadchestva Kazanskoy gubernii v XIX – nachale XX vv.* (The number of the Old Believers of the Kazan province in the 19th - early 20th centuries), *Bulletin of the Bryansk State University*, no.2, viewed 11 October 2022, <https://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-staroobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv>. (in Russ.)
21. Lisitsyna, OL 2013, *Tserkovnyye reformy, napravlenkiye na izmeneniye polozheniya raskol'nikov i sektantov v kontse XIX – nachale XX vv. (Regionalnyy aspekt)* (The Clergy Reforms about Changing the Place Dissidence in the Second Half of the 19th century and the Beginning of the 20th century in Tula Region), *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, no.3-1, pp. 82–92 (in Russ.)
22. Melgunov, SP 1907, *Staroobryadtsy i svoboda sovesti : (istoricheskiy ocherk)* (Old Believers and Freedom of Conscience : (Historical essay)), tip. G. Lissnera i D. Sobko publ, Moscow, (in Russ.)
23. Modesta, I 1862, *O raskolnikakh pomortsakh sekty v g. Tule* (About the schismatics of the Pomeranian sect in Tula), *Tul'skiye eparkhialniye vedomosti (TEV)*, no. 21, pp. 444–450 (in Russ.)
24. Nagradov, IS 2013, *Raskolot «raskol»: gosudarstvennaya konfessionalnaya politika i yeyo vliyaniye na razvitiye staroobryadchestva vo vtoroy chetverti XIX – pervoy chetverti XX vv. (na materialakh Kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy)* (To split the "ruskol": state confessional policy and its impact on the development of Old Believers in the second quarter of the 19th - first quarter of the 20th centuries.), Kostromaizdat publ, Kostroma. (in Russ.)
25. Nikolskiy, NM 1985, *Istoriya russkoy tserkvi* (History of the Russian Church), 3d edn, e-book, Politizdat publ, Moscow, viewed 17 October 2022, https://scepis.net/library/id_1829.html (in Russ.)
26. *Obzor Tul'skoy gubernii ... [po godam]*, (Overview of Tula province), [1874]–1916, Tula, (in Russ.)
27. *Otchet Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1879 god : (Desyatyy god yego sushchestvovaniya) : S kratkim obozreniyem sostoyaniya i deyatelnosti Obshchestva za vse pervoye desyatiletie sushchestvovaniya.* (Report of the Orthodox Missionary Society for 1879: (the tenth year of its existence): With a brief overview of the state and activities of the Society for the entire first decade of its existence), 1881, Moscow. (in Russ.)
28. Panov, GI 1872, *Iz razgovora s tul'skim staroobryadtsem* (A conversation with the Tula Old Believers), *TEV*, no.13, pp. 3–13. (in Russ.)
29. Panov, GI 1889, *Iz sovremennoy zhizni staroobryadtsev tul'skoy gubernii* (From the modern life of the Old Believers of the Tula province), *TEV*, no.2, pp. 35–44. (in Russ.)
30. Panov, GI 1868, *K istorii raskola v Tul'skoy eparkhii* (The History of the Split in the Tula Diocese), *TEV*, no. 18, pp. 226–234. (in Russ.)
31. Panov, GI 1882, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tul'skoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 10, pp. 315–320. (in Russ.)
32. Panov, GI 1886, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tul'skoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 17, pp. 156–161. (in Russ.)

33. Panov, GI 1886, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tulskoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 18, pp. 196–206. (in Russ.)
34. Panov, GI 1867, *Obrashcheniye v pravoslaviye odnogo raskolnika* (Conversion of a schismatic to an Orthodox), *TEV*, no. 4, pp. 125–133. (in Russ.)
35. Panov, GI 1867, *Obrashcheniye v pravoslaviye odnogo raskolnika* (Conversion of a schismatic to an Orthodox), *TEV*, no. 5, pp. 156–167. (in Russ.)
36. Panov, GI 1886, *Razbor ucheniya bespopovtsy tulskoy pomorskoj sekty o tayne brak* (Analysis of the teachings of the Bespopovtsy of the Tula Pomeranian sect about the secret of marriage), *TEV*, no. 15, pp. 79–86. (in Russ.)
37. Prugavin, AS 1881, *Znachenije sektantstva v russkoj narodnoj zhizni* (The significance of Sectarianism in Russian life), e-book, *Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova*, viewed 30 September 2022, http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektantstva_oldorfo.shtml (in Russ.)
38. Prugavin, AS 1904, *Staroobryadchestvo vo vtoroj polovine XIX veka. Ocherki iz novejshey istorii raskola*. (Old Believers in the second half of the 19th century. Essays from the recent history of the split.), Tipografiya T-va I.D. Sytina publ, Moscow. (in Russ.)
39. Prugavin, AS 1909, *Raskol vverkh. religioznykh iskanij v privilegirovannoj srede* (Sectarianism at the social top. Essays on religious studies in a privileged environment), Tip. t-va "Obshchestvennaya polza" publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
40. Rimskiy, SV 1995, *Tserkovnaya reforma 60-70-h gg. XIX veka* (Church reform of the 60-70s of the 19th century), *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, pp. 166–175. (in Russ.)
41. Skvortsov, DI 1903, *Nablyudeniye i vpechatleniye missionera* (The missionary's observations and impressions), *TEV*, №7-8, pp. 251–262 (in Russ.)
42. *TEV*, 1862–1918, Tula. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.10.2022
Одобрена после рецензирования: 01.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 20.10.2022
Approved after reviewing: 01.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 56–70.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 3 (11). P. 56–70.

Научная статья

УДК 327.5: 93/94 (410+436)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

«МЫ ДОЛЖНЫ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДГОТОВИТЬ ТЕАТРЫ ВОЙНЫ НЕМАНСКИЙ, ПРИВИСЛИНСКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ»: ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1870 – 1880-Х ГГ.

**Александр Борисович
Арбеков**

Тульский государственный музей оружия,
Тула, Россия,
arbekoff-alex@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются планы войны Австро-Венгрии против России в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века, добытые российской военной разведкой, и их влияние на российское военно-стратегическое планирование на западном направлении в соответствующий исторический период. Основой для исследования послужили делопроизводственные документы из фондов Военно-ученого комитета Главного штаба российской императорской армии (ВУК ГШ) и штаба Варшавского военного округа, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Материалы российской военной разведки, касавшиеся замыслов высшего военного командования империи Габсбургов, в совокупности с документами подготовительных работ по проведению стратегических военных игр в штабе Варшавского военного округа позволяют наглядно проследить конкретные изменения в планах российского Главного штаба в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, а также логику принятия решений в области военного строительства в Российской империи.

По результатам настоящего исследования была установлена взаимосвязь материалов российской военной разведки с изменениями, которые вносились в актуальные проекты развертывания вооруженных сил в западных пределах Российской империи. Таким образом, высшее российское командование, располагая сведениями о планах войны Австро-Венгрии против империи Романовых, имело возможность их прямого сопоставления с собственными проектами на основе моделирования вооруженного столкновения между державами с помощью стратегических военных игр. Это позволяло оптимизировать механизм российского военно-стратегического планирования и увеличивать обороноспособность Российской империи в ее западных пределах.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Российская империя, Австро-Венгрия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, международный кризис, Главный штаб, военные игры.

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Мы должны во всех отношениях подготовить театры войны Неманский, Привислинский и Волынский»: военные планы Австро-Венгрии и России на рубеже 1870 – 1880-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 56–70. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

© Арбеков А. Б., 2022

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94 (410+436)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

"WE MUST PREPARE THE THEATERS OF WAR OF THE NEMAN, PRIVISLINSKY AND VOLYN IN ALL RESPECTS": MILITARY PLANS OF AUSTRIA-HUNGARY AND RUSSIA AT THE TURN OF THE 1870^S – 1880^S

Alexander B. Arbekov

Tula State Arms Museum,
Tula, Russia,
arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. This article discusses the Austro-Hungarian war plans against Russia in the late 70^s – early 80^s of the 19th century, obtained by Russian military intelligence, and the impact of the plans on Russian military strategic planning in the western direction. The basis of the study are records from the Military Scientific Committee of the Imperial Russian Army General Staff fonds and the Warsaw Military District headquarters from the Russian State Archive of Military History (RGVIA). Materials concerning the Habsburg monarchy military high command plans and the documents of the preparatory work for strategic war games at the Warsaw Military District headquarters make to trace specific changes in the plans of the Russian General Staff in case of war with Germany and Austria-Hungary, as well as the logic of decision-making in the military policy of Russian Empire.

Results of the study show the correlation between the Russian military intelligence materials and the changes in current projects for the deployment of the Russian Empire armed forces on the western borders. The study proves that Russian high command had information about Austria-Hungary's war against the Russian Empire and had the opportunity to compare them with their own war projects based on the simulation of armed conflict using strategic war games. This made it possible to optimize the mechanism of Russian military strategic planning and determine the vector of development of the defense capability of the Russian Empire on the western direction. This helped optimize Russia's military strategic planning mechanism and increase the Russian Empire's defensive capabilities within its western borders.

Keywords: Eastern Question, Russian Empire, Austria-Hungary, military intelligence, military strategic planning, international crisis, General Staff, war games.

For citation: Arbekov, AB 2022, "We must prepare the theaters of war of the Neman, Privislinsky and Volyn in all respects": military plans of Austria-Hungary and Russia at the turn of the 1870^s – 1880^s., *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 56–70, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – PhD in History, Researcher, Tula State Arms Museum, 2 st. Oktyabrskaya, Tula, 300002, Russia.

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем внешней политики современной России на фоне релевантных международных событий остается, по заветам великого русского историка Н. М. Карамзина, «безопасность собственная», особенно западных и юго-западных пределов Российской Федерации. Данная проблематика имеет глубокие исторические корни. Обращаясь к событиям сравнительно недавнего прошлого, легко заметить, что наиболее тяжелые удары по территориальной целостности сначала царской, а затем и советской России наносились именно с западного направления. Поэтому неудивительно, что лучшие российские военные умы на протяжении всего XIX столетия, и особенно в его последней трети, уделяли огромное внимание Царству Польскому, Волыни и Подолии как основным театрам возможных военных действий против блока Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии.

Изучение русского военно-стратегического планирования на западном направлении и деятельности отечественной военной разведки в годы предвещающие события Первой мировой войны получили за прошедшее столетие достаточно подробное и разностороннее освещение в трудах как отечественных [3; 5; 11; 12; 13; 24; 26], так и зарубежных научных исследователей [14]. Тем не менее, предпосылки и причины изменений, которые затрагивали актуальные замыслы высшего русского командования, подвергались детальному рассмотрению, по понятным мотивам, преимущественно в период между Русско-японской войной (1904 – 1905 гг.) и Первой мировой (1914 – 1918 гг.). Исключениями в этом ряду являются труды О. Р. Айрапетова и О. Е. Алпева, которые изучали подготовку России к возможной войне с Австро-Венгрией в период Восточного кризиса 1875 – 1878 гг., обозначив основной вектор дальнейшего направления развития русской военной мысли в последние десятилетия XIX в. [2; 4; 7].

Однако и указанные выше фундаментальные исследования не заполняют в полной мере образовавшуюся лауну, затрагивающую, например, рубеж 70-х – 80-х гг. XIX столетия, в период постепенного «созревания» так называемой «милютинско-обручевской» системы военного планирования. Поэтому настоящая статья призвана рассмотреть процесс изменения замыслов русского командования на основе документов военной разведки рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в. и материалов подготовительных работ по проведению стратегической военной игры в штабе Варшавского военного округа в 1882 – 1883 гг.

Результаты

После поражения в «Семинедельной войне» 1866 г. против Пруссии и Италии Австро-Венгрия стремилась усилить свое международное положение за счет балканских провинций Османской империи. Но в отличие от России, добивавшейся независимости христианских народов на Балканах от Высокой Порты, правительство Двухединой монархии, как писал в ноябре 1876 г. российский военный агент в Вене полковник Ф. А. Фельдман, направляло «все усилия к принижению Сербии и турецких славян, в виду опасности, угрожающей... в случае образования на балканском полуострове независимых славянских государств» [18, л. 15/об.]. Такая жесткая позиция Вены была обусловлена нараставшими центробежными тенденциями среди преобладавшего славянского населения империи Габсбургов, для которых образование независимых стран на Балканах выступало поводом для реализации собственных национальных интересов.

Противоречия во внешнеполитических курсах двух империй наиболее контрастно проявились во время Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. Российское правительство накануне войны с Турцией 1877 – 1878 гг., памятуя горький опыт Крымской войны, обеспечило нейтралитет Австро-Венгрии за счет подписания Будапештской

конвенции 15 января 1877 г., гарантировав ее долю в разделе владений «больного человека Европы», а именно – право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Тем не менее, на завершающем этапе войны с Османской империей весной 1878 г., после заключения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, как сообщал в Петербург российский военный атташе Ф. А. Фельдман, Вена выступала категорически «против оккупации Болгарии (российскими войсками. – А. А.) и сверх того, ссылаясь на пункт нашей (Будапештской. – А. А.) конвенции,... добивается возможного сокращения пределов будущей Болгарии, находя что сколько-нибудь могущественная Болгария противна интересам Австрии» [15, л. 55]. В связи с этим российские стратеги были вынуждены заниматься импровизированным планированием войны против коалиции Австро-Венгрии, Великобритании и Турции при не самом благоприятном военно-политическом и экономическом раскладе [2; 4; 7]. Существенное влияние на этот процесс оказывали разнородные и нередко противоречащие друг другу сведения о замыслах высшего военного командования Двуетной монархии, поступавшие в Петербург зимой – весной 1878 г. [8]. В итоге вооруженное столкновение между державами так и не состоялось, тем не менее, проблема обеспечения безопасности западных границ Российской империи от Австро-Венгрии и Германии стала приоритетной для российских высших военных кругов на последующие десятилетия, что также поспособствовало и интенсификации разведывательной деятельности в этих странах.

К концу 70-х – началу 80-х гг. российская разведка, в сравнении с периодом Восточного кризиса, достигла бо́льших успехов в деле информирования Главного штаба о стратегических планах высшего военного командования империи Габсбургов на случай вооруженного столкновения с Россией. Так, 29 ноября (10 декабря) 1879 г. российский военный агент в Париже полковник барон Л. А. Фредерикс представил в Петербург план военных действий Австро-Венгрии, подразумевавший несколько оперативных сценариев. Согласно дневниковым записям Военного министра Д. А. Милютин за декабрь 1879 г., барон Л. А. Фредерикс приобрел этот документ у отставного австрийского офицера, а сами добытые материалы глава военной партии при императоре Александре Похарактеризовал «весьма важными и для нас весьма полезными» [10, с. 221].

По сведениям российского «дипломата в погонах» в Париже, еще в 1877 г. в разгар Восточного кризиса в высших военных кругах Австро-Венгрии активно рассматривали на случай войны с Россией два варианта возможных действий [16, л. 3/об.]. Поскольку на данном историческом этапе Германия в лучшем случае расценивалась в Вене как нейтральная сторона, а Италия являлась вероятным противником, то в обоих сценариях подразумевалось не выставлять все силы против России и сформировать три армии под общим командованием фельдмаршала эрцгерцога Альбрехта, занимавшего пост генерал-инспектора вооруженных сил Австро-Венгрии. Начальником штаба главнокомандующего выступал фельдмаршал-лейтенант (аналогично званию генерал-лейтенанта в российской армии) барон А. фон Шонфельд, в свою очередь являвшийся начальником Генерального штаба австро-венгерской армии [16, л. 8].

Два варианта развертывания вооруженных сил Австро-Венгрии против России, по сведениям полковника Л. А. Фредерикса, отличались как направлениями ударов, так и диверсификацией ресурсов для их практического осуществления. При первом сценарии 1-я или Главная действующая армия под командованием фельдцейхмейстера (аналогично званию полного генерала в российской армии) Й. фон Маройчича, приблизительной численностью 350 тыс. чел., опираясь на Краков – ключевой центр стратегического сосредоточения войск Дунайской монархии, должна была продвигаться по левому берегу Вислы на Варшаву. 2-я армия под командованием фельд-

цейхмейстера Ф. фон Куна численностью от 100 до 120 тыс. чел. направлялась по правому берегу Вислы с целью разорвать связь Варшавы с внутренними военными округами Российской империи. 3-я или Восточная армия фельдцейхмейстера барона Й. Филипповича также численностью от 100 до 120. тыс. чел., должна была действовать по направлению к Киеву [16, л. 3].

Как свидетельствуют материалы полковника Л. А. Фредерикса, высшие военные круги Дунайской монархии признавали следующие преимущества первого сценария: 1) наличие надежных баз в Кракове и Ольмюце; 2) расположение в тылу обширной железнодорожной сети для снабжения наступающих войск; 3) превосходное состояние путей сообщений и дорог, пролегающих по левому берегу Вислы для движения основных сил; 4) относительное благосостояние населения той местности, на которой предстояло действовать, что упрощало снабжение армии на оккупированных территориях; 5) Варшава – главный политический центр западной части Российской империи – располагалась на левом берегу Вислы, из-за чего неминуемо попадала в сферу операций Главной действующей армии; 6) большая вероятность поддержки польского населения в борьбе с российскими войсками [16, л. 4].

В то же время первый оперативный сценарий содержал в своей формуле и ряд существенных недостатков, имевших обоюдоострое выражение для Австро-Венгрии. Во-первых, «то обстоятельство, что овладение Варшавой не могло иметь еще окончательно решающего значения на результат кампании, напротив, по завладению Варшавой пришлось бы совершить переправу через Вислу в виду сильного неприятеля, что, принимая во внимание недостаточность понтонных парков и перевозочных средств в австрийской армии, сопряжено было бы с величайшими затруднениями». Во-вторых, «с принятием первого плана действий, в случае неудачи и разбития Главной австрийской армии, сообщения ее с остальными армиями легко и надолго могли бы быть прерваны и восстановление этой связи могло бы произойти вновь лишь в пределах самой Австрии и, во всяком случае, было бы искуплено потерей Галиции» [16, л. 4–4/об.].

Также от себя добавим, что первый оперативный сценарий, исходя из данных российской разведки, подразумевал прямую атаку с фронта, фактически «в лоб», на достаточно сильно укрепленные позиции российских войск в Варшаве, подставляя при этом под удар фланги Главной действующей армии. Поэтому в связи с перспективой вероятного провала первого варианта военных действий после дополнительной проработки в Военном министерстве Австро-Венгрии в ноябре 1878 г. императором Францем Иосифом был утвержден второй, более осторожный, сценарий развертывания вооруженных сил Дунайской монархии [16, л. 5]. Этот сценарий гораздо в большей степени соответствовал актуальным взглядам на военное искусство, подразумевавшее осуществление глубокого охвата флангов неприятеля с целью организовать «стратегические Канны» и тем самым замкнуть в клещи его основные силы.

По данному плану численность Главной действующей армии оставалась неизменной – 350 тыс. чел. – менялись точки ее сосредоточения и направление ударов. Теперь 1-я армия концентрировалась у нижнего течения р. Сан, после чего продвигалась по правому берегу Вислы на Седлеци далее к Белостоку, чтобы занять пространство между Бугом и Вислой и тем самым «вклиниться» в русские позиции в западных пределах империи. По предположению австрийского Генерального штаба главные российские силы сосредоточатся в районе Люблина, к которому основные части 1-й армии будут осуществлять концентрическое наступление. После успешного занятия Люблина предполагалось, что царские войска начнут отступление за линию р. Вепрж, чтобы там принять упорную оборону [16, л. 6/об.]. Одновременно левый и правый фланги Главной действующей армии должны были обложить крепость Ивангород и овладеть городом Владимиром-Волыньским, а также частью железной дороги

между Луцком и Ковелем. Далее предполагалось форсировать р. Вепржъ и осуществить концентрическое наступление всех частей 1-й армии для занятия пространства между Седлецом, Луковом, Радином и Мензержицком. «Этому пространству в Австрии придается особое значение, – комментировал второй оперативный сценарий полковник Л. А. Фредерикс. – Австрийский штаб признает, что с обладанием оным вполне обеспечиваются уже достигнутые результаты военных действий и разобщается связь русской армии с Варшавой, а при дальнейшем ходе кампании представится возможность беспрепятственного движения войск во всех направлениях» [16, л. 7].

Параллельно силы 2-й армии численностью в 87 тыс. чел. предполагалось сосредоточить на верхнем течении Вислы с опорой на укрепленные позиции в Кракове [16, л. 5/об.]. В ее задачи входила организация движения к Варшаве, чтобы отвлекающим маневром стянуть на себя как можно большее количество частей российской армии и сковать их на левом берегу Вислы, тем самым способствуя наступлению Главной действующей армии по направлению к Люблину [16, л. 7/об.–8].

3-я или Восточная армия численностью в 84 тыс. чел. осуществляла сосредоточение в пределах Восточной Галиции между Радзиловым и Подволочиском, однако наступательные цели данной войсковой группировки, направленной против Киева, полковнику Л. А. Фредериксу выяснить не удалось [16, л. 8]. Только к ноябрю 1880 г., благодаря добытому военным агентом в Вене генерал-майором Ф. А. Фельдманом военно-статистическому сборнику «Военная география Галиции и западной России» за авторством офицера австрийского Генерального штаба майора Фидлера, высшему российскому командованию стало известно, что в Вене операционному направлению из Восточной Галиции и Буковины не предавали большого значения, поскольку «Киев... не может сравниться с Варшавой, ни по величине, ни по политическому значению или как узел дорог. Овладение Киевом... может иметь только значение частного успеха... На Висле же... Польша может быть отнята навсегда... Без Польши, границы России отодвигаются к Двине и Днепру, где утраченные выгоды не возмещаются; в этом случае ее (России. – А. А.) политическое и военное влияние низводится на степень континентальной полуазиатской державы допетровской эпохи» [25, с. 76, 78–79].

Исследуя влияние представленного выше документа, добытого российской военной разведкой, на процесс военно-стратегического планирования следует обратиться, прежде всего, к дневнику Военного министра Д. А. Милютин. После получения данной информации от полковника Л. А. Фредерикса в начале декабря 1879 г. Д. А. Милютин организовал совещание, на котором помимо вопросов по укреплению западных границ империи обсуждались и материалы российского военного агента в Париже относительно стратегических замыслов Дуалистической монархии [10, с. 223]. На основании изложенного можно предположить, что эти данные легли в основу плана войны против блока Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии – за авторством управляющего Военно-ученым комитетом Главного штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева, утвержденного императором Александром II 29 января (10 февраля) 1880 г. [24, с. 64]. Как известно, план генерала Н. Н. Обручева предполагал два способа действий – оборонительный и оборонительно-наступательный, отличавшиеся распределением сил и вариантом их стратегического развертывания против Германии и Австро-Венгрии. Поскольку сам «Русский Мольтке» был ярым сторонником идеи, что «на неприятельское вторжение» отвечать следует «тоже вторжением» [23, л. 22/об.], то представляется обоснованным в данном контексте предметно рассмотреть только второй вариант.

Так, генерал Н. Н. Обручев предлагал сформировать четыре крупных войсковых группировки на западных границах Российской империи – Неманскую армию из

140 батальонов, 90 эскадронов и 432 орудий; Среднюю армию или Белосток-Гродненский отряд в составе 64 батальонов, 44 эскадронов и 210 орудий для связи между двумя ближайшими более крупными группировками; Вислинскую армию для обороны Царства Польского из 200 батальонов, 104 эскадронов и 582 орудий; и Главную или Юго-Западную армию для наступления в Восточную Галицию в составе 360 батальонов, 247 эскадронов и 1,152 орудий [23, л. 23/об.].

По оборонительно-наступательному сценарию генерал Н. Н. Обручев предполагал держаться строгой обороны против Германии, поскольку российская армия не могла завершить мобилизацию и обеспечить сосредоточение своих сил быстрее германских войск. Еще в 1875 г. опыт проведения военной игры, состоявшейся в Николаевской академии Генерального штаба, наглядно продемонстрировал, что из-за специфики дислокации российских вооруженных сил в мирное время, ввиду огромных территориальных пространств России, было невозможно обеспечить своевременную концентрацию полумиллионной армии в западных пределах империи для срыва германского наступления [9, с. 90–91]. Вместе с этим «Русский Мольтке», вероятно опираясь на сведения российской военной разведки, видел реальный шанс прежде разгромить самую немногочисленную Восточную армию Австро-Венгрии, направленную против Киева, превосходящими силами Юго-Западной армии, чтобы вторгнуться в Восточную Галицию и поставить таким образом под угрозу тылы главных сил наступления Двуетной монархии.

Как свидетельствует дневниковая запись Д. А. Милютина от 26 февраля 1880 г., в ходе совещания в Петербурге с командующими войсками Виленского, Варшавского и Киевского военных округов все предположения генерала Н. Н. Обручева были одобрены «без всяких изменений» [10, с. 267]. В мае того же года была сформирована комиссия для возведения новых оборонительных укреплений в треугольнике Варшава – Ивангород – Зегрж. Результаты работы этой комиссии послужили основой для программы фортификационного строительства в западных пределах Российской империи на последующие 25 лет [2, с. 273].

Вскоре российский военный агент в Вене генерал-майор Ф. А. Фельдман в рапорте от 22 июня (3 августа) 1880 г. представил в Петербург новый подробный план развертывания вооруженных сил Австро-Венгрии против России [16, л. 79–86]. За время службы в австрийской столице российскому «дипломату в погонах» удалось завербовать офицера, состоявшего в мобилизационном отделении австрийского Генерального штаба. Он поставлял российскому военному агенту сведения о порядке и сроках мобилизации австро-венгерской армии [15, л. 180–187; 17, л. 48]. Также вполне вероятно, что именно этот офицер передал генерал-майору Ф. А. Фельдману и актуальный план сосредоточения австро-венгерских войск на случай войны с Россией. Впоследствии эти сведения были опубликованы в 1881 г. типографией Главного штаба в военно-статическом сборнике «Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы» [1].

В документе, добытом генерал-майором Ф. А. Фельдманом, выстраивалась такая внешнеполитическая конфигурация, которая позволяла в теории сосредоточить практически все австро-венгерские войска на границе Царства Польского и Подолии. В частности указывалось, что Германия «сочувствует» Австро-Венгрии, а Италия, Румыния и «балканские земли» занимают по отношению к ней строгий нейтралитет [1, с. 110]. Далее для войны с Россией в Австро-Венгрии будут мобилизованы одиннадцать корпусов с четырьмя отдельными пехотными и шестью кавалерийскими дивизиями, формировавшиеся в четыре армии общей численностью в 730 тыс. чел. и около 1,400 орудий [1, с. 139]. В сравнении с планом 1878 г., добытым полковником Л. А. Фредериксом, основная композиция австро-венгерских сил на восточной границе, заложенная и в план 1880 г., оставалась практически неизменной, однако в

связи с более благоприятной внешнеполитической обстановкой теперь у Перемышля формировалась отдельная армия из 180 тыс. чел. для движения к Бресту, чтобы отрезать тыл основного стратегического плацдарма российской армии в Царстве Польском [1, с. 142].

Также сведения генерал-майора Ф. А. Фельдмана, в сравнении с материалами полковника Л. А. Фредерикса, добытыми годом ранее, содержали гораздо больше подробностей относительно механизма мобилизации и сроков сосредоточения австро-венгерских войсковых группировок на восточных границах империи Габсбургов. Так, по данным генерал-майора Фельдмана, армия для действий против Киева концентрировалась между Бродами и Черновицами уже в 15-й день мобилизации, а остальные три в Перемышле между Ярославом и Ряшевым и в Тарнове к 31-му дню [16, л. 86]. Для прикрытия сосредоточения австро-венгерских войска пограничных пунктах в мирное время в усиленном составе содержались кавалерийские подразделения, в задачу которых к 16-му дню мобилизации входило разрушение железнодорожных линий в Царстве Польском, чтобы «расстроить весь план перевозки войск (России. – А. А.) и надолго отсрочить их сосредоточение» [1, с. 138].

Таким образом, к началу 80-х гг. XIX в. российский Главный штаб, благодаря высокой эффективности военной разведки, имел достаточно богатые и разнородные сведения о планах высшего австро-венгерского командования на случай войны с Россией. В то же время эти данные верифицировались поступлениями новой актуальной информации, которая подтверждала точность уже добытых ранее материалов. В свою очередь, наличие подобных информационных ресурсов позволяло российскому командованию не только заниматься систематической разработкой ответных мер, но и осуществлять их практическую проверку посредством проведения так называемых стратегических военных игр. В данном случае считаем уместным привести развернутое определение этого термина, представленное российским историком О. Е. Алпеевым в его научных трудах. «Под стратегическими играми подразумевались занятия, в процессе которых разыгрывались действия двух противоборствующих армий, состоявших из нескольких корпусов, отдельных пехотных и кавалерийских дивизий и вспомогательных частей. Эти игры проводились при окружных штабах с привлечением старших войсковых начальников и / или высших офицеров Генерального штаба... В задания для стратегических игр обязательно вводились действительные сведения о сосредоточении войск армии, формируемой военным округом, и предположения о действиях вероятных противников» [6, с. 232–235].

Одной из первых попыток проведения таких стратегических игр была предпринята в штабе Варшавского военного округа в конце 1882 – первой половине 1883 гг. Однако состоялся ли ее розыгрыш или нет, сохранившиеся архивные материалы однозначного ответа пока не дают. Тем не менее, ее сопроводительная документация представляет научный интерес сразу в нескольких измерениях: во-первых, она позволяет проследить влияние разведывательных сведений на процесс военно-стратегического планирования; во-вторых, рассмотреть процесс эволюции российской военной мысли в конце XIX в.

В фонде штаба Варшавского военного округа, хранящегося в РГВИА, сохранилось четыре дела, относящихся к подготовительным работам данной военной игры. Первый документ – это протоколы трех заседаний совета посредников, проведенных в октябре – ноябре 1882 г. и в апреле 1883 г., на которых обсуждались различные аспекты предстоявшей стратегической поездки к р. Вепржь весной 1883 г., в том числе и организационные вопросы, касавшиеся самой военной игры. Первоначально ее планировалось разыграть в декабре 1882 г., т.е. до начала самой стратегической поездки офицеров штаба Варшавского военного округа [22]. Однако, как свидетельствует сохранившийся журнал подготовительных занятий к стратегической военной

игре, сам процесс подготовки к ней растянулся до 2 (14) января 1883 г., последняя же запись в документе относится к 5 (17 мая) того же года о получении «нового задания для австрийской стороны» [21, л. 3/об.–4].

Второе дело содержит: 1) журнал подготовительных занятий по проработке задания австрийской стороны под руководством генерал-майора Главного штаба К. М. Войде; 2) легенду стратегической игры, раскрывающей характер предполагаемых действий Двойственного союза против России; 3) выдержки из военно-статического сборника «Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы», в котором содержался подробный план развертывания вооруженных сил Дунайской монархии актуальный на 1880 г., добытый военным агентом в Вене генерал-майором Ф. А. Фельдманом; 4) мобилизационные таблицы австро-венгерских войск и пункты их сосредоточения на восточной границе, также основанные на данных российской военной разведки; 5) карты, с обозначением районов концентрации корпусов и дивизий Австро-Венгрии; 6) предполагаемый план сосредоточения российской армии на Волыни для действий против Австро-Венгрии; 7) проработанное задание и директивы для австрийской стороны [21].

Два оставшихся дела посвящены планам действий Наревской и Люблинской (в некоторых документах Вепржинской) армий, а также отдельного Привислинского отряда [19; 20].

Первое заседание совета посредников состоялось 12 (24) октября 1882 г. под председательством начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Н. Я. Зверева, назначенного руководителем стратегической поездки к р. Вепрж. Согласно протоколу, австрийскую сторону предстояло отыгрывать генерал-майору К. М. Войде, российскую – генерал-майору М. Х. фон Мевесу, начальнику штаба XIV армейского корпуса, дислоцированного в Варшавского военном округе [22, л. 3]. На втором заседании для руководства действиями германской армии в ходе военной игры было решено назначить полковника В. А. Гойера [22, л. 28].

Главной причиной поездки была обозначена рекогносцировка южной части театра военных действий в Царстве Польском в районе левого притока Вислы рядом с Ивангородской крепостью у р. Вепрж, где предполагалось расположить части XVI корпуса для обороны данного района от наступления австро-венгерских войск [22, л. 3/об.–4]. Для этого, в свою очередь, на совете посредников было предложено предварительно произвести розыгрыш «действий кавалерий и больших операций на Нареве, Бобре и Немане», а также в западной части Царства Польского [22, л. 14], «и затем, теми данными, кои и будут выяснены при игре, руководствоваться уже во время поездки на Вепрж» [22, л. 5].

Таким образом, на основе стратегической военной игры в штабе Варшавского военного округа, как нам представляется, намеревались проверить соответствие общих положений ранее разработанных планов развертывания российских вооруженных сил на западной границе актуальной военно-политической обстановке. Одним из наиболее важных аспектов этого «тестирования» являлось изучение эффективности маневров российских кавалерийских подразделений, расположенных в мирное время по всей линии границы с Австро-Венгрией с целью прикрыть сосредоточение основной массы российских войск [22, л. 8–8/об.]. Для этого, как свидетельствует сохранившийся журнал подготовительных занятий австрийской стороны, в штабе Варшавского военного округа составили таблицу последовательного прибытия австро-венгерских частей к пунктам сосредоточения при условии полного разрушения российской кавалерией сети вражеских железных дорог в Галиции [21, л. 3/об.].

На первом заседании совета посредников 12 (24) октября 1882 г. был представлен план сосредоточения 15-ти германских корпусов. В его основу ложилось предположение, что главный ударный кулак Второго рейха будет сконцентрирован в юго-

восточной части Восточной Пруссии «с целью оперировать оттуда в направлении на Брест-Литовск». Считалось, что к 24-му дню мобилизации германской армии сосредоточение успевали завершить только восемь корпусов, остальные же соединения – во временной интервал с 24-й по 32-й день [22, л. 5/об.]. На втором заседании совета посредников 2 (14) ноября 1882 г. были утверждены и общие контуры действий германских войск. В целом продвижение армии Второго рейха, по мнению совета, «будет происходить уступами, начиная с левого фланга» [22, л. 23]. Задача основных германских сил при вторжении из Восточной Пруссии заключалась, как и было обозначено на первом заседании, в наступлении на Брест-Литовск с целью отрезать российские армии, дислоцированные в Царстве Польском, от внутренних округов империи, и в продвижении трех корпусов для действий против российских войск на Немане. Также в их задачу входило захват Вильно основной транспортной артерии Царства Польского – Петербурго-Варшавской железной дороги [22, л. 23].

После определения общего характера действий германских войск последовал вопрос – «следует ли во время будущей поездки руководствоваться планом сосредоточения австрийской армии, приведенным в издании ученого комитета Главного штаба, или же... составить новый план вследствие того, что присланный план сосредоточения составлен на случай войны Австрии с Россией без союза с Германией»? После обсуждений в совете посредников было установлено, что «Австрия вряд ли станет воевать с Россией одна, а непременно в коалиции с Германией», поэтому опубликованным в Главном штабе планом, как основанным на действиях Австро-Венгрии без союзников, «руководствоваться не приходится и необходимо составить новый план сосредоточения войск этой державы» [22, л. 12/об.–13]. Задача эта возлагалась на генерал-майора Главного штаба К. М. Войде, отыгрывавшего роль командующего армией Дунайской монархии.

В записке, «объясняющей общий план действий австро-венгерской армии при союзе Австро-Германии против России», составленной генерал-майором К. М. Войде в ноябре 1882 г. после второго заседания совета посредников, воспроизводились основные положения плана развертывания четырех армий империи Габсбургов, опубликованного ранее в российском Главном штабе [18, л. 5–7/об.]. Однако в связи с необходимостью по легенде игры союзных действий с Германией, действующей по направлению на Брест-Литовск и Белосток, все удары Двуетидной монархии теперь преследовали цель «сблизить и сомкнуть обоюдные... сферы действий занятием разделяющей их территории», а также «вынудить противника к невыгодному для него бою и одержать на первых парах крупный успех» [21, л. 5/об.].

По легенде игры для замыкания «обоюдных сфер действий» Германии и Австро-Венгрии против России со стороны Двуетидной монархии требовалось: 1) вторгнуться основными силами в Люблинскую губернию; 2) занять территорию Царства Польского на левому берегу Вислы, чтобы обустроить вспомогательную базу для поддержки наступления на Люблинском направлении; 3) прикрыть обозначенные выше действия и пределы Галиции от ответного вторжения российских войск, концентрирующихся на Волыни [21, л. 6/об.]. Согласно плану, предложенному генерал-майором К. М. Войде, три австро-венгерские армии будут действующими, а одна – резервной. Первоначальная задача 1-й армии состояла в защите восточной границы Галиции от действий Волынской армии, чтобы обеспечить стратегическое сосредоточение всех остальных войсковых группировок Дунайской монархии [21, л. 10/об.]. 2-й армии предписывалось на первых этапах операции служить общим резервом для 1-й и 3-й армий, также ей поручалась «подготовка упорной обороны линии Пржеворск – Перемышль – Староместо, а также нижнего Сана». 3-я армия готовилась для вторжения в Люблинскую губернию для занятия линии Красновостав – Владимир-Волынский. «Дальнейшие действия будут зависеть от обстоятельств, – писал генерал-майор

Войде. – Цель: прямо или косвенно, но непременно действительно содействовать германцам на Брест-Литовск» [21, л. 11–11/об.]. Задача 4-й армии заключалась в поддержке наступления 3-й армии, «занятием края по левому берегу Вислы с устройством двух военных переправ через эту реку у Ралова и Завилоста или вместо Завилоста у Юзефова <...> Задачей 3-й армии будет тоже поддержать австрийские власти в занятом крае между Вислой и Галицией и облегчить сбор средств для надобностей австро-венгерских войск» [21, л. 12]. В конце игры совет посредников должен был определить время, когда австро-венгерские войска смогут соединиться с германскими, прорвавшимися за Нарев и Буг [21, л. 69–69/об.].

Для противодействия Двойственному союзу на западной границе Российской империи, как и в плане генерала Обручева 1880 г., по легенде игры формировались четыре армии: двум из них предстояло действовать против Германии, двум – против Австро-Венгрии. Однако в сравнении с замыслами «Русского Мольтке» значительно менялось распределение сил между ними. Так, согласно сохранившимся запискам М. Х. фон Мевеса и К. М. Войде, вместо Средней армии создавалась Наревская, и ее состав увеличивали до 177 батальонов, 95 эскадронов и 554 орудий [19, л. 21]. Вислинскую армию, предназначенную по плану Обручева 1880 г. для обороны Царства Польского, переформатировали в Люблинскую (или Вепржинскую) армию в составе 117 батальонов, 98 эскадронов и 372 орудий и отдельный Привислинский отряд (или корпус) из 40 батальонов, 35 эскадронов и 108 орудий [20, л. 1; 19, л. 23/об.]. Главную или Юго-Западную армию переименовывали в Волынскую, и в связи с усилением войск для обороны Царства Польского численно уменьшали ее состав до 280 батальонов, 72 эскадронов, 36 казачьих сотен и 888 орудий [21, л. 64/об.]. Трансформациям подвергалась также и Неманская армия, действующая на северо-западе против Германии. Согласно протоколу второго заседания совета посредников, ее формировали из II, III и IV армейских корпусов и 5-й стрелковой бригады, за исключением 25-й пехотной дивизии II корпуса, которую задействовали при сосредоточении Наревской армии. Общей состав данной войсковой группировки исчислялся в 6¼ дивизий пехоты [22, л. 19/об.].

По расчетам штаба Варшавского военного округа мобилизация Волынской армии из частей Киевского, Харьковского и Одесского округов занимала 10 дней, однако ее сосредоточение растягивалось на 31 день, что в сумме требовало 41 день для выполнения стратегического развертывания всей войсковой группировки, имевшей задачу наступления в Восточную Галицию [21, л. 65]. В случае же Наревской и Люблинской армий их полное сосредоточение в районе Бреста могло быть осуществлено только на 40-й и 45-й день соответственно [19, л. 3–3/об.], без учета прибытия второочередных казачьих частей. Однако передовые подразделения Наревской армии из состава войск Варшавского военного округа численностью в 165 батальонов могли вступить в бой для сдерживания германского наступления на 27-й день мобилизации [19, л. 4], а передовые части Люблинской армии численностью в 60 батальонов (в записке М. Х. фон Мевеса приравниваются 60-ти тысячам), чтобы замедлить темпы продвижения австро-венгерских соединений и обеспечить полное развертывание российских вооруженных сил в районе Бреста, – на 25-й – 27-й день [20, л. 5].

Общий же план российской стороны заключался в следующем: войска, направленные против Германии – Неманская и Наревская армии, а также Привислинский отряд, – придерживались строго оборонительного образа действий, в случае с Австро-Венгрией предполагалось осуществить наступление силами Волынской армии, а Люблинской – одновременно держать упорную оборону в районе р. Вепржь и способствовать наступлению со стороны Волыни. По получению первых сведений о действиях войск Дунайской монархии Россия сосредотачивала имеющиеся силы к Холму и Ко-

велю, а также осуществляла из Люблинской губернии кавалерийские рейды для разрушения железных дорог в Галиции [20, л. 6–6/об.; 21, л. 69/об.]. При неблагоприятном стечении обстоятельств и отсутствии возможности удерживать оборону на р. Нарев российским войскам, действующим против Германии, предписывалось совершать концентрическое отступление в пространство к востоку от Брест-Литовска. В то же время Наревской и Люблинской армиям ставилась задача «не терять связи с Брестом и, кроме того, первая из них держит направо связь с Неманской армией, а вторая, налево с Волынской. Варшаву укрепить, но держаться лишь до подхода больших масс противника, или пока неприятель успеет одержать успех на Нареве». В последнем случае войскам, занимающим Варшаву, по легенде игры следовало отступать на соединение с войсками, действующим против германской армии [22, л. 27–27/об.]. После успешного сосредоточения основных сил Наревской и Люблинской армий на Западном Буге им предписывалось, опираясь на линию крепостей Новогеоргиевск – Варшава – Ивангород, осуществить контрнаступление против союзных австро-германских войск [19; л. 7–7/об.; 20, л. 6–6/об.].

Выводы

Из представленных выше документальных материалов, можно сделать вывод о том, что стратегическая военная игра в Варшавском военном округе была призвана выяснить смогут ли российские соединения: 1) успешно задержать наступление превосходящего числом противника; 2) обеспечить своевременную перегруппировку и сосредоточение своих сил в районе Брест-Литовска на Западном Буге для ответных действий против Австро-Венгрии и Германии. К сожалению, обнаруженные документы в фондах РГВИА пока не дают ответа, была ли это проверка осуществлена и к каким выводам по ее итогам пришли высокопоставленные офицеры в Варшаве и в Петербурге. Однако, если обратиться к запискам генерала Н. Н. Обручева за 1883 и 1887 гг., то можно заметить, что в них в сравнении с планом 1880 г. менялся состав действующих армий и районы их сосредоточения на конфигурацию довольно близкую к изложенной в подготовительных материалах к стратегической военной игре 1882 – 1883 гг. [11, с. 33–37]. Также генерал Н. Н. Обручев пришел к достаточно пессимистичным выводам, которые вероятно были продиктованы результатами деятельности штаба Варшавского военного округа: «Пока дороги на нашем западе не получают необходимого развития, нет плана действий, который мог бы нам обещать скольнибудь верный и надежный успех... Мы должны во всех отношениях подготовить театры войны Неманский, Привислинский и Волынский» [11, с. 34–35].

Таким образом, можно констатировать, что материалы российской военной разведки оказывали заметное влияние на процесс подготовки России к войне с блоком Центральных держав на западных границах империи в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. Они позволяли посредством военных игр осуществлять моделирование возможных действий противников и на основе полученных данных выстраивать вектор дальнейшего развития обороноспособности России от внешней угрозы на последующие десятилетия.

Список источников и литературы

1. *Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы.* СПб., 1881. 208 с.
2. Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи: биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2018. 496 с.
3. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917) : 1914 год : Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

4. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы Истории. 2021. № 11. С. 28–55.
5. *Алпеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2011. Т. 10. С. 183–260.
6. *Алпеев О. Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных игр Генерального штаба русской армии в 1906 – 1914 годах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 42. С. 225–261.
7. *Алпеев О. Е.* Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность) : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., Москва, 20–21 ноября 2018 г. / гл. ред. К. В. Никифоров. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 120–136.
8. *Арбеков А. Б.* Российская военная разведка в Австро-Венгрии в 1876 – 1878 годах // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 14–21.
9. *Венюков М. И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855 – 1878. Т. 2 : Вещественные силы России и их развитие : Вып. 2. [Лейпциг], 1879. 204 с.
10. *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1882. Т. 2. М.: Захаров, 2016. 543 с.
11. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне: планы войны (1914 – 1918 гг.). Репр. изд. М.: URSS : Ленанд, 2021. 448 с.
12. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
13. *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 629 с.
14. *Меннинг Б. У.* Пуля и штык. Армия Российской империи 1861 – 1914. М.: Модест Колеров, 2016. 423 с.
15. *Российский государственный военно-исторический архив* (далее – РГВИА). Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14.
16. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
17. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194.
18. РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 49.
19. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 89.
20. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 90.
21. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1669.
22. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1672.
23. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97.
24. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.
25. Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии. Вып. 1: Австрийские источники. СПб.: Военная тип. : издание Военно-ученого ком. Главного штаба, 1881. 180 с.
26. *Сергеев Е. Ю., Улунян А. А.* Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900 – 1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 480 с.

References

1. *Austro-Vengriya. Dopolneniya i izmeneniya k otdelu II. Vooruzhennye sily* (Austria-Hungary. Appendices and Edits to Sector II. Military forces.) 1881, St. Petersburg. (In Russ.)
2. *Ajrapetov, OR 2018, General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi: biografiya* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the age), Russkaya kniga, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)

3. Ayrapetov, OR 2014, *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914 – 1917) : 1914 god : Nachalo* (The Russian Empire's involvement in the First World War. 1914. The Beginning), Kuchkovo pole publ, Moscow. (In Russ.)
4. Alpeev, OE 2021, *Voyna posle pobedy?.. Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)* (War after Victory? (General N.N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
5. Alpeev, OE 2011, *Na puti k Kannam. Planirovaniye «pokhoda v Vostochnuyu Prussiyu» v shtabe Varshavskogo voyennogo okruga, 1872–1914 gg.* (On the road to Cannes. Planning the "march to East Prussia" at the Warsaw Military District headquarters, 1872 – 1914), *Russian Digest: studies of the Russian History*, Vol. 10, Moscow, (In Russ)
6. Alpeev, OE 2014, *Organizatsiya i poryadok provedeniya strategicheskikh voyennykh igr Generalnogo shtaba russkoy armii v 1906 – 1914 godakh* (Organization and Proceeding of Strategic War Games of Russia's General Staff 1906 – 1914), *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* (Public Administration. E-journal), no. 42, pp. 225–261. (In Russ.)
7. Alpeev, OE 2019, *Planirovaniye Rossiiyey voyny s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii v 1878 g.* (Russia's planning for war with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey in 1878.) in KV Nikiforov (ed.) *Slavs and Russia: Russia, Bulgaria, Balkans. The problems of war and peace. 18th – 21st centuries (Myths and reality)*, 20-21 November 2018, In-t slavyanovedeniya RAN publ, Moscow, pp. 120–136. (In Russ.)
8. Arbekov, AB 2021, *Rossiyskaya voyennaya razvedka v Avstro-Vengrii v 1876 – 1878 godakh* (Russian Military Intelligence in Austria-Hungary in 1876–1878), *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Notes of Orel State University), no. 4 (93), pp. 14–21. (In Russ.)
9. Venyukov, MI 1879, *Istoricheskiye ocherki Rossii so vremeni Krymskoy voyny do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878.* (Historical sketches of Russia from the Crimean War to the Berlin Treaty of 1855–1878.), Vol. 2, Leipzig. (In Russ.)
10. Milyutin, DA 2016, *Dnevnik. 1873 – 1882.* (Diary. 1873 – 1882), Vol. 2. Moscow. (In Russ.)
11. Zayonchkovskiy, AM 2021, *Podgotovka Rossii k mirovoy voyne: plany voyny (1914 – 1918 gg.)* (Russia's preparations for world war: war plans (1914 – 1918)), reprint, Moscow. (In Russ.)
12. Zayonchkovskiy, PA 1952, *Voyennyye reformy 1860 – 1870 gg. v Rossii.* (Military reforms in Russia, 1860 – 1870), Izd-vo Mosk. un-ta publ, Moscow. (In Russ.)
13. Kashirin, VB 2014, *Dozornyye na Balkanakh: russkaya voyennaya razvedka v stranakh Balkanskogo poluoostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* (Patrolers in the Balkans: Russian Military Intelligence in the Balkan Peninsula before and during the First World War.), VIKMO-M publ, Moscow. (In Russ.)
14. Menning, BW 2016, *Pulya i shtyk. Armiya Rossiyskoy imperii 1861 – 1914* (Bayonets Before Bullets. The Imperial Russian Army, 1861 – 1914), Modest Kolerov publ, Moscow. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive). Fund. 401. Inventory. 3. 1878. File. 14. (In Russ.)
16. *RGVIA*. Fund. 401. Inventory. 3. 1879. File. 60. (In Russ.)
17. *RGVIA*. Fund. 428. Inventory. 1. File. 194. (In Russ.)
18. *RGVIA*. Fund. 431. Inventory. 1. File. 49. (In Russ.)
19. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 89. (In Russ.)
20. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 90. (In Russ.)
21. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 1669. (In Russ.)
22. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 1672. (In Russ.)
23. *RGVIA*. Fund. 2000. Inventory. 1. File. 97. (In Russ.)
24. Rostunov, II 1976, *Russkiy front Pervoy mirovoy voyny* (Russian front of the Great War), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
25. *Sbornik voyennykh obzorov Zapadnoy Rossii i pogranichnykh oblastey Avstro-Vengrii i Germanii* (Collection of military reviews of Western Russia and the Austro-Hungarian and German border regions), 1881, *Avstriyskiye istochniki* (Austrian sources) Vol. 1, *Voyennaya tip. : izdaniye Voyenno-uchenago kom. Glavnago shtaba* publ, St. Petersburg. (In Russ.)

26. Sergeev, EYu & Ulunyan, AA 2003, *Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoy imperii v Yevrope i na Balkanakh, 1900 – 1914*, (Confidential. Military Agents of Russian Empire in Europe and Balkan peninsula. 1900 – 1914), Reali-Press publ, Moscow. (In Russ)

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022
Одобрена после рецензирования: 25.11.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 17.10.2022
Approved after reviewing: 25.11.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Научная статья

УДК 314.925 + 911.372.52 + 351.85 + 316.7

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-71-80>

СИМВОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭССЕНЦИАЛИЗМ, КОНСТРУКТИВИЗМ И ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

**Вероника Игоревна
Абрамова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, istinijobraz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Аннотация. Цель, которую преследовал автор данного исследования, – рассмотреть региональную идентичность, выраженную через вербальные символы, у студентов, обучающихся на факультете русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. В работе применялся метод ассоциативного эксперимента, были составлены специальные анкеты и проведен опрос. В результате исследования был составлен ранжированный список символов региональной идентичности, закрепившихся в сознании студентов. В порядке убывания в процентном отношении в нем расположились пряник, самовар, оружие, Ясная Поляна, Лев Толстой, памятник теще, Куликово поле, белевская пастила, Кремль, памятник хвосту, гармонь, металл, химия, Левша, мастер, Поленово, Три штыка, Казанская набережная, Бежин луг. Собранные в процессе эксперимента оценочные прилагательные дополнили картину. Тула в сознании студентов «красивая», «родная», «уютная», «героическая», «великая», «старая», «маленькая», «гостеприимная», «молодежная», «доблестная», «туристическая», «вкусная». При соотнесении списка символов с потенциально возможными (согласно эссенциалистской концепции) и продвигаемыми (конструктивистская модель) были обнаружены как совпадения, так и расхождения. Ни та, ни другая модель не совпали в плане самого мощного символа региона. Для студентов им оказался тульский пряник, тогда как в предлагаемых моделях на первое место выдвигались оружие и Лев Толстой. Многие из заявленных в эссенциалистской и конструктивистской моделях символов отсутствовали среди названных студентами или содержались в совсем небольшом процентном соотношении. Вывод, который можно сделать по результатам исследования таков: региональная идентичность не укладывается в рамки только одного подхода и зависит от многих факторов.

Ключевые слова: Тула, символ, бренд, регион, идентичность, модель.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19.04.2022 г.) «Симболов региональной идентичности».

Для цитирования: Абрамова В. И. Символы региональной идентичности Тульской области: эссенциализм, конструктивизм и полевое исследование // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 71–80. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-71-80>

Сведения об авторе: В. И. Абрамова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 314.925 + 911.372.52 + 351.85 + 316.7

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-71-80>

SYMBOLS OF TULA REGIONAL IDENTITY: ESSENTIALISM, CONSTRUCTIVISM AND FIELD RESEARCH

Veronika I. Abramova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, istinijobraz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Abstract. The objective pursued by the author of this research is to analyze regional identity, which is expressed through verbal symbols, of the students studying at the Russian Philology and Document Science Department of L. Tolstoy Tula State Pedagogical University. An association experiment method was employed in the course of the research, special questionnaires were drawn up, and a poll was conducted. As a result of the research a ranked list of regional identity symbols fixed in the students' consciousness was made. The list includes the following in percentage decreasing order: Tula cake, samovar, weapons, Yasnaya Polyana, Leo Tolstoy, monument the mother-in-law, Kulikovo Field, Belyov pastila, Kremlin, monument to the tail, accordion, metal, chemistry, Levsha, craftsman, Polenovo, Three Bayonets, Kazanskaya embankment, Bezhin Lea. The picture was completed by evaluative adjectives collected during the experiment. Tula in the students' mind is "beautiful", "home", "cosy", "heroic", "great", "old", "small", "hospitable", "youth", "valorous", "tourist", "tasty". When comparing the list of the symbols with potentially possible ones (according to the essentialist concept) and with symbols being promoted (constructivist model), both similarities and discrepancies were revealed. Neither of the models coincided in terms of the most powerful symbol of the region. The Tula cake is such a symbol for the students, whereas weapons and Leo Tolstoy rank first in the proposed models. Many of the symbols suggested in the essentialist and constructivist models were not mentioned by the students at all, or their percentage was quite low. The conclusion, which can be made as a result of the research, is as follows: regional identity cannot be confined within the framework of only one approach and depends on many factors.

Keywords: Tula, symbol, brand, region, identity, model.

Acknowledgments: The study «Simbolary of Regional Identity» was carried out at the expense of the Russian Science Foundation No 22-28-20342 and the Government of the Tula region (agreement No 6 of April 10, 2022).

For citation: Abramova, VI 2022, 'Symbols of Tula regional identity: essentialism, constructivism and field research', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 71–80, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-71-80> (in Russ.)

Information about the Author: *Veronika I. Abramova* – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Феномен региональной идентичности рассматривается с разных позиций географами, этнологами, социологами, культурологами, антропологами, философами, политологами, филологами. Выделяют эссенциалистский и конструктивистский подходы к определению региональной идентичности [3; 4; 12]. В рамках первого подхода региональная идентичность рассматривается как сложившаяся сама собой под влиянием ряда факторов (территориальных, этнических, языковых, культурных, религиозных, исторических) модель коллективного самоосознания. В рамках второго подхода региональная идентичность представляется как специально сконструированная и внушаемая индивидам модель коллективного сознания, связанная с регионом, а также с экономическими, социальными и политическими целями создателей этой модели. Исследовательский вопрос состоит в том, насколько эти две модели соответствуют действительности? Что из потенциального набора образов, связанных с регионом, фиксируется в коллективном сознании? Насколько успешно внедряется сконструированная модель?

Объектом исследования в данной статье является региональная идентичность жителей Тулы и Тульской области. Для ответа поставленные вопросы нами были проанализированы ранее проводившиеся исследованиями региональной идентичности Тульской области [6; 15] и стратегия брендинга региона [14].

В проводившихся ранее исследованиях [6; 15], ориентированных на эссенциалистскую модель, тульская региональная идентичность не являлась предметом подробного рассмотрения и поэтому была представлена достаточно узко через оружие и прецедентное имя Лев Толстой. Так, Р. Ф. Туровский пишет об укорененной идентичности Тульской области, «сделавшей своими символами изображения оружия» [15, с. 155], а также о том, что «Тульская область активно использует имя Толстого» [15, с. 167]. Д. А. Золотухина говорит о сформировавшемся в последний период существования Советского Союза «производственном» образе регионов, среди которых Тула выступает как «оружейная столица» [6, с. 14].

Детально региональную идентичность Тульской области через продвигаемые и потенциально предрасположенные к продвижению бренды рассмотрели в своем исследовании в рамках конструктивистской модели Т. А. Танкиева и В. А. Королёв [14]. Исследователи разделили объекты брендинга на группы: 1) мастерская России (тульский самовар, тульская гармонь, Белобородов, белевское кружево, филимоновская игрушка, тульская свечка); 2) арсенал и щит России (Системы залпового огня, Тульский музей оружия, тульское оружие, тульский Левша, подкованная блоха, Демидов, Шипунов, Руднев); 3) оборонный рубеж (город-герой, Тульские засеки, Куликово поле, Тульский Кремль, парк «Патриот»); 4) сельскохозяйственные бренды (тульский бойцовый гусь, тульская черная слива, Василий Левшин, Андрей Болотов); 5) усадебная жизнь (Лев Толстой, Ясная Поляна, Козлова засека, Никольское-Вяземское, Иван Тургенев, Бежин луг, Василий Жуковский, Василий Поленов, Поленово, Дворяниново, Першинская охота); 6) гастрономические бренды (тульский пряник, белевская пастила, белевский пряник, алексинский пряник, булочка-веневка, конфеты «Ясная Поляна», суворовские конфеты, вода «Краинка»). Самым мощным брендом Тулы на международном рынке является, по мнению исследователей, Лев Толстой, на внутреннем рынке – Ясная Поляна, Тульский музей оружия, Куликово поле, Тульский самовар, Тульский пряник и Белевская пастила [14, с. 67].

Целью нашего исследования являлось рассмотрение региональной идентичности студентов-филологов Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого через призму эссенциалистского и конструктивистского подходов. В задачи исследования входило: 1) определение набора символов, составляющих образ Тулы и Тульской области в сознании студентов, их процентное соотношение; 2) сравнение зафиксированных символов с потенциально возможными (что именно и

почему вошло в сознание, а что осталось за его пределами); 3) сравнение зафиксированных символов с внедряемыми в сознание (насколько «сработала» конструктивистская модель); 4) фиксация совпадения / несовпадения и определение возможных причин.

Для определения набора символов региональной идентичности, зафиксированных в сознании студентов, использовался ассоциативный эксперимент по модели того, который уже предпринимался исследователями региональной идентичности Приенисейской Сибири [2]. Респондентам были заданы следующие вопросы: 1) Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите название города Тула? (3–6 слов); 2) Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите «Тульский регион», «Тульская область»? (3–6 слов); 3) Назовите 5 прилагательных, с которыми соотносятся у Вас Тула и Тульская область. При обработке анкет производился подсчет ассоциаций, выделялись наиболее частотные, определялось процентное соотношение, выявлялись наиболее «сильные» образы-символы. Полученные результаты не претендуют на всеохватность, поскольку опрос проводился в студенческой среде и ограничивался студентами одного факультета – русской филологии и документоведения. Всего было опрошено 211 человек, в гендерном отношении преобладали девушки. Кроме того, не все студенты являются жителями региона, на факультете учатся приехавшие из Московской, Калужской, Орловской областей, но поскольку в анкетировании приняло участие небольшое количество подобных респондентов (3 человека), мы не определяли их ответы в отдельную группу.

В процессе проведенного анкетирования были получены следующие результаты. Самым «мощным» образом-символом региональной идентичности стал пряник (78 %), за ним идут самовар (75 %) и оружие (65 %). Другие зафиксированные в сознании студентов образы значительно отстают от них в процентном отношении: Ясная Поляна (28 %), Лев Толстой (20 %), Куликово поле (19 %), белевская пастила (17 %), Кремль (11 %), гармонь (10 %), металл (8 %), химия (7 %), Левша (5 %), мастер (4 %), Поленово (4 %), Три штыка (3 %), Казанская набережная (2 %), Бежин луг (2 %).

Согласно исследованиям региональной идентичности, ее конструктами являются топонимы, прецедентные имена, хрононимы, достопримечательности регионального масштаба, изделия народных промыслов и соответствующие наименования, а также музеи (краеведческие, литературные или посвященные выдающимся людям того или иного региона) [9, с. 757]. Следовательно, в потенциальный набор образов-символов, репрезентирующих Тулу и область, входят, помимо названных студентами, следующие: топонимы – Богородицк, Мишенское, Богучарово, Дворяниново, Козлова засека, Никольское-Вяземское, Кочаки, Ясенки и др.; прецедентные имена – Жуковский, Левшин, Болотов, Хомяков, Успенский, Вересаев, Демидов, Сурнин, Шипунов, Стечкин, Токарев, Грязев, Баташев, Лисицын, Белобородов, Мосолов, Лугинин, Болотников, Чириков, Агеев, Жаворонков, Болдин, Крылов и др.; хрононимы – восстание Болотникова, оборона Тулы и др.; достопримечательности регионального масштаба – Центральный парк культуры и отдыха, Тульский оружейный завод, стадион «Арсенал» и др., изделия народных промыслов – тульская всечка, филимоновская игрушка, белевское кружево, ефремовское кружево и др.; гастрономические символы – алексинский пряник, белевский пряник, белевский мармелад, белевский зефир, булочка-веневка, анковский пирог, жамки, суворовские конфеты и др.; музеи – Тульский краеведческий музей, Музей Белобородова, Музей «Тульские древности», Музей оружия «Шлем», Музей самоваров, Музей международного пряника, Тульский музей изобразительных искусств, Музей Порфирия Крылова и др. (именно музеи, усадьбы, заповедники предлагается сделать основой для развития рекреации и туризма в Тульском регионе, согласно концепции М. Е. Корнеевой [7]).

В список могут быть включены микротопонимы («народные» и официальные названия районов, местных объектов, памятников). Так, наши информанты упомянули Пролет (Пролетарский район) – 21 %, Зарик (Заречье) – 5 %, Магадан (часть района Мясново) – 3 %, Красный Перекоп – 3 %, Косая Гора – 2 %, Пьяный угол – 2 %; памятник теще (скульптура тираннозавра у входа в Тульский экзотариум) – 20 %, памятник хвосту – 11 %, еж в Кремлевском саду – 8 %, Петр и Феврония – 3 %. В список не вошли потенциально возможные Зелик (Зеленстрой), Чукотка (часть Зареченского района), памятник зарплате (памятник Левше), киберблоха и др.

Вполне объяснимо то, что в первую тройку среди символов региональной идентичности вошли пряник, самовар и оружие. Пряники в Туле начали изготавливать в XVII веке. Словосочетание «тульский пряник» в современном языке стало устойчивым выражением, иногда используется в разговорной речи в значении ‘туляк’, ‘человек из Тулы’ [1]. Концепт «тульский пряник» является элементом русской национальной картины мира, выступает как средство вербализации национальной культуры [5]. В Туле есть несколько музеев пряника, установлен памятник прянику. Возможно, интерес к тульскому прянику, его узнавание спровоцировал Тикток. Ролик с хэштегом тульскийпряник набрал в апреле 2022 года 356 миллионов просмотров. Все началось с того, что тиктокер Дед Анонимус, скрывающий лицо под маской Гая Фокса, опубликовал видео с тульским пряником, рассказывая о том, что лакомство придает ему силу и «крутизну». Видео стало вирусным, поклонники Деда Анонимуса начали не только делать репосты, но и создавать свои видео с тульским пряником. Популярности кондитерскому изделию добавила акция, проведенная Главным управлением МЧС России по Тульской области. Тульский пряник был принят в ряды спасателей [10]. Изображал его человек в костюме пряника. Выглядел он настолько нелепо и даже отталкивающе, что тут же стал предметом шуток в Интернете и основой для создания мемов.

Самовары в Туле начали производить в XIX веке. Словосочетание «тульский самовар» тоже стало устойчивым, появляется во многих художественных и публицистических текстах. В Туле есть Музей самоваров. Самовар является логотипом тульской лиги КВН. Стилизованный самовар (рисунок разработан Алексеем Рудаковым) изображен на «Карте гостя Тульской области». Логотип с данным рисунком ежегодно используется при оформлении улиц ко дню города.

Оружейный промысел начал развиваться в Туле в XVI веке. В конце XVII века Никитой Демидовым был основан частный оружейный завод. В 1712 году по именному указу Петра I был основан Императорский Тульский оружейный завод. В 1873 году был открыт музей оружия. Тула обеспечивала страну оружием во время Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны, Гражданской войны, Великой Отечественной войны. В Туле и области находится комплекс оборонных предприятий: Тульский оружейный завод, Тульский патронный завод, Конструкторское бюро приборостроения, завод «Арсенал», «Туламашзавод», «Тулаточмаш», «Сплав», «Октава», «Стрела», Кимовский радиоэлектромашиностроительный завод. Можно составить целый список видов вооружения, созданных / производившихся в Туле: винтовка системы Бердана (берданка), трёхлинейная самозарядная винтовка Мосина, станковый пулемет системы Максима (пулемет «Максим»), автоматический скорострельный авиационный пулемёт – ШКАС, пистолеты систем Макарова, Токарева, Стечкина, реактивная система залпового огня «Град». Идентификация города с опорой на символ «оружие» представлена составной номинацией «оружейная столица», магнитами, брелоками и другой сувенирной продукцией в виде пушек, пистолетов и т.п. Символика поддерживается в урбанонимах: улица Арсенальная; ансамбль назва-

ний – улицы Дульная, Ствольная, Курковая, Штыковая, Пороховая, Пробная, Патронная, Замочная, Заварная, Ложевая, Оборонная; завод «Арсенал»; стадион «Арсенал»; торгово-выставочный центр «Арсенал».

По очевидным причинам символы «пряник» и «самовар» оказались востребованными в молодежной аудитории, поэтому и вышли на первое и второе места. Оружие, оказавшееся на третьем месте, тоже достаточно популярный символ, который поддерживается еще и за счет официального гимна Тулы – песни «Тульская оборонная» (авторы – В. Гурьян и А. Новиков), текст которой знает практически каждый туляк. Мелодия этой песни даже используется в качестве звонка в одном из самых престижных учебных заведений Тулы – гимназии № 11. Одним из перспективных направлений развития туризма в Тульской области называют оружейный туризм [13].

Далеко отставшие, но все же вошедшие в первую десятку символы: Ясная Поляна, Лев Толстой, Куликово поле, Кремль, город-герой, белевская пастила, памятник теще и памятник хвосту. Здесь мы сгруппировали символы по семантическому признаку для удобства комментария.

Ясная Поляна и Лев Толстой актуальны для студентов-филологов, поскольку это литературные символы региона, имя Толстого носят педагогический университет, улица в центре города. Памятник писателю установлен недалеко от входа в Центральный парк лицом к главной магистрали – проспекту Ленина. Когда-то на противоположной стороне улицы располагался ликеро-водочный завод, и среди горожан бытовала шутка о том, что Лев Толстой идет за водкой. Современным студентам она, конечно, не известна. Зато для них актуально городское пространство Ликерка Лофт, включающее торговый центр, арт-зону, магазин комиксов и т.п., образовавшееся на месте бывшего спиртзавода. Лев Толстой для студентов идет на Ликерку Лофт.

Толстой посещал здание, в котором учатся филологи Тульского государственного педагогического университета. В XIX веке там размещалась мужская классическая гимназия и учились дети писателя. Этот факт, бесспорно, известен нынешним студентам. Несколько поколений филологов транслировали байку о том, что на одной из кованых лестниц старинного здания отпечатался след ноги Толстого.

Ежегодно в университете проводится масштабная конференция «Толстовские чтения», в которой студенты могут принять участие. Непременными являются выезды в Ясную Поляну.

Название «Ясная Поляна» носят тульская кондитерская фабрика и выпускаемые на ней конфеты, что, возможно, также актуально для студентов. Опрошенные (1 %), подбирая прилагательные для характеристики города, использовали слово «вкусная», видимо, подразумевая конфеты, пряники (которые тоже производятся на фабрике «Ясная Поляна») и белевскую пастилу. Последняя представляет собой старинное лакомство, которое изготавливают из яблок и яичных белков с сахаром. В Белеве действует несколько фабрик, выпускающих этот гастрономический шедевр.

Практически через дорогу от корпуса, в котором учатся студенты-филологи, расположен Кремль. Буквально каждый день они проходят мимо крепостных стен. Интересом к истории и знанием ее ключевых моментов, связанных с областью, можно объяснить тот факт, что в первую десятку символов у студентов попали Куликово поле и Кремль.

Наконец, актуальными для студенческой среды символами стали две городские скульптуры: динозавр у входа в Тульский экзотариум и некое ящероподобное существо у входа в один из корпусов политехнического университета. Динозавр практически с момента появления скульптуры в городском пространстве сразу получил прозвище «памятник теще», а на современных туристических сайтах обозначается как «тульская теща» (по мнению Н. А. Красовской, на появление названия влияет сход-

ство в структуре оценок [8, с. 122]). Интерес к скульптуре поддерживается работниками экзотариума, которые завели традицию наряжать рептилию в разные костюмы, соответственно сезону и празднику (школьная форма к 1 сентября, шляпа и черная мантия к Хэллоуину, голубая шубка к Новому году и т.д.). Можно сказать, что преобразования, которые происходят с «тульской тещей» подчиняются тому же принципу, по которому создаются мемы в сети Интернет: на неизменную основу накладываются разные элементы в соответствии с ситуацией [11].

Памятник хвосту непосредственно связан со студенческой жизнью и несданными зачетами и экзаменами (хвостами на студенческом сленге). Памятник был установлен в 2007 году и стал использоваться в студенческих (и не только) ритуальных практиках. В частности, для успешной сдачи экзаменов его нужно потереть, погладить, подержать за отвалившийся хвост, сделать фото на память.

Обратившись к прилагательным, которые нужно было назвать респондентам, мы можем дополнить представление о характере региональной идентичности студентов-филологов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Определения распределились следующим образом: «красивая» – 28 %, «родная» – 19 %, «уютная» – 11 %, «героическая» – 5 %, «великая» – 5 %, «старая» – 5 %, «маленькая» – 5 %, «гостеприимная» – 5 %, «молодежная» – 4 %, «доблестная» – 2 %, «туристическая» – 2 %, «вкусная» – 1 %. Таким образом, город оценивается студентами в первую очередь по внешним параметрам («красивая»), по соотношению с собой («родная») и по производимому впечатлению («уютная»), далее в характеристике города актуализируются знания о прошлом («старая», «героическая», «великая», «доблестная»), включается скрытое сравнение («маленькая»: видимо, провинциальная Тула на фоне находящейся сравнительно недалеко большой Москвы), студенты реагируют на то, что многие городские пространства представляют собой современные площадки, где можно интересно провести время («молодежная»), а также на то, что в регионе активно ведется работа по привлечению туристов («гостеприимная» и «туристическая») и продвижению гастрономических брендов («вкусная»).

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что и «стихийно сложившаяся» (эссенциализм) и искусственно созданная (конструктивизм) модели совпадают с тем, что фиксируется в коллективном сознании студентов, лишь частично. Так, оружие и Лев Толстой входят в число названных студентами ассоциаций, но не выходят на первое место. Продвигаемая модель региональной идентичности, в которой акцент сделан на образ Тулы как «мастерской России», а также на Льва Толстого, тоже не абсолютно тождественна восстанавливаемой благодаря анкетам модели в сознании студентов. У них на первом месте оказывается гастрономический символ – пряник, а за ним уже следует оружие (третье место) и Лев Толстой (пятое место). Возможно, на такую расстановку приоритетов повлияли возраст респондентов, их социальный статус, круг общения, потребляемые информационные потоки и другие факторы.

В перспективе опрос, позволяющий воссоздать региональную идентичность Тульской области, можно будет провести среди студентов других факультетов, а также в других социальных группах, четко разграничивая представителей региона и представителей других областей.

Список источников и литературы

1. *Абрамова В. И., Архангельская Ю. В.* Пряник как культурно значимый символ в русской языковой картине мира // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 407–411.
2. *Бахор Т. А., Зырянова О. Н., Лобарева В. С.* Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития : сборник статей Международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). Уфа: АЭТЕРНА, 2016. Ч. 3. С. 83–84.
3. *Богатова О. А.* Социальная идентичность «городов власти» в современной России: основные социологические подходы // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4, № 4. С. 361–374.
4. *Головнёва Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
5. *Захарова Н. Н.* Информационное, когнитивно-образное и прагматическое поле концепта «тульский пряник» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 63–69.
6. *Золотухина Д. А.* Стратегии формирования историко-культурного имиджа российских регионов: на примере Костромской, Новгородской и Тульской областей : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Золотухина Дарья Александровна. Москва, 2011. 184 с.
7. *Корнеева М. Е.* Историко-культурное наследие Тулы и Тульской области для развития рекреации и туризма в регионе // Фундаментальные исследования. 2013. № 6, ч. 6. С. 1530–1534.
8. *Красовская Н. А.* Некоторые народные названия города Тулы // Ономастика Поволжья. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 119–124.
9. *Крюкова О. С.* Роль топонимики в конструировании региональной идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 15, ч. 2. Москва: ИНИОН РАН, 2020. С. 756–757.
10. *Локалов А.* Пряник, ставший сотрудником МЧС, привлёк внимание мировой прессы // Электронный научно-исторический журнал «Родина». Дата размещения: 24.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/24/reg-cfo/pryanik-stavshij-sotrudnikom-mchs-privleknimanie-mirovoj-pressy.html> (дата обращения: 21.11.2022).
11. *Мазалова М. С.* Городской микротопоним как знак региональной идентичности (на примере «Тульской тещи») // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы X Международной науч.-практ. конф. студ. и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2022 года. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. С. 205–206.
12. *Макаров А. А.* Проблемы формирования региональной идентичности в контексте тенденций развития федерализма в России // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Минск: Колорград, 2021. С. 317–321.
13. *Сарафнова А. А., Сарафанова А. Г.* Оружейный туризм в Тульской области // Наука через призму времени. 2018. № 8. С. 98–102.
14. *Танкиева Т. А., Королёв А. В.* Бренды территории как основа продвижения региона (на примере Тульской области) // Сервис plus. 2018. № 12 (4). С. 56–69.
15. *Туровский Р. Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в постсоветской России : сб. ст. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 4–36.

References

1. Abramova, VI & Arkhangelskaya, YV 2021 'Pryanik kak kul'turno znachimyy simvol v russkoy yazykovoy kartine mira' (Gingerbread as a culturally significant symbol in the Russian language picture of the world), *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes of Novgorod State University)*, vol. 4 (37), pp. 407–411. (In Russ.)

2. Bakhor, TA, Zyryanova, ON & Lobareva, VS 2016 'Assotsiativnyye polya kak voploshcheniye regional'noy samoidentifikatsii' (Associative fields as the embodiment of regional self-identification), *Innovatsionnyye tekhnologii nauchnogo razvitiya (Innovative technologies of scientific development)* October 20, 2016, Kazan. At 3 v. Part 3. AETERNA, Ufa, pp. 83–84. (In Russ.)
3. Bogatova, OA 2020 'Sotsial'naya identichnost' «gorodov vlasti» v sovremennoy Rossii: osnovnyye sotsiologicheskiye podkhody' (Social Identity of "Cities of Power" in Modern Russia: Basic Sociological Approaches), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya (Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships)*, vol. 4, no. 4, pp. 361–374. (In Russ.)
4. Golovneva, EV 2013 'Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoy identichnosti i yeye struktura' (Regional identity as a form of collective identity and its structure), *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy (Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research)* no. 5, pp. 042–050. (In Russ.)
5. Zakharova, NN 2022 'Informatsionnoye, kognitivno-obraznoye i pragmaticheskoye pole kontsepta «tul'skiy pryantik»' (Informational, cognitive-figurative and pragmatic field of the concept "Tula gingerbread"), *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes of Petrozavodsk State University)* vol. 44, no. 1, pp. 63–69. (In Russ.)
6. Zolotukhina, DA 2011 Strategii formirovaniya istoriko-kul'turnogo imidzha rossiyskikh regionov (na primere Kostromskoy, Novgorodskoy i Tul'skoy oblastey) (Strategies for the formation of the historical and cultural image of the Russian regions (on the example of the Kostroma, Novgorod and Tula regions)). PhD thesis. Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow. (In Russ.)
7. Korneeva, ME 2013 'Istoriko-kul'turnoye naslediyе Tuly i Tul'skoy oblasti dlya razvitiya rekreatsii i turizma v regione' (Historical and cultural heritage of Tula and the Tula region for the development of recreation and tourism in the region), *Fundamental'nyye issledovaniya (Fundamental research)*, no. 6-6, pp. 1530–1534. (In Russ.)
8. Krasovskaya, NA 2020 'Nekotoryye narodnyye nazvaniya goroda Tuly' (Some folk names of the city of Tula), *Onomastika Povolzh'ya (Onomastics of the Volga region)*, September 9-10, Kostroma, Kostroma State University, Kostroma, pp. 119–124. (In Russ.)
9. Kryukova, OS 2020 'Rol' toponimiki v konstruirovaniy regional'noy identichnosti' (The role of toponymy in the construction of regional identity), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya (Russia: trends and development prospects)*, no. 15-2, pp. 756–757. (In Russ.)
10. Lokalov, A 2021 Pryanik, stavshiy sotrudnikom MCHS, privlek vnimaniye mirovoy pressy (Gingerbread, who became an employee of the Ministry of Emergency Situations, attracted the attention of the world press), *The Motherland*, 24 August, viewed 21 november 2022, <https://rg.ru/2021/08/24/reg-cfo/priantik-stavshij-sotrudnikom-mchs-privlek-vnimanie-mirovoj-pressy.html> (In Russ.).
11. Mazalova, MS 2022 'Gorodskoy mikrotoponim kak znak regional'noy identichnosti (na primere «tul'skoy teshchi») (Urban microtoponym as a sign of regional identity (on the example of the "Tula mother-in-law"))', *Molodost'. Intellect. Initsiativa (Youth. Intelligence. Initiative)*, 22 April, Vitebsk, Vitebsk State University P.M. Masherova, Vitebsk, pp. 205–206. (In Russ.)
12. Makarov, AA 2021 'Problemy formirovaniya regional'noy identichnosti v kontekste tendentsiy razvitiya federalizma v Rossii' (Problems of Formation of Regional Identity in the Context of Trends in the Development of Federalism in Russia), *Sovremennaya politicheskaya nauka o trayektoriyakh razvitiya gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva (Modern Political Science on the Trajectories of Development of the State, Business and Civil Society)*, 23 Desember, Minsk, Belarusian State Economic University, Minsk, pp. 317–321. (In Russ.)
13. Sarafanov, AA & Sarafanova, AG 2018 'Oruzheynnyy turizm v Tul'skoy oblasti' (Gun tourism in the Tula region), *Nauka cherez prizmu vremeni (Science through the prism of time)*, no. 8, pp. 98–102. (In Russ.)
14. Tankieva, TA & Korolev, AV 2018 'Brendy territorii kak osnova prodvizheniya regiona (na primere Tul'skoy oblasti)' (Territory brands as a basis for promoting the region (on the example of the Tula region)), *Service plus*, no. 12(4), pp. 56–69. (In Russ.)
15. Turovsky, RF 2003 'Sootnosheniye kul'turnykh landshaftov i regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii' (Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia),

Identichnost' i geografiya v sovremennoy Rossii (Identity and geography in modern Russia),
St. Petersburg, Helikon Plus, pp. 4–36. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.11.2022
Одобрена после рецензирования: 12.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 22.11.2022
Approved after reviewing: 12.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-81-90>

КОНЦЕПТОСФЕРА «ПИЦЦА И НАПИТКИ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

**Мария Сергеевна
Мазалова**

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия, mazalowa.maria@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2388-2125>

Аннотация. Представлены результаты исследования важнейших гастрономических брендов Тульской области (Европейская Россия) и их воздействия на формирование региональной идентичности жителей региона. Актуальность данной работы заключается в возрастающей в современном мире необходимости поддержания наших национальных символов, так как именно они демонстрируют специфику культуры России в сравнении с другими странами, также символические образы нации помогают гражданам чувствовать себя единым целым даже в сложное для страны время. Целью данной статьи является исследование одного из важнейших элементов формирования имиджа Тульской области и в тоже время составляющую системы региональной идентичности: брендов региональной кухни, способствующих созданию собственной гастрономической культуры. В работе основным методом стал сбор и анализ различных источников информации (публикации СМИ, научные журналы, интернет-сообщества, рекламная деятельность областных пищевых предприятий и т.д.). В результате исследования автором доказана важность гастрономического аспекта культуры жителей региона как составляющей региональной идентичности (на основе научных работ других ученых), определено основное направление работы правительства и местных предприятий: экологизация производства пищевой продукции, рассмотрено понятие гастрономической карты региона, включающей в себя как бренды, так и гастрономические мероприятия. Сделан вывод о том, что региональная кухня Тульской области является важным элементом для поддержания региональной идентичности жителей области. Полученные данные могут быть использованы при составлении словаря региональной идентичности Тульской области, а также при проведении краеведческих исследований региона.

Ключевые слова: Тульская область, лингвокультурология, региональная идентичность, менталитет, концептосфера, гастрономическая культура, региональные бренды, имидж региона, гастрономическая карта региона, пищевая промышленность.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19.04.2022 г.) «Символярий региональной идентичности».

Для цитирования: Мазалова М. С. Концептосфера «пицца и напитки» как составляющая региональной идентичности жителей Тульской области // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 81–90. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-81-90>

Сведения об авторе: М. С. Мазалова – студент, факультет русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-81-90>

THE SPHERE OF THE CONCEPT "FOOD AND DRINK" AS PART OF THE REGIONAL IDENTITY OF TULA REGION RESIDENTS

Maria S. Mazalova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, mazalowa.maria@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2388-2125>

Abstract. The article presents the results of the study on the most important Tula region gastronomic brands (European Russia) and their impact on the formation of the regional identity of the region's residents. The work is topical because of the increasing need to maintain our national symbols in the modern world, as they demonstrate the specificity of Russian culture in comparison to other countries, and the symbolic images of the nation help citizens feel united, even in difficult times for the country. The aim of this article is to study one of the most important elements for image formation of the Tula region and at the same time a component of the system of regional identity: regional cuisine brands, contributing to the creation of own gastronomic culture. The collection and analysis of various sources of information (media publications, academic journals, Internet communities, advertising activities of regional food establishments, etc.) has become the main method in this work. The study proves the importance of the gastronomic aspect of the culture for the residents as a component of regional identity (based on some other scholars' scientific works). It also identifies the focus of government and local enterprises: the greening of food production. The study considers the notion of a gastronomic map of the region, including both brands and gastronomic events. It is concluded that Tula region cuisine is an important element for maintaining the regional identity of the residents. The data obtained can be useful in compiling a dictionary of the Tula region identity, as well as in carrying out local history studies.

Keywords: Tula region, cultural linguistics, regional identity, mentality, sphere of concept, gastronomic culture, regional brands, regional image, gastronomic map of the region, food industry.

Acknowledgments: The study «Simbolary of Regional Identity» was carried out at the expense of the Russian Science Foundation No 22-28-20342 and the Government of the Tula region (agreement No 6 of April 10, 2022).

For citation: Mazalova, MS 2022, 'The sphere of the concept "food and drink" as part of the regional identity of Tula region residents', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 81–90, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-81-90> (in Russ.)

Information about the Author: *Maria S. Mazalova* – Student, Russian Philology and Documentation Science Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Идентичность – это набор характеристик, определяющих специфику индивида или группы, особенно в отношении сходства или различия с другими индивидами или группами. Чувство принадлежности к обществу в пределах региона формируется, когда значительная часть жителей разделяет символы, ценности, устремления и создает региональную идентичность и культурную систему.

Составляющими региональной идентичности могут стать различные элементы практической и духовной жизни народа, например, исторические события, кулинария, язык, ремесла, фольклор, изобразительное искусство и т.д.

Важнейшее воздействие на развитие региональной идентичности оказывают органы власти, которые являются инициаторами разнообразных реформ в сфере экономики, искусства и т.д. Влияние власти на формирование региональной идентичности изучалась различными учеными. Например, доктор социологических наук Желнина Е. В. отмечает следующее: «Понятие и феномен региональной идентичности также очень тесно переплетен с политико-правовой сферой, поскольку определяя себя в качестве жителя той или иной территории (государства, региона, города и т. д.), гражданин принимает во внимание и те политико-правовые условия (факторы), которые имеют место быть на данной территории» [5, с. 85].

В приоритете каждого региона стоит задача формирования позитивного образа не только для его жителей, но и для туристов. Такой вопрос решается администрацией путем поддержки и продвижения различных брендов, подчеркивающих особенности данной территории в сравнении с другими. Исследования в данной области проводились следующими учеными: доктором социологических наук Воробьевым В. П. («Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории»), кандидатом экономических наук Якубовой Т. Н. («Территориальный брендинг как инструмент развития региона»), кандидатом политических наук Петровым В. В. («Общенациональные и региональные бренды как инструмент политики формирования позитивного имиджа современной России»).

Цель данной статьи – исследование одного из важнейших элементов формирования имиджа Тульской области и в тоже время составляющую системы региональной идентичности: брендов региональной кухни, способствующих созданию собственной гастрономической культуры. Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи: проанализированы тексты, обзорающие гастрономическую культуру региона и региональную идентичность, а также их связь; выявлены основные направления совместной работы администрации области и местных предпринимателей в сфере пищевой промышленности; обозначены важнейшие гастрономические бренды региона.

Материалом для исследования послужили различные публикации в средствах массовой информации, научные журналы, интернет-сообщества, культурные мероприятия, освещающие кулинарную специфику региона, рекламная деятельность областных пищевых предприятий.

Основным методом исследования в данной работе является анализ различных источников для получения максимально точной информации.

Предметом исследования является информационная составляющая национальной кухни Тульской области.

Перспективы развития экологического сельского хозяйства Тульской области

Важнейшей тенденцией современного пищевого производства во всем мире является создание таких продуктов питания, которые не имели бы в своем составе вредоносные для человека химические добавки. На сегодняшний день, экологически чистые продукты питания представляют собой не только основу здорового образа

жизни, но и элемент имиджа региона, который следует актуальной экологической повестке.

Данная тенденция в Тульской области еще не развита в полной мере, однако мы отметили, что курс на поддержку заинтересованных этим курсом предпринимателей активно ведется и обсуждается еще с 2017-ого года. На одном из заседаний круглого стола «Экологическое сельское хозяйство и экотуризм на территории Тульской области: перспективы развития», проведенным в Центре поддержки предпринимательства, были озвучены основные проблемы пищевой и сельской промышленности в контексте экологизации. Основным тезисом выступления многих участников являлось утверждение, что понятие органическое сельское хозяйство – это нечто новое и необычное, но безусловно важное для развития гастрономического потенциала нашего региона.

В качестве примера «экологической» предпринимательской деятельности мы отметили фермерский кооператив «Марк и Лев», который объединяет внутри себя множество хозяйств со всей области. Визитной карточкой «Марка и Льва» по праву считается производство здоровой и полезной еды. Рестораны, кафе и калачная, имеющие одноименное с кооперативом название, занимаются продажей готовых блюд, ингредиентами для которых служат продукты их собственного производства. В рекламе калачной указывалось следующее: «Простая, вкусная и полезная русская еда, которую можно взять с собой или съесть на месте. Основу меню составляют фирменные калачи «Марк и Лев» из цельнозерновой муки с начинками на любой вкус: с тушёнкой из утки, ростбифом, печёными овощами, сомом и даже сыром Камамбер. Кроме того, у нас есть супы, пельмени, вареники и пироги. Калачная работает только на продуктах малых и средних фермерских хозяйств» [6]. Культурный колорит Тульской области в заведении передается не только с помощью кулинарии, но и через важные для региональной идентичности туляка символы. Например, большой самовар в середине помещения, из которого может отведать чай каждый желающий, изображение знаменитого Левши в процессе работы над подковкой блохи, множество журналов-путеводителей для гостей города-героя. Каждый подобный элемент интерьера способствует формированию позитивного образа нашего региона, закрепляет в сознании его жителей и гостей важные культурные символы. Крупнейшая в мире платформа о путешествиях TripAdvisor отмечает калачную «Марк и Лев» в категории «рестораны здорового питания», что способствует большому количеству туристов, выбравших для путешествия Тульскую область.

Еще одним примером данной тенденции является экоферма «Горчицкая поляна», находящаяся в деревне Льва Толстого. Своими принципами они называют гарантию качества, свежесть продукции и, конечно же, экологичное производство: «Вся продукция производится в максимально благоприятных условиях и полностью сертифицирована в соответствии с европейскими экологическими требованиями и стандартами» [3]. «Горчицкая поляна» сочетает в себе как традиционное натуральное хозяйство, так и новейшие технологии экологического производства. В своем магазине они продают мясную продукцию, овощи, хлебные изделия. Также «Горчицкая поляна» предоставляет экскурсионные услуги, которые относятся к современному направлению экотуризма. Жители и гости Тульской области окружены символами региональной идентичности: образ Льва Николаевича Толстого как важнейший символ региона, образ захватывающей дух тульской природы. Данная экоферма обзвевалась во множестве СМИ: телеканал РБК, интернет-журнал «BRODUDE», кулинарный сайт «Гастрономъ», радио «Комсомольская правда» и т.д. Также сайт Russia.travel, работающий при поддержке Федерального агентства по туризму, отмечает «Горчицкую поляну» в различных маршрутах путешествий по Тульской области.

В качестве примера экологизации пищевой промышленности региона можно отметить экопарк «Ясно поле», отличительным знаком которого является полная открытость всех технологий выращивания скота, растений – каждый желающий может увидеть то, каким образом происходит то или иное производство. «Ясно поле» занимается агротуризмом, сельским хозяйством, сыроварением, пчеловодством. О себе они говорят следующее: «Мы придерживаемся разумного подхода в сельском хозяйстве. В его основе лежит использование принципов органического земледелия и ограниченного применения химических удобрений и средств защиты растений. Мы создаем нашу продукцию экологичным способом и для людей, и для земли. Все наши технологии открыты, все гости могут увидеть, как все у нас растет и чем мы кормим животных» [13]. Придерживаясь экологической повестке, экопарк создает привлекательный и позитивный образ Тульской области, как жителей, так и для туристов. «Ясно поле» в 2019-ом году стал победителем в номинации «Лучший экоотель» федеральной премии Live Organic Awards 2019 при поддержке Правительства Москвы.

Гастрономический путеводитель Тульского региона

Как уже отмечалось ранее, гастрономический аспект играет не последнюю роль в системе региональной идентичности жителей и гостей области, поэтому правительство региона проводит активную работу над созданием гастрономического имиджа Тульской области. Идея соотношения определенной территории и свойственной ей кухни не является чем-то новым, так как зарождение понятия гастрономического путеводителя берет свое начало еще в Европе: знаменитые регионы Шампань во Франции, Тоскана в Италии и т.д.

Гастрономический путеводитель – это отличное маркетинговое средство, поддерживающее бренды региона как внутри него самого, так и за его пределами. В рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2021-ом году был анонсирован, а в 2022-ом году выпущен гастрономический путеводитель по Тульскому региону «География на вкус. Тула». Путеводитель включает в себя описание множества кулинарных концепций региона: от ресторанов до экологических ферм.

Председатель комитета Тульской области по развитию туризма Лариса Соломатина прокомментировала отношение к гастрономическому аспекту туризма правительства региона: «Губернатор Алексей Дюмин уделяет большое внимание развитию внутреннего и въездного туризма. В Туле есть, чем удивить гастрономического туриста: анковский пирог семьи Толстых, крапивная кулинария, булочка «Веневка», ароматный кофе со вкусом тульского пряника и другое. Региональные кафе и рестораны удивят авторскими блюдами даже самого взыскательного путешественника» [8]. Также интересно высказывание заместителя председателя правительства Тульской области Александра Шаламова: «Тула – это не только оружейная столица и город мастеров, но и столица вкусных брендов. Тула развивает гастрономический туризм, предприниматели открывают уютные кафе и атмосферные рестораны, где можно попробовать авторские блюда» [10].

Создание гастрономического путеводителя повлекло за собой особый интерес к представителям «кулинарного кода» области, которые своей деятельностью не только привлекают туристов, но и пополняют богатство региональной идентичности туляков. Особого упоминания удостоились следующие производители: кондитерская фабрика «Тульские пряники», кондитерская фабрика «Белевские сладости», ремесленные сыры Алексея Андреева, Тульская ягодная компания.

Важным аспектом гастрономического путеводителя являются тематические мероприятия, проходящие по всей области. Конечно, все они интересны, так как вносят свой вклад в образ жителя региона, но мы осветим некоторые из них, представляющие для формирования региональной идентичности наибольший интерес.

В 2021-ом году в Туле проходил историко-гастрономический фестиваль «Левшинский обед», объединяющий в себе не только кулинарную составляющую, но и исторический опыт. Для жителей и гостей организаторы приготовили блюда, рецепты которых входят в книгу «Русская поварня», написанную еще в 18-ом веке, за авторством уроженца Тульского региона Василия Левшина. Подобный формат фестивалей указывает на прочную связь между национальной кухней области и ее историей, которые, в свою очередь, являются одними из многих составляющих региональной идентичности.

Далее отметим еще один гастрономический фестиваль «Вкусно в Туле» проходивший в областном центре в 2022-ом году впервые. Его особенность заключалась в следующем: ингредиенты каждого блюда были произведены на территории региона. Светлана Квасова, директор Тульского регионального фонда «Центр поддержки предпринимательства» так прокомментировала причину организации данного мероприятия: «По поручению губернатора Тульской области в регионе уже более двух лет работает проект «Сделано в Тульской области». Он направлен на поддержку местных товаропроизводителей. И этот фестиваль – еще одна мера поддержки. Гастрофестиваль объединит производителей и рестораторов. Это будет эффективным партнерством! Товары, отмеченные знаком «Сделано в Тульской области», давно стали брендом. Получить заветный логотип может только по-настоящему хорошая продукция, отобранная комиссией. Поэтому и фестиваль – тоже показатель качества. Мы уверены, что туляки и гости города получают истинное гастрономическое удовольствие» [4]. Участие в гастрофестивале приняли хорошо известные каждому туляку местные рестораны («VinoDomino», «Пётр Петрович», «Культура», гастропаб «Понеслось» и другие), ставшие важной частью кулинарной стороны региональной идентичности.

Следующий важный для понимания региональной идентичности жителя Тульской области является фестиваль Крапивы, который проводится каждый год в селе Крапивна. Источником вдохновения для создания мероприятия являются фольклорные и ремесленные традиции данной местности. Исключительность фестивалю Крапивы придает наличие блюд, главным ингредиентом которых стала крапива, например, чай, заваренный на крапиве, щи с крапивой, пирожки с крапивой и многое другое.

Главный гастрономический образ Тульской области, один из важнейших символов региональной идентичности – тульский пряник, также не остался без тематического фестиваля. Ежегодно на территории Тульского Кремля проходит фестиваль «День пряника», гости которого могут не только попробовать пряники разных производителей, но и посетить мастер-классы.

Также необходимо отметить фестиваль «Веневские баранки», который, как и «День пряника», берет за основу кулинарный символ региона – булочку «Веневка».

Еще один интересный фестиваль под названием «Яблочный Спас у Болотова» проходит в городе Богородицке. Имя Андрея Тимофеевича Болотова неотрывно связано с культурой региона, вхоже в систему региональной идентичности.

Гастрономический фестиваль «Яблочное чудо» также ставит своей целью сохранение и продвижение региональных брендов, в данном случае – белевской пастилы, которую каждый житель Тульской области ставит в один ряд с тульским пряником и веневской булочкой.

Тульская палитра вкуса: гастрономические бренды региона

Гастрономические бренды Тульской области представляют собой не только продукты питания, но и важную часть региональной идентичности жителей региона. В пример мы можем привести следующие бренды: тульский пряник, травяной чай «Куликово поле», конфеты «Ясная поляна», молочная продукция «Бежин луг», белевская пастила, чай «Здоровья и долголетия» по рецепту А. Т. Болотова, «Анковский

пирог», блюда их крапивы, веневская булочка, печенье «Узелки», суворовские конфеты, краинская минеральная вода, яблочный пирог «Бунинский сад», березовый квас, мороженое из щавеля с ленивым крапивным печеньем, тульский сахар, белевская яблочная каша, белевские яблочные пряники, торт «Кремлевский», яблоки «А la dorphine» по рецепту С. А. Толстой, варенье и джемы «Царская ягода». Рассмотрим некоторые из них.

Тульский пряник на данный момент является не только символом Тульского региона, но и всей России, так как это кондитерское изделие пользуется спросом и на зарубежном рынке. Однако для жителей области образ пряника – это необходимый элемент, входящий в систему региональной идентичности. Идентификация города Тулы с опорой на образ пряника представлена составной номинацией «пряничная столица». Жителя Тулы также называют «тульским пряником».

Поддержка производства данной сладости реализуется правительством в полной мере: еще в 2017-ом году представители администраций Тулы и Москвы обсуждали расширение производства тульских пряников. В 2020-ом году кондитерская фабрика «Ясная поляна», занимающаяся изготовлением тульских пряников, стала участником национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», что позволило не только увеличить число рабочих мест на предприятии, но и повысить количество производимых кондитерских изделий. Однако события 2022-ого года внесли свои коррективы в развитие пищевой промышленности региона: санкционные ограничения привели к уходу из страны многих поставщиков сырья, что, с одной стороны, привело к проблемам производства продукта, но с другой стороны, повлекло за собой развитие отечественных производителей сырья. Правительство области также не оставило данную проблему без внимания и оказала производителям поддержку. Так данные события прокомментировала генеральный директор тульской кондитерской фабрики «Медовые традиции» Ольга Владимировна Петрова: «Благодаря поддержке Правительства, а в частности комитета по предпринимательству, которые дали контакты поставщиков сырья, нам удалось продолжить свою работу» [1]. Стоит отметить, что в 2020-ом году вступил в силу закон о географических указаниях. Объясним на примере изготовления тульского пряника: все стадии производства данного кондитерского изделия должны происходить исключительно на территории Тульской области. Таким образом производство тульского пряника защищено географическим положением, что делает его еще большим достоянием тульской земли и ее жителей.

Травяной чай «Куликово поле», являющийся результатом совместной работы музея-заповедника «Куликово поле» и чайной компании «Витацентр», содержит в составе травы, произрастающие на территории Куликово поля (еще одного важного символа региональной идентичности). Попробовать его и ощутить вкус тульского лугового разнотравья может каждый посетитель музея-заповедника.

Конфеты «Ясная поляна», как и тульский пряник, являются знаменитым сувениром для гостей региона. Производством данной продукции занимается тульская кондитерская фабрика «Ясная Поляна», для которой конфеты стали визитной карточкой. Каждый житель Тульской области дорожит узнаваемым вкусом этого кондитерского изделия.

Молочная продукция «Бежин луг» производится на Тульском молочном комбинате с 1998-ого года. «Данная продукция включает молоко различной степени жирности, кефир, сметану, сливочное масло, мягкий и зернистый творог, питьевой йогурт и творог с фруктами, ряженку, снежок, плавленые, творожные и твердые сыры» [11]. В 2015-ом году Тульский молочный комбинат одержал победу в ежегодной премии «Здоровое питание», также «Бежин луг» стал лауреатом в категории «Молочная про-

дукция» и «Инновация года в здоровом питании». Помимо важного гастрономического значения для области, продукция в своем названии затрагивает важный символ Тульского региона – Бежин луг, который в одноименном произведении осветил Иван Сергеевич Тургенев.

Белевская пастила также представляет собой один из важнейших образов Тульской области, поэтому ее производством занимается множество региональных предприятий: ООО «Белевская пастила», ООО «Белевские сладости», ООО ПК «Старые традиции», ООО «Традиции Белева». В 2020-ом году белевская пастила стала победителем национального конкурса региональных брендов «Вкусы России». В 2022-ом году ООО «Белевская пастила» при поддержке правительства Тульской области, регионального Центра поддержки экспорта в рамках нацпроектов «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» получила возможность продемонстрировать свою продукцию на 51-Международной кондитерской выставке ISM 2022.

Чай «Здоровья и долголетия» по рецепту А. Т. Болотова – нашего выдающегося земляка, философа, ученого и основоположника русской агрономической науки, содержит в составе траву буквицу, являющуюся любимым растением самого Болотова. Попробовать чай может каждый посетитель музея-усадьбы А. Т. Болотова «Дворяниново». Сайт Russia.travel посвятил данному символу Тульского региона отдельную статью.

«Анковский пирог» связан не только с гастрономической стороной региона, но и с литературной. Рецепт пирога в Ясную поляну привезла Софья Андреевна Толстая. Название «анковский пирог» получил в честь родственника семьи Берс (девичья фамилия Толстой С. А.) – Николая Анке, который научил рецепту этой сладости еще мать Софьи Андреевны. Для жителей Тульской области «анковский пирог» стал символом семейного уюта и теплоты.

Также Софья Андреевна привнесла в тульскую гастрономическую идентичность еще один десерт – яблоки «A la dorphine», которые варили с джемом и лимонной цедрой.

Малой родиной печенья «Узелки» является город Узловая. По местной легенде, именно в этом городе начальник одноименной железнодорожной станции, чтобы успокоить разгневанного пассажира, предложил ему отведать печенья «Узелки». Данный гастрономический символ подчеркивает предприимчивость жителей региона.

Одно из любимейших жителями и гостями области кондитерских изделий – суворовские конфеты производят на одноименной фабрике. Создано предприятие «Суворовские конфеты» в 1998-ом году. Свое производство они описывают следующим образом: «Кредо предприятия – выпускать сладости с заботой о здоровье покупателей, поэтому исходным сырьем для конфет стали разнообразные орехи со всех континентов, сухофрукты, экзотические цукаты, семена, сублимированные ягоды, специи. Используются натуральные красители и ароматизаторы. При изготовлении конфет мы не добавляем консервантов» [9]. Сообщество «Туристер» (одно из крупнейших в СНГ сообществ путешественников) выделил суворовские конфеты в списке сувениров, которые нужно привести из Тулы.

Заключение

Кулинарная или гастрономическая культура является важной составляющей региональной идентичности в любой точке нашей страны. В данном исследовании мы рассмотрели пример Тульской области и ценные гастрономические символы для ее жителей, что ранее не анализировалось в контексте региональной идентичности. Кулинарные образы – это не только о пище, но и о историческом опыте. Мы рассмотрели множество научных работ, посвященных разбору связи гастрономического аспекта и

региональной идентичности, а также воздействию правительства на развитие брендов и имиджа региона. Также мы проанализировали основные направления администрации Тульской области и местных предпринимателей и пришли к выводу, что помимо финансовой, проектной поддержки и помощи в продвижении, правительство региона взяло направление на экологическое производство. В процессе исследования мы обозначили важнейшие гастрономические бренды региона.

Данное исследование направлено на изучение региональной идентичности, которую начинают активно рассматривать и анализировать многие ученые, но наличие большого числа регионов в нашей стране позволяет расширить количество трудов, связанных с этой темой. Гастрономический аспект региональной идентичности – это лишь один элемент из множества, что открывает перед нами большое поле для изучения. Научные изыскания в данной области позволяют не только внимательно рассмотреть региональную идентичность конкретного региона, но и предоставят возможность подчеркнуть особенность каждой территории России.

Список источников и литературы

1. *Апратова Л.* В условиях санкций при поддержке регионального Правительства тульская компания готовит к выпуску пряничную новинку // МК в Туле : сетевое издание. Дата размещения: 23.03.2022. URL: <https://tula.mk.ru/social/2022/03/23/v-usloviyakh-sankciy-pri-podderzhke-regionalnogo-pravitelstva-tulskaya-kompaniya-gotovit-k-vypusku-ryanichnuyu-novinku.html> (дата обращения: 29.10.2022).
2. *Воробьев В. П., Голубовская О. Л., Еремينا Е. В.* Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122–127.
3. *Горчицкая поляна* : сайт / Фермерское хозяйство «Горчицкая поляна». URL: <https://www.gor-polyana.ru/> (дата обращения: 28.10.2022).
4. *Грудинина О.* «Вкусно в Туле»: чем порадует туляков и гостей города ресторанный фестиваль // Myslo: Тульский городской портал / ООО «Слобода». Тула, 2005–2022. Дата размещения: 11.09.2022. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2022-09-11-vkusno-v-tule-chem-poraduet-tulyakov-i-gostej-goroda-restorannyj-festival> (дата обращения: 30.10.2022).
5. *Желнина Е. В.* Политико-правовые факторы формирования региональной идентичности // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 85–88.
6. *Калачная на фермерском рынке* // Марк и Лев : сайт / ресторан «Марк и Лев». URL: <https://www.markilev.ru/kalachnaya/> (дата обращения: 29.10.2022).
7. *Петров В. В.* Общациональные и региональные бренды как инструмент политики формирования позитивного имиджа современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Петров Владимир Викторович. Москва, 2014. 190 с.
8. *Правительство Тульской области* : офиц. сайт. Тула, 2022. URL: <https://tularegion.ru> (дата обращения: 27.10.2022).
9. *Суворовские конфеты* : сайт / Кондитерское предприятие «Суворовские конфеты». URL: <https://www.sk-suvorov.ru/about-company/> (дата обращения: 02.11.2022).
10. *Тимофеева Л.* В Туле презентовали гастрономический путеводитель Ники Ганич // Myslo : Тульский городской портал / ООО «Слобода». Тула, 2005–2022. Дата размещения: 28.05.2022. URL: <https://myslo.ru/news/culture/2022-05-28-v-tule-prezentovali-gastronomicheskij-putevoditel-niki-ganich> (дата обращения: 30.10.2022).
11. *Тульский молочный комбинат* : сайт / АО «Тульский молочный комбинат». Тула, 2007–2022. URL: <https://www.tulamilk.ru> (дата обращения: 01.11.2022).
12. *Якубова Т. Н., Крюкова А. П.* Территориальный брендинг как инструмент развития региона // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). С. 484–488.
13. *ЯСНОПОЛЕ экопарк* : сайт / Экологический отель для всей семьи «ЯсноПоле». URL: <https://yasnopole.ru/ferma/> (дата обращения: 29.10.2022).

References

1. Apryatova, L 2022, 'V usloviyakh sanktsii pri podderzhke regionalnogo Pravitelstva tulskaya kompaniya gotovit k vypusku pryanichnuyu novinku' (In the face of sanctions, with the support of the regional government, a Tula company is preparing a gingerbread novelty for production), *MK v Tule*, viewed 29 October 2022, <https://tula.mk.ru/social/2022/03/23/v-usloviyakh-sankciy-pri-podderzhke-regionalnogo-pravitelstva-tulskaya-kompaniya-gotovit-k-vypusku-pryanichnuyu-novinku.html> (In Russ.)
2. Vorobyev, VP, Golubovskaya, OL & Eremina, EV 2014, 'Rol regionalnykh brendov v formirovaniy regionalnoi identichnosti i imidzha territorii' (The role of regional brands in the formation of regional identity and image of the territory), *Vlast'*, vol. 24, no. 11, pp. 122-127. (In Russ.)
3. *Gorchichnaya polyana (Mustard Glade)* Web-site, viewed 28 October 2022, <https://www.gor-polyana.ru/> (In Russ.)
4. Grudinina, O 2022, '«Vkusno v Tule»: chem poraduyet tulyakov i gostei goroda restoranny festival' («Delicious in Tula»: what will please Tula residents and guests of the city restaurant festival), *MySlo.ru.*, viewed 30 October 2022, <https://myslo.ru/news/tula/2022-09-11-vkusno-v-tule-chem-poraduet-tulyakov-i-gostej-goroda-restorannyj-festival> (In Russ.)
5. Zhelnina, EV 2018, 'Politiko-pravovyye faktory formirovaniya regionalnoy identichnosti' (Political and legal factors of regional identity formation), *Karelskiy nauchnyy zhurnal*, vol. 7, no. 4, pp. 122-127. (In Russ.)
6. 'Kalachnaya na fermerskom rynke' (Kalachnaya at the farmers' market), *Mark i Lev (Mark and Leo)*, viewed 29 October 2022, <https://www.markilev.ru/kalachnaya/> (In Russ.)
7. Petrov, VV 2014, *Obshchenatsionalnyye i regionalnyye brendy kak instrument politiki formirovaniya pozitivnogo imidzha sovremennoy Rossii* (National and regional brands as a policy tool for the formation of a positive image of modern Russia), PhD thesis, The Russian University of Transport, Moscow. (In Russ.)
8. *Pravitelstvo Tul'skoy oblasti (Government of the Tula Region)*, viewed 27 October 2022, <https://tularegion.ru>, viewed 27 October 2022. (In Russ.)
9. *Suvorovskiye konfety (Suvorov's sweets)*, viewed 3 November 2022, <https://www.sk-suvorov.ru/about-company/> (In Russ.)
10. Timofeyeva, L 2022, V 'Tule prezentovali gastronomicheskiy putevoditel Niki Ganich' (Gastronomic guidebook by Nika Ganich was presented in Tula), *MySlo.ru.*, viewed 30 October 2022, <https://myslo.ru/news/culture/2022-05-28-v-tule-prezentovali-gastronomicheskij-putevoditel-niki-ganich> (In Russ.)
11. *Tul'skiy molochnyi kombinat (Tula Dairy Plant)*, viewed 1 November 2022, <https://www.tulamilk.ru> (In Russ.)
12. Yakubova, TN, Kryukova, AP 2014, 'Territorialnyy brending kak instrument razvitiya regiona' (Territorial branding as a tool for regional development), *Molodoy uchenyy*, no. 21 (80), pp. 484-488. (In Russ.)
13. *YASNOPOLE ekopark*, viewed 29 October 2022, <https://yasnopole.ru/ferma/> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2022
Одобрена после рецензирования: 12.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 24.11.2022
Approved after reviewing: 12.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 91–99.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 3 (11). P. 91–99.

Научная статья

УДК 811.112.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-91-99>

СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ АКРОНИМОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОНИМАХ НЕМЕЦКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

**Светлана Вениаминовна
Лебедева¹**

**Анастасия Михайловна
Хенель²**

---

^{1,2} Курский государственный университет,
Курск, Россия,

¹lebedeva15sv@yandex.ru

²A.Markova@web.de

Аннотация. В статье обсуждаются причины и роль заимствований при создании акронимов и омоакронимов в различных онимах, формирующих немецкий экономический дискурс. Рассматриваются преимущественно их особенности в документонимах, идеонимах, в том числе прагматонимах, эргонимах и фирмонимах, а также в гемеронимах. Функции, выполняемые акронимами, в различных онимах различны, что влияет на выбор протяженности усечения-заимствования при образовании акронима. Так, в фирмонимах важнейшей функцией акронимов является рекламная функции, а также коммуникационная и мнемоническая функции, т.е. акроним должен быть удобен для произношения и запоминания. Основной же функцией акронимов в документонимах является информационная функция, а также функция индивидуализации, конкретизации, в силу чего предпочтение отдается не выбору заимствования в форме инициала, а выбору усечения, причем с максимальной протяженностью.

Ключевые слова: оним, экономика, дискурс, заимствование, акроним, функция, компонент.

Для цитирования: Лебедева С. В., Хенель А. М. Специфика конструирования акронимов в различных онимах немецкого экономического дискурса // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 91–99. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-91-99>

Сведения об авторах: С. В. Лебедева – профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева 33;

А. М. Хенель – магистрант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, 305000, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Радищева 33.

© Лебедева С. В., Хенель А. М., 2022

Scientific Article
UDC 811.112.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-91-99>

SPECIFICS OF CONSTRUCTION OF ACRONYMS IN VARIOUS ONYMS OF GERMAN ECONOMIC DISCOURSE

Svetlana V. Lebedeva¹

Anastasia M. Henel²

---

^{1, 2} Kursk State University,
Kursk, Russia,

¹lebedeva15sv@yandex.ru

²A.Markova@web.de

Abstract. The article discusses the causes and role of borrowing in the creation of acronyms and homoacronyms in the various onyms that shape German economic discourse. The authors consider their features mainly in documentonyms, ideonyms, including pragmatonyms, ergonyms and firmonyms, as well as in hemeronyms. The functions of acronyms are different in different onyms, which affects the choice of truncation-borrowing length in the formation of an acronym. Thus, in firmonyms, the most important function of acronyms is advertising, as well as communication and mnemonic functions, i.e. the acronym should be convenient for pronunciation and memorization. The main function of acronyms in documentonyms is the information function, as well as the function of individualization, concretization, due to which preference is given not to the choice of borrowing in the form of an initial, but to the choice of truncation, and with maximum length.

Keywords: onym, economics, discourse, borrowing, acronym, function, component.

For citation: Lebedeva, SV & Henel, AM 2022, 'Specifics of construction of acronyms in various onyms of German economic discourse', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 91-99, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-91-99> (in Russ.)

Information about the Authors: *Svetlana V. Lebedeva* – Professor, Head of the Chair of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia;
Anastasia M. Henel – Master's student of the Chair of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia.

Введение

Дискурс в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, являясь объектом междисциплинарного изучения [см., 1; 5; 6; 8; 10; 11; 12 и др. Например, Т. А. ван Дейк изучает дискурс с позиций социокультурологии, трактуя его как текст, произнесенный актуально [3]; в диссертационном исследовании С. А. Сухих дискурс рассматривается с точки зрения прагмалингвистики и представляется многоаспектная личностно ориентированная модель дискурса [13]. А. И. Варшавская рассматривает проблему в русле когнитологии, вводя понятие дискурс-текста, где дискурс понимается как процесс языкового мышления, а текст – как продукт этого процесса [2].

В предлагаемой статье уделяется внимание роли заимствований в различных онимах немецкого экономического дискурса при создании акронимов. Нас интересуют более частные аспекты, поэтому нам ближе определение дискурса как последовательности коммуникативных актов, в качестве которых могут служить также письменные тексты с общими тематическими признаками и имеющие коммуникативную направленность. При этом мы акцентируем внимание на таких компонентах дискурса как онимы, встречающиеся в немецком языке и содержащие заимствования. Заметим, что аббревиатуры-онимы рассматриваются в статье Т. С. Марковой в таких видах дискурсов, как экономический, политический, газетно-публицистический и компьютерный [9]. Нашей целью является не сравнение функций онимов в различных дискурсах, а более конкретная проблема – особенности использования заимствований онимов экономического дискурса в образовании акронимов. Как известно, А. А. Исакова изучает прагмонимы в качестве составляющей рекламного дискурса в структурном, семантическом и прагматическом аспекте, однако в качестве материала используется русский язык [4]. В работе Ю. В. Кобенко анализируется индекс экзоглосности различных лексико-семантических групп в системе немецкого языка, причем в анализ вовлекаются помимо средств массовой информации и экономики также сферы науки и техники, компьютерных и Internet-технологий, моды и спорта [7]. Полагаем, что конкретизация материала нашего исследования обеспечивает в определенной мере его новизну.

Считаем необходимым сделать некоторые пояснения, направленные на введение в проблему. Так, в определенной мере заимствованиям-аббревиатурам присуща функция отражения международной значимости, например документа, о чем свидетельствует узнаваемость аббревиатуры-онима и без расшифровки. Примером могут служить сокращения наиболее известных договоров, соглашений и других документов, таких как стандарт АКА (который используется специалистами по международным перевозкам без расшифровки, в том числе и в РФ), MARPOL - MARine POLLution (международные предписания по предупреждению загрязнения морского бассейна судами, разработанные Международной морской организацией ММО), MARPOL - Marine Policy (соглашение о предотвращении загрязнения морей морскими судами), Oilpol – Oil Pollution Convention (Международная Конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью), CIM - Convention Internationale concernant le transport des Marchandises par chemin de fer (Международное соглашение о железнодорожных грузовых перевозках).

Несмотря на то, что выполнение аббревиатурами информационной функции оспаривается рядом исследователей, мы склонны разделять мнение О. Е. Яковлевой о том, что аббревиатуры, содержащие усечения слов, сохраняют морфемное значение и могут указывать на определённую мотивировочную характеристику (характер деятельности, тематика, местоположение и т.д.), а, значит, компоненты-заимствования в сокращенном виде способны выполнять информативную функцию [15], хотя и в ограниченной мере. Например, компонент MARI (сокращение от

maritim /от средне-франц. maritime, далее от латинск. maritimus (“на море» от mare (“море”)/) несет в себе информацию о том, что данный эргоним (MARIKO.RIS - Maritimes Kompetenzzentrum Regionale Innovationsstrategie, des Landes Niedersachsen /Морской центр развития региональных инновационных стратегий земли Нижняя Саксония/) или идеоним MARIS – Pilotprojekt der G7 zur Informationsgesellschaft im maritimen Bereich /пилот-проект Большой семерки по созданию информационно-маритимной компании в области морского судоходства/) относится к сфере морского судоходства.

В сфере медицины аббревиатура-заимствование может выполнять функцию сокрытия или затенения информации, способной вызвать у адресата (пациента) или его окружающих отрицательные эмоции, что видно из такого документонима как HIVHG - HIV-Hilfegesetz, Gesetz über die humanitäre Hilfe für durch Blutprodukte HIV-infizierte Personen (закон о гуманитарной помощи лицам, инфицированным ВИЧ через продукты крови), где HIV – Human immunodeficiency virus – вирус иммунодефицита человека (ВИЧ).

Целесообразно сделать некоторые замечания по употреблению в онимах экономического дискурса именно англицизмов, заимствованных в немецкий язык в последнее время. Традиционно в качестве причин использования англицизмов для создания терминов-гибридов называются такие как: потребность в наименовании новой вещи или явления; необходимость разграничить термины, близкие по содержанию, но имеющие различные нюансы; необходимость специализации понятий — в той или иной сфере, для тех или иных целей; указание на соотнесенность с системой терминов, обслуживающих определенную тематическую область (в нашем случае – экономический дискурс); указание на связь с терминологией вычислительной техники, сложившейся на базе английского языка; воздействие иноязычного слова как более престижного, "красиво звучащего" [14, с. 117]; дань моде, показатель образовательного ценза автора устного или письменного текста.

Сокращения эргонимов зачастую содержат в качестве английского компонента наименование объекта исследования, являющегося инновацией в науке и/или технике, благодаря чему реализуется прежде всего номинативная функция или функция заполнения лакун при отсутствии соответствия в немецком языке, например: IESE - Fraunhofer Institut für Experimentelles Software Engineering Институт разработки экспериментального программного обеспечения Общества имени Фраунгофера, IBN - Institut für Biophysik und Nanosystemforschung Институт биофизики и исследования наносистемы, ISD – Institut für Soziales Design Институт социального дизайна (проектирования предприятий торговли, питания, учреждений; Австрия), ISIS – Institut für Softwaretechnik und Interaktive Systeme Институт техники программного обеспечения и интерактивных систем, MRM – Institut für Materials Resource Management der Universität Augsburg Институт управления материальными ресурсами (при университете Аугсбурга), ÖCI – Österreichisches Controller-Institut Австрийский институт контроллинга; DGAP – Deutsche Gesellschaft für Ad-hoc-Publizität Германское общество моментальной публикации данных для биржи.

Функцию заполнения лакун в языке-реципиенте выполняют англицизмы и в идеонимах, например Offshore, Mailbox, Teletype: OWEA – Offshore Wind-Energie-Anlage оффшорная установка по использованию энергии ветра, AMNET - Allgemeines Mailbox-Netzwerk общая сеть электронной почты, TTS – Teletype-Setzmaschine теле-тайп.

В случае употребления в эргонимах англицизмов, для которых существуют немецкие соответствия, например: GNS – Gesellschaft für Nuklear-Service Общество по обслуживанию ядерных установок (Service – Bedienung), QCGD – Quality Circle Gesellschaft Deutschland Немецкое общество по обеспечению качества (Quality Circle –

Qualitätszirkel), GOR – Gesellschaft für Operations Research *Общество по вопросам изучения операций* (Operations Research – Operationsforschung), использование их можно объяснить данью моде, стремлением создания более современного имиджа объединения, общества.

Материалы и методы

Поскольку дискурс имеет коммуникативную направленность, естественно предположить, что его составляющие должны быть максимально удобны для восприятия, произношения и запоминания всем участникам диалога, в том числе и иностранным. В силу этого возникает необходимость упрощения пространных словосочетаний, которыми представлены рассматриваемые онимы немецкого языка, что могло бы быть достигнуто заменой их сокращениями. Проблема состоит в том, что зачастую и полученные аббревиатуры в немецком языке также являются многокомпонентными, причем число компонентов в аббревиатуре нередко достигает шестиЮ например: RVOrgRefBefrG – Gesetz zur Abgaben – und Gerichtskostenbefreiung im Rahmen der Organisationsreform in der gesetzlichen Rentenversicherung (*закон об освобождении от оплаты судебных издержек в рамках реформы организации обязательного (государственного) пенсионного страхования*), PUKErnAnO – Anordnung zur Ernennung und Entlassung der Beamten der Unfallkasse Post und Telekom (*положение о назначении и увольнении чиновников касс, выплачивающих пособия по временной нетрудоспособности вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, в области почтовой и телекоммуникационной связи*).

Казалось бы, проблема могла быть решена достаточно просто за счет уменьшения числа компонентов в аббревиатуре, например: WBG – Wohnraumbewirtschaftungsgesetz (*закон об управлении жилым помещением*) вместо WohnRBewG. Однако это вызывает две новых проблемы: во-первых, ведет к созданию синонимии; во-вторых, при упрощении аббревиатуры могут появиться омонимы, например: WBG 1) Wehrbeschwerdeordnung – (*положение о подаче жалоб военнослужащими*) 2) Wertpapierbereinigungsgesetz (*закон об урегулировании правоотношений по ценным бумагам, пропавшим или уничтоженным в ходе боевых действий*) 3) Wohnungsbaugesetz (*закон о жилищном строительстве*).

Помочь в этом может создание акронимов, т.е. сокращения, произносимого слитно, а не «по буквам». Образование акронимов безусловно связано с наличием в составе сокращения гласных, поэтому нередко случаи использования вместо немецкого слова, начинающегося с согласной его иноязычного синонима, привносящего в аббревиатуру гласный. Этот прием составления акронима свойственен всем онимам, например: DIT – Deutscher Investment Trust (*Немецкая инвестиционная трастовая компания*), где автохтонный компонент Kapitalanlage заменен заимствованием Investment (фирмоним); AVIV – Arbeitslosenversicherungs – und Insolvenzentschädigungsverordnung (*положение о страховании на случай безработицы и о выплате компенсации в случае банкротства, Швейцария*), где использовано заимствование Insolvenz вместо немецкого варианта Pleite (документоним); Sprint – Strategisches Programm für Innovation und Technologietransfer (*стратегическая программа обмена инновациями и технологиями*), Innovation вместо Neuigkeit (идеоним); DAR – Deutsches Autorecht (*журнал по вопросам немецкого автомобильного права*), Auto вместо Kraftwerk (гемероним); FOM – Hochschule für Oekonomie & Management /eine private Hochschule/ (*частная высшая школа экономики и менеджмента*), Oekonomie вместо Wirtschaft (эргоним).

Второе затруднение может быть вызвано такой этноязыковой особенностью немецкого языка как наличие умлаутов, что может вызвать затруднения при произношении, например: EGInsOÄndG Gesetz zur Änderung des Einführungsgesetzes zur In-

solvenzordnung und anderer Gesetze (закон об изменении вводного закона к положению о конкурсном производстве и другим законам), ÖWiG – Österreichische Wissenschaftsgesellschaft (Австрийское научное общество), ÖWAV – Österreichischer Wasser- und Abfallwirtschaftsverband (Австрийское объединение водного хозяйства и утилизации отходов). Этим объясняется замена в ряде сокращений англоязычного топонима Österreich компонентом Austria, например: RBA Raiffeisenbank Austria (австрийское дочернее предприятие центрального Райффайзенбанка), PRVA Public Relations Verband Austria (Объединение Австрии по вопросам связей с общественностью).

Как можно видеть, использование заимствованных компонентов для создания акронимов характерно для всех видов онимов немецкого экономического дискурса, однако в количественном плане существует определенная разница. Наибольшее число такого рода акронимов отмечено среди идеонимов (25 ЛЕ из 67 = 37,31 %). Далее по нисходящей следуют: прагматонимы (4 ЛЕ из 17 = 23,52 %), эргонимы (116 ЛЕ из 526 = 20,38 %) и фирмонимы (44 ЛЕ из 224 = 19,64 %). В меньшей степени они присутствуют в гемеронимах (11 ЛЕ из 68 = 16,17 %) и документонимах (13 ЛЕ из 86 = 15,11 %). Объяснить это можно тем, что, облегчая коммуникацию и запоминание, акронимы одновременно выполняют в определенной мере рекламную функцию, что более необходимо для идеонимов, прагматонимов, эргонимов и фирмонимов, и практически не важно для документонимов, лишенных этой функции.

Что касается фирмонимов, для которых рекламная функция существенна, можно отметить, что в этом виде онимов чаще всего встречаются омоакронимы, способные выполнять эту роль в наибольшей степени, поскольку акронимы, совпадающие с узуальными единицами не только по звучанию, но и по семантике, обращают на себя внимание и сохраняются в памяти в наибольшей степени. Среди фирмонимов выделяем такие омоакронимы (в которых присутствуют экзогенные элементы) как: V.U.S. - Berzelius Umwelt-Service (Компания по экологичному обслуживанию имени Берцелиуса, АО по утилизации вторичного сырья) /Bus – автобус/, ASK – Akademische Software-Kooperation (академическая кооперация по разработке программного обеспечения) /ask - англ. яз.: спрашивай/, D.A.S. – Deutscher Automobilschutz (Немецкая компания по страхованию автомобилей) /das – артикль среднего рода/, DANТА – Deutsche Agentur für Health Technology Assessment (Немецкое агентство разработки и оценки технологических систем для здравоохранения) /Data – дата/, gib – Gesellschaft für Information und Bildung mbH, Siegen (Общество, занимающееся вопросами информации и образования, ООО, Зиген) /gib – дай/, dabei - Dachverband berufliche Integration (Österreich) (головная организация по вопросам профессиональной адаптации и интеграции, Австрия) / dabei – при этом/, FaZIT - Führungskraft auf Zeit im Team, Kaurst «ФаЦИТ ГмбХ» («Временное руководство в команде» (ООО по обеспечению работой менеджеров, благодаря назначению на временное руководство в группе, Каурст) /Fazit – итог, вывод/, G.A.S. – Gesellschaft für analytische Sensorensysteme, Dortmund (компания по разработке аналитических сенсорных систем, Дортмунд) /Gas – газ/, plus - Prima leben und sparen («Отлично жить и экономить», немецкая международная сеть дисконтных супермаркетов, основанная в 1972 году) /plus – плюс/.

Среди остальных онимов омоакронимы встречаются значительно реже, тем не менее отдельного упоминания достоин такой омоакроним как BAUM - Bundesdeutscher Arbeitskreis für umweltbewußtes Management (Рабочая группа в парламенте ФРГ по делам управления с учетом экологической безопасности) / BAUM Bundesdeutscher Arbeitskreis für umweltbewußtes Management Рабочая группа в парламенте ФРГ по делам управления с учетом экологической безопасности) / Baum – дерево/, поскольку он по своему значению может быть соотнесен с экологией.

Интересно отметить также, что при отсутствии заимствований с начальным компонентом-гласным в фирмонимах неоднократно используются слоги заимствований, обеспечивающих получение акронима, например: Detecon – Deutsche Telepost Consulting (*немецкая консалтинговая фирма по вопросам теле- и почтовых услуг*), DeTeMedien - Deutsche Telekom Medien (*фирма «Дойче Телеком Медиа», фирма по производству мультимедийных средств группы предприятий «Дойче Телеком»*), DeCeTe - Duisburger Container Terminalgesellschaft (*«Дэцэтэ» компания по обслуживанию терминалов в контейнерных перевозках, Дуйсбург*). При этом главным условием является удобство коммуникации (произнесения), а не прозрачность аббревиатуры, т.к. компонент Te, как мы видим, может расшифровываться как Telekom и как Terminal.

В документонимах же главной функцией создаваемых акронимов является не рекламная, а информационная, обеспечивающая в максимальной степени возможность понять содержание документа, для наименования которого создан акроним. Поэтому при создании акронима выбирается сокращение заимствования, имеющее наиболее длинный «след» в аббревиатуре, что исключает его совпадение с другим заимствованием, начинающимся с того же инициала-гласного, например: EGInsOÄndG Gesetz zur Änderung des Einführungsgesetzes zur Insolvenzordnung und anderer Gesetze (*закон об изменении вводного закона к положению о конкурсном производстве и другим законам*), AuslInvG Auslandsinvestitionsgesetz (Gesetz über den Vertrieb ausländischer Investmentanteile und über die Besteuerung der Erträge aus ausländischen Investmentanteilen (*закон об иностранных инвестициях, закон о реализации долей иностранных граждан в инвестициях и о налогообложении доходов от долей капиталовложений за границу*)), AuslInvestmG Auslandsinvestmentgesetz (Gesetz über den Vertrieb ausländischer Investmentanteile und über die Besteuerung der Erträge - *закон о реализации зарубежных ценных бумаг (акций), зарубежных долей собственности в инвестиционной компании и о налогообложении доходов от данной операции; закон о ценных бумагах иностранных инвестиционных компаний*), хотя это делает аббревиатуру достаточно громоздкой и, следовательно, непригодной для выполнения рекламной функции, зато способствует ее прозрачности.

Выводы

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что акронимы создаются зачастую намеренно, в силу чего выбор их компонентов осуществляется осознанно, поэтому вместо автохтонной ЛЕ, начинающейся с согласного выбирается экзогенная ЛЕ, начинающаяся с гласного, который и служит инициалом, вставляемым в акроним. Если это невозможно, вместо инициала выбирается слог. Этот прием одинаков для всех видов онимов. Существуют однако и особенности, характерные для конкретных онимов. Так, для фирмонимов типичны омоакронимы, поскольку они являются наиболее яркими и запоминающимися акронимами, т.е. наиболее отвечают осуществлению рекламной функции, присущей единицам фирмонимов. Иначе обстоит дело с документонимами. Для них важно не выполнение рекламной функции, а максимальная передача содержания именуемого документа, т.е. выполнение информационной функции. Поэтому при сокращении документонима аббревиатура зачастую содержит усечения достаточной протяженности, поскольку они содержат максимум остаточной информации.

Список источников и литературы

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов. 2007. 288 с.

2. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка: (на материале современного английского языка). Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1984. 135 с.
3. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. 2000. 308 с.
4. Исакова А. А. Прагмонимы современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук, Челябинск 2012, 43 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
6. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. Замысел книги // Эпистемология и философия науки, 2009. Т. 19, №1. С. 53–56.
7. Кобенко Ю. В. Экзогlossные тенденции в языковой ситуации в ФРГ // Автореферат дисс. ... докт. филол. н., Самара 2013. 49 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.
9. Маркова Т. С. Виды и функции аббревиатур-онимов в различных дискурсах (на материале современного немецкого языка) // Теория языка и межкультурная коммуникация №1 (36). 2020 г. Курский гос. ун-т, Курск. С. 184–194
10. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. – М.: Гнозис, 2007. 408 с.
11. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
12. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 232 с.
13. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.
14. Хорольцева В. С. Активные процессы заимствования англицизмов в русском и чешском языке // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 116–119.
15. Яковлева О. Е. Семиотические типы прагмонимов современного русского языка: на материале номинаций продуктов питания: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2006. 246 с.

References

1. Grigoryeva, VS 2007, *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalinguisticheskii i kognitivnyy aspekty* (Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects), Tambov. (In Russ.)
2. Varshavskaya, AI 1984, *Smyslovyye otnosheniya v strukture yazyka: (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* Semantic relations in the structure of language: (based on the material of modern English), Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta publ, Leningrad (In Russ.)
3. Dijk Van, TA 2000, *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). (In Russ.)
4. Isakova, AA 2012, *Pragmonimy sovremennogo russkogo yazyka kak sostavlyayushchaya reklamnogo diskursa: lingvo-kognitivnaya, semanticheskaya, strukturno-pragmaticheskaya kharakteristika* (The pragmonyms of the modern Russian language as a component of advertising discourse: linguistic-cognitive, semantic, structural-pragmatic characteristics), doctoral thesis, Chelyabinsk. (In Russ.)
5. Karasik, VI 2002, *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language circle: personality, concepts, discourse), Peremena publ, Volgograd. (In Russ.)
6. Kasavin, IT 2009, 'Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedeniye v sotsial'nyuyu epistemologiyu yazyka. Zamysel knigi' (Text. Discourse. Context. An introduction to the social epistemology of language. The idea of the book), *Epistemologiya i filosofiya nauki*, Vol. 19, no.1. pp. 53–56. (In Russ.)
7. Kobenko, Yu.V 2013, *Ekzoglossnyye tendentsii v yazykovoy situatsii v FRG* (Exoglossic tendencies in the linguistic situation in Germany), doctoral thesis, Samara. (In Russ.)
8. Makarov, ML 2003, *Osnovy teorii diskursa* (Fundamentals of the theory of discourse), ITDGGK «Gnozis» publ, Moscow. (In Russ.)

9. Markova, TS 2020, 'Vidy i funktsii abbreviatur-onimov v razlichnykh diskursakh (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)' (Types and functions of acronyms in various discourses (based on the material of modern German)), *Theory of Language and Intercultural Communication*, no.1(36), pp. 184-194. (In Russ.)
10. Olyanich, AV 2007, *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* (Presentation theory of discourse), Gnozis publ, Moscow (In Russ.)
11. Sedov, KF, 2004, *Diskurs i lichnost: evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* (Discourse and personality: the evolution of communicative competence), Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
12. Sidorov, EV 2008, *Ontologiya diskursa* (Ontology of discourse), Izdatelstvo LKI publ, Moscow (In Russ.)
13. Sukhikh, SA 1998, *Pragmalingvisticheskoye izmereniye kommunikativnogo protsessa* (The pragmalinguistic dimension of the communicative process), doctoral thesis, Krasnodar. (In Russ.)
14. Khoroltseva, VS 2014, 'Aktivnyye protsessy zaimstvovaniya anglitsizmov v rusском i cheshskom yazyke' (Active borrowing processes of Anglicisms in Russian and Czech), *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve*, February, Moscow, Buki-Vedi publ, Moscow, pp. 116–119. (In Russ.)
15. Yakovleva, OYe 2006, *Semioticheskiye tipy pragmatonimov sovremennogo russkogo yazyka: na materiale nominatsiy produktov pitaniya* (Semiotic types of pragmatonyms in the modern Russian language: based on food nominations), PhD thesis, Novosibirsk (In Russ.)

Вклад авторов:

Лебедева С. В. – идея; написание статьи; научное редактирование текста.

Хенель А. М. – сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Contribution of the authors:

Lebedeva S. V. – idea; article writing; scientific text editing.

Henel A. M. – collecting material; processing material; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2022
Одобрена после рецензирования: 25.11.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 31.10.2022
Approved after reviewing: 25.11.2022
Accepted for publication: 16.12.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 100–116.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 3 (11). P. 100–116.

Научная статья

УДК 347.92

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-100-116>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОНИМОВ (ПА) НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Лола Толибовна
Рузиева¹*

*Нозанин Тавакаловна
Шарипова²*

---

^{1, 2} Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан,

^{1, 2} akila.ru@mail.ru

Аннотация. Работа с прецедентными антропонимами являются ценным материалом для формирования и совершенствования культуроведческой компетенции студентов неязыковых факультетов.

Все антропонимы, отражающие особенности народного творчества, используются не на каждом занятии русского языка на неязыковых факультетах. Однако работа по информированию и пониманию студентами-носителями таджикского языка отдельных пословиц и поговорок с использованием прецедентных антропонимов с разными положительными и отрицательными характеристиками должна вестись постоянно. Через прецедентный текст-феномен сложно войти в образ русского языка, не вникая в национально-культурные особенности и народные приметы. Безусловно, прецедентные антропонимы являются неотъемлемой частью и составной частью культуры народа, которая передается через язык на основе текста.

Прецедентный текст имеет предвыборное значение, содержание прецедентных антропонимов возрождает реальную картину русского языка, который изучается на неязыковых факультетах.

Необходимо подчеркнуть культуроведческий аспект обучения русскому языку на неязыковых факультетах, отмечая роль и значение слова.

Ключевые слова: антропоним, прецедентные феномены, культуроведческий аспект, русский язык, словарный состав, культура народа, текст.

Для цитирования: Рузиева Л. Т. Использование прецедентных антропонимов (ПА) на занятиях русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 100–116. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-100-116>.

Сведения об авторах: Л. Т. Рузиева – доктор педагогических наук, профессор кафедры общего языкознания и сравнительной типологии, Таджикский национальный университет, 734025, Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17;

Н. Т. Шарипова – докторант (PhD) кафедры русского языка и литературы, Таджикский национальный университет, 734025, Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17

© Рузиева Л. Т., Шарипова Н. Т., 2022

Scientific Article
UDC 347.92
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-100-116>

USE OF PRECEDENT ANTHROPONYMS (PA) IN RUSSIAN LESSONS

*Lola T. Ruzieva*¹

*Nozanin T. Sharipova*²

---

^{1, 2}Tajik National University,
Dushanbe, Таджикистан,
akila.ru@mail.ru

Abstract. Work with precedent anthroponyms is a valuable material for shaping and improving the cultural competence of non-linguistic students.

All anthroponyms reflecting the characteristics of folklore are used in not every Russian language class at non-linguistic departments. However, work on informing and understanding by native speakers of the Tajik language of certain proverbs and sayings using precedent anthroponyms with different positive and negative characteristics should be carried out constantly. Through a precedent text-phenomenon it is difficult to enter into the image of the Russian language without delving into the national and cultural characteristics and folk signs. Certainly, precedent anthroponyms are an integral part and component of a people's culture, which is transmitted through text-based language.

The precedent text has a foreground meaning, the content of the precedent anthroponyms revives the real picture of the Russian language, which is studied in non-linguistic departments.

It is necessary to emphasize the cultural aspect of teaching the Russian language at non-linguistic departments, noting the role and meaning of the word.

Keywords: anthroponym, precedent phenomena, cultural aspect, Russian language, vocabulary, people's culture, text.

For citation: Ruzieva, LT & Sharipova, NT 2022, 'Use of precedent anthroponyms (PA) in Russian lessons', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 100–116, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-100-116> (in Russ.)

Information about the Authors: *Lola T. Ruzieva* – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of General Linguistics and Comparative Typology, Tajik National University, 17 Rudaki avenue, Dushanbe, 734025, Tadjikistan;

Nozanin T. Sharipova – PhD student of the Department of Russian Language and Literature, Tajik National University, 17 Rudaki avenue, Dushanbe, 734025, Tadjikistan.

Введение

Прецедентные феномены в словарном составе языка занимают особое место по своей функции, смысловому содержанию и той значимости, которую получает «форма самого знака». Прецедентные феномены выполняют в основном «номинативно-познавательную» функцию и служат средством различения лиц, предметов, географических объектов. Эта номинативная функция может сопровождаться и коннотирующими моментами, выполняющими второстепенную роль, но все же имеющими определенное значение, особенно в период номинации.

Термин «прецедентные феномены», употребляемый Ю. Н. Карауловым подразумевает такие выражения (тексты, ситуации, высказывания, имена или антропонимы), которые отражают национальный колорит, культуру народа изучаемого языка. В нашем случае речь идет о русской культуре.

Ономастическое слово в прецедентном тексте сравнительно с именами нарицательными является «вторичным знаком», так как оно образуется или от нарицательных, или от ранее существовавших имен собственных, например, названия поселков *Алмазный*, *Янтарный* восходят к апеллятивам «алмаз», «янтарь», а название городов *Кировск*, *Котовск* - к фамилиям *Киров*, *Котовский*.

Прецедентные тексты в системе языка и в речи несут информацию о географических объектах, предметах или лицах, реально существующих или существовавших, а также о вымышленных образах в религии, мифологии, народном творчестве, художественной литературе. *Калуга* - название областного города Российской Федерации, *Байкал* - название глубоководного озера, *Лермонтов* - фамилия русского писателя, *Венера* - имя богини красоты античной мифологии, *Скалозуб* - фамилия героя комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Как можно наблюдать, прецедентные тексты содержат в себе различного рода информацию. Информация, сообщаемая прецедентными текстами, носит конкретный характер: топонимы называют географические объекты, антропонимы - лица. Имя собственное как виртуальный знак в номинации совпадает с актуальным в синтагматике, поэтому оно в значительной степени меньше зависит от контекста, нежели имя существительное нарицательное, например:

*Ленинград мой, город светлый,
Напоен Балтийским ветром ...*
(А. Прокофьев).

*Легкой пеной кружевную
Плещется Нева ...*
(А. Прокофьев).

В этих текстах наблюдаем соотношенность с конкретными объектами: рекой по имени *Нева* и городом по имени *Ленинград*.

Существительные нарицательные актуализируются в тексте, принимая, в зависимости от ситуации, то абстрактное, то конкретное значение:

*Склонилась ива на межу,
И вскрикнул чибис, как от боли,
Я знал, что в город ухожу,
Но сердце оставляю в поле.*
(Н. Рыленков).

Здесь нет конкретизации объекта, и назван город вообще, в противопоставление деревне. Сравнивая характер информации, наблюдаем различие: в именах собственных она конкретна, в нарицательных она обусловлена контекстом и ситуацией. В сочетаниях типа: *река Дон, город Тула, село Марфино, студент Соколов* – нарицательные и собственные относятся к одному и тому же объекту, но дают различную информацию и не являются синонимами; нарицательные в этих сочетаниях конкретизированы, представлены «как актуализированный словесный знак». Слово *река* в данном сочетании обозначает именно *Дон*, а не реку вообще, слово *город* относится именно к Туле, слово *село* – к Марфину, а слово *студент* – только к учащемуся Соколову.

Таким образом, актуализация имени существительного нарицательного происходит в определенной ситуации, а имя собственное обычно актуализовано.

Результаты

В номинативно-информационной функции выступают прецедентные антропонимы в отдельной словоформе или словосочетании и в заглавиях произведений: «*Евгений Онегин*», «*Обломов*», «*Братья Карамазовы*», «*Челкаш*», «*Мальва*», «*Василий Теркин*», «*Далеко от Москвы*». Ономастическое слово, как и апеллятивное, может входить в состав лексикализованного и фразеологического словосочетаний: *кесаревое сечение, капли Вотчала, бином Ньютона, авгиевы конюшни, вавилонское столпотворение, дамоклов меч, тришкин кафтан, открыть Америку*.

Задача прецедентных антропонимов – проникнуть через изучаемый язык во внутренний мир народной культуры, открыть новые горизонты материальных, духовных и общечеловеческих ценностей, обычаев, обрядов, быта и мышления людей.

Студенты первых курсов неязыковых факультетов Таджикского национального университета, изучая дисциплину «Практический курс русского языка» знакомятся с культурой, обычаями, традициями русского народа. На занятиях русского языка интересны тексты произведений русской классической литературы.

Следует отметить, что целью изучения русского языка у студентов неязыковых факультетов является совершенствование умений и навыков, устранение пробелов знаний, полученных в средней школе, корректировка письменной и устной речевой деятельности (говорения, чтения, письма и аудирования).

В учебном пособии «Практический курс русского языка» для физического, химического, механико-математического, фармацевтического, медицинского и биологического факультетов приведены тексты о русских традициях и обычаях. Студенты, изучая тему «Традиции и обычаи таджикского и русского народов», знакомятся с текстом «Праздник Ивана Купалы». Прежде чем прочитать текст, студенты выполняют предтекстовые упражнения, которые посвящены словарной работе.

На первом этапе работы с текстом необходимо сделать следующие предтекстовые задания:

1. Прочитайте текст и выпишите незнакомые слова из текста.
2. Посмотрите их значения в словаре.
3. Объясните следующие слова: *очищение водой и огнем, пирушка, застолье, хоровод, купальские венки, покос, свадьба, гулянья, восход солнца*.

Анализ текста имеет большое познавательное значение. Преподаватель и студенты активно участвуют в обсуждении содержания текста.

Праздник Ивана Купалы

На Руси праздник Ивана Купалы отмечали летом в ночь с 6 июля на 7 июля. Считалось, что в этот день надо обязательно искупаться до захода солнца, чтобы смыть с себя какие-то болезни, нехорошие мысли, неудачи и неприятности.

По – другому это день называли ещё Иванов день. На берегу воды обязательно разводили костер, в который бросали какие-то предметы и атрибуты всего ненужного, нехорошего в своей жизни. В костер бросали одежду болеющих детей и взрослых, чтобы сжечь их болезни. Считалось, что стихии огня и воды соединяются друг с другом, давая друг другу очищающую и сверхъестественную силу.

Согласно легенде, в этот день и ночь Бог соединял воплощение огня – Купало и воплощение воды – Марену. Женщины устраивали застолье. Девушки плели из летних цветов купальские венки, водили хоровод, пели песни. Парни выбирали девушек и прыгали вместе через костер. Гулянья продолжались до восхода солнца.

На втором этапе, анализирующим текст, аналогичное значение имеет вопросно-ответная форма работы с текстом.

Чтобы понять содержание текста студенты составляют план. Преподаватель, готовясь к обучению темы, подготавливает специальный видеоролик или презентацию о праздниках, традициях и обычаях русского народа. В большинстве случаев более подготовленные студенты сами готовят презентацию, которую сопровождают объяснением тех или иных моментов.

Своевременна вопросно-ответная работа в виде беседы. Можно подготовить следующие вопросы:

1. Когда отмечается праздник Ивана Купалы?
2. В связи с чем отмечают этот праздник?
3. Почему праздник называется «Иван Купала»?
4. С какими народными обрядами он связан?
5. Какие поговорки и пословицы, связанные с этим праздником, вы знаете?
6. Существует много пословиц и поговорок об этом празднике. Например:
Иванов день пришел, травку собирать пошел.

На Иванов день жито должно не заколоситься, а выколоситься.

На Купалу дождь – жатва посуху.

7. Выучите эти пословицы и поговорки.

В ходе исследования выяснилось, что существование большого количества пословиц и поговорок, связанных с праздником «Иваны Купалы», является национальной особенностью русской культуры.

На занятиях русского языка необходимо обратить внимание на обычаи и традиции русского и таджикского народов, провести между этими традициями и обычаями сопоставительную параллель.

Работа с ещё одним текстом.

На первом этапе работы с текстом необходимо сделать следующие предтекстовые задания.

1. Прочитайте текст и выпишите незнакомые слова из текста.
2. Посмотрите их значения в словаре.
3. Объясните следующие слова: *День равноденствия, наследие, символизировать, возрождение, милосердие, гуманное отношение, вероисповедание.*

Навруз – торжество добра и справедливости

Издравле люди, живущие в Центральной Азии, отмечали новый год 21 марта, в день весеннего равноденствия. Навруз – это начало года. В эти дни забываются все обиды, прекращаются ссоры, не звучат попреки. С былых времен так водится – даже военные столкновения прекращались. И все же, что такое Навруз?

Навруз – драгоценное наследие наших предков, чья жизнь была неразрывно связана с землей, водой, солнцем, деревьями, для которых приход весны определял начало извечного цикла: пахота, посев, выращивание и сбор урожая.

Согласно мнению исследователей, Навруз насчитывает несколько тысяч лет. За такой огромный период времени какие-то традиции его изменились, что-то осталось в прошлом, но многое (и это многое оказывается самым целесообразным) продолжает жить. Это весёлый и радостный праздник. В этот день собирают первые цветы – подснежники (бойчечак). В кишлаках дети и молодёжь ходят по дворам, поют песни о весне и дарят цветы, поздравляя с праздником. И в городе все люди выходят на улицы. Они сажают деревья и цветы. В дни праздника устраиваются конные соревнования, которые называются «Бузкаши».

«Бузкаши» – национальная игра таджиков. Эта игра – состязание наездников, которые должны быть ловкими, сильными и смелыми. «Гуштингири» – спортивная игра, борьба самых сильных людей.

К празднику «Навруз» шьют новую одежду. Особенно нарядны в этот день дети.

В дни «Навруза» проходят соревнования певцов – гафизов. Они поют праздничные песни. «Навруз» – праздник подснежников и тюльпанов, праздник молодости древней земли. И не случайно день весеннего равноденствия – 21 марта – объявлен ООН Днём Земли. Навруз на Востоке – это забота о Земле, надежда на счастье и процветание, на её будущую щедрость.

По-прежнему перед праздником принято рассчитываться со всеми старыми долгами (чтобы не потянулись в новый год), закончить дела. Дом, двор и улица перед домом приводятся в идеальный порядок, готовится обильный праздничный стол и делаются подарки друзьям и близким.

В дни Навруза обязательным украшением дастархана являются «семь шинов»: вино (шароб), молоко (шир), сладости (ширини), сахар (шакар), шербет (шарбат), свеча (шам) и гребень (шона). Вино символизировало возрождение, молоко – чистоту, сладости – радости жизни, сахар – довольство, шербет – прохладу и отдых, свечу ставили в знак света, солнца и огня, гребень символизировал женскую красоту.

Сумалак варят весной, используя проросшую пшеницу, муку и масло. В огромных казанах варится сумалак всю ночь. И все это время не смолкают песни, шутки, смех. Говорят, что его должны готовить женщины с умелыми руками и мудрым терпением. Тогда он получается особенно вкусным и питательным. Навруз – это праздник нравственного очищения, освобождения души человека от всего наносного. Ибо характерной чертой Навруза является то, что он призывает нас не хранить в сердце обиду, уметь прощать, жить с надеждой на светлые дни и верой в будущее. В эти дни с особой силой должно проявиться наше традиционное гостеприимство, милосердие, гуманное отношение ко всем согражданам независимо от их национальности и вероисповедания, в особенности – к людям многодетным и пожилым, сиротам и инвалидам, одиноким и нуждающимся, подтверждая тем самым то, что каждый день нужно творить добро.

Своевременна вопросно-ответная работа в виде беседы. Можно подготовить следующие вопросы:

1. Почему Навруз отмечается 21 марта?
2. Какое наследие оставили нам наши предки?
3. Какие традиции продолжают жить и в наши дни?
4. Какие легенды существуют о происхождении Навруза?
5. Что символизирует собой сумалак? Как его готовят?
6. Что является характерной чертой Навруза?
7. Расскажите, как празднуют Навруз в вашем кишлаке, городе.
8. Составьте назывной план к тексту. Напишите изложение на тему: «Навруз – праздник весны».

Проводя параллель между традициями и обычаями таджикского и русского народов студентам можно предложить написать эссе на тему «Новый год». Необходимо провести предварительную работу по составлению плана, сбора необходимой информации и т.д. Можно также озадачить студентов новыми упражнениями.

Новый год.

Каждую зиму в предверии наступающего нового года дети и взрослые готовятся делать и получать подарки.

Постоянная тема предновогодних номеров газет и журналов – елки, Снегурочки, Деда Морозы... Едва ли не чаще всего упоминают доброго Деда Мороза, несущего радость детям и взрослым. Обращает на себя внимание правописание этого имени. Просмотрев декабрьские и январские номера газет и журналов, убедились, что в современной орфографической практике используются в данном случае следующие варианты:

*1. **Дед Мороз** ...встречает Дед Мороз и Снегурочка ...Дед Мороз и Снегурочка; В стране Деда Мороза; В солдатских ботинках стоит египетский Дед Мороз у украшенной туи.*

*2. **Дед-Мороз** Деды-Морозы теперь пошли не те; Интервью берет Дед-Мороз; 16 Снегурочек и два Деда-Мороза появились в штате работников магазина.*

*3. **дед Мороз** ...дед Мороз и Снегурочка поспевают всюду; ...много хлопот в дни новогодних праздников у дедов Морозов; ждет приглашения в гости вереница дедов Морозов.*

*4. **дед-мороз** ...в канун Нового года дед-мороз приходит во многие семьи; Кому не знакомо чувство ожидания деда-мороза? ...верим в доброго и все сильного деда-мороза; ...тринадцать лет уже перевоплощается в деда-мороза.*

Такие тексты и работа с ними являются ценным материалом для формирования и совершенствования культуроведческой компетенции студентов неязыковых факультетов.

Конечно, все антропонимы, отражающие особенности народного творчества, используются не на каждом занятии русского языка на неязыковых факультетах. Однако работа по информированию и пониманию студентами-носителями таджикского языка отдельных пословиц и поговорок с использованием прецедентных антропонимов с разными положительными и отрицательными характеристиками должна вестись постоянно. Через прецедентный текст-феномен сложно войти в образ русского языка, не вникая в национально-культурные особенности и народные приметы. Безусловно, прецедентные антропонимы являются неотъемлемой частью и составной частью культуры народа, которая передается через язык на основе текста.

Прецедентный текст имеет предвыборное значение, содержание прецедентных антропонимов возрождает реальную картину русского языка, который изучается на неязыковых факультетах.

Необходимо подчеркнуть культуроведческий аспект обучения русскому языку на неязыковых факультетах, отмечая роль и значение слова. Культуроведческий аспект в обучении русскому языку на неязыковых факультетах направлен не только на совершенствование знаний и навыков студентов-носителей таджикского языка по свободной речи, чтение текстов разных стилей и жанров, но и на приобщение их к примерам русского языка. Русская художественная литература, основанная на прецедентных текстах-феноменах, дает возможность понять языковой ландшафт мира родного языка, сформировать у студентов-носителей таджикского языка яркое представление о России, быте русского народа, обычаях и традициях.

Сам факт того, что прецедентные антропонимы (ПА) в пословицах и поговорках, осмысленных и простых выражениях трансформируются в имена нарицательные, свидетельствует об их очень хорошем владении языком.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что имя человека имеет богатое значение: воспитательное, историческое, культурное, эстетическое и т. д., которое стоит только произнести. Студенты - особенно чуткие слушатели, которых привлекают речь и знания.

Теперь коснемся другой стороны содержания учебников о прецедентных антропонимах – включения в него языкового материала. Кроме того, на 1 курсе преобладает практический аспект обучения.

Все это означает, что в количественном отношении здесь речь идет не менее чем о сотне словарных единиц, а по возможности и больше; и уж никак не о нескольких верных примерах антропонимов, как это часто наблюдается в анализируемых учебниках.

Существует несколько критериев выбора прецедентных антропонимов (ПА) для иллюстративности. Выбор прецедентного текста открывает перед студентами-носителями таджикского языка широкие возможности для знакомства с известными литературными деятелями, персонажами, событиями.

Здесь очень сложно выделить и определить единицу выбора важного текста, потому что это не так с минимальной словарной единицей в том или ином неродном/русском языке. Под факультативными единицами фактически подразумеваются языковые единицы, которые выбираются для конкретных целей обучения и задач.

До сих пор не обсуждался вопрос определения единиц отбора прецедентных текстов путем уточнения сущности или совокупности прецедентных явлений. К ним можно отнести:

1. Мифы
2. Легенды
3. Эпосы
4. Былины
5. Предания
6. Сказки

Все эти явления обозначены как единицы выделения важного текста для изучения в таджикоязычной аудитории. Другими словами, их можно поднять до уровня прецедентов, к которым относятся прецедентные тексты (ПТ) и прецедентные антропонимы (ПА).

Одной из важнейших единиц прецедентных текстов являются прецедентные антропонимы (ПА). Прецедентные антропонимы (ПА) относятся к одному историческому или фактическому имени, используемому в конкретном прецедентном тексте.

Характерной чертой употребления прецедентных антропонимов (ПА) является возможность выражения некоторых особых качеств, не требующих дополнительной расшифровки и интерпретации для носителей национальных культурных символов. В виде исключения может быть запрошена дополнительная информация о наименовании представленного события или явления. В этом случае понадобится информация, представленная в виде ссылок, комментариев и кратких расшифровок.

Следует сказать, что и постановка, и название прецедентных антропонимов (ПА) являются неотъемлемой частью русской познавательной базы и основой повседневной деятельности студентов – носителей таджикского языка, являющихся полноправными участниками межкультурного общения, диалога и межкультурной коммуникации, чувствуя важность и необходимость этого языкового и культурного процесса.

Как свидетельствуют результаты констатирующего эксперимента, наличие языкового барьера затрудняет понимание смысла предшествующего явления, его глубокое осмысление, а также содержащиеся в нем итоги через ассоциативные связи. Опыт обучения и ход данного обучения еще раз подтверждает ценность и положительность составления словарей прецедентных текстов и прецедентных антропонимов (ПА). В образовательных целях стоит подготовить словарь известных и мудрых цитат на основе прецедентных текстов художественных произведений. При обучении русскому языку таджикоязычных студентов в вузе следует помнить, что невозможно представить формирование их культуроведческой компетенции без овладения прецедентными текстами и прецедентными антропонимами (ПА) в межкультурном общении.

Предлагаемая система упражнений направлена на овладение прецедентными антропонимами (ПА) студентами неязыковых факультетов в ходе выполнения комплекса заданий, в которых обсуждаются отдельные факты языка на разных его уровнях (фонетическом, деривационном и грамматическом). Материал обрабатывается с ориентацией на стимул русской речи.

Следует отметить, что упражнения подразделены на письменные и устные. Какие-то упражнения содействуют повторению изученного материала, какие-то упражнения способствуют введению нового материала, чтобы студенты глубоко понимали сущность и особенности ономастической лексики.

Развитию речевой активности студентов по использованию ономастической лексики способствуют следующие упражнения:

Задание 1. Прочитайте текст. К выделенным словам подберите антропонимы.

Новый наряд короля

*Давным-давно жил на свете **король**. Он очень любил красиво одеваться и тратил на одежду все деньги, которые у него были.*

***Король** устраивал парады, ходил на прогулки и в театр только для того, чтобы показать своё новое платье.*

В этом большом городе люди жили весело. Сюда часто приезжали иностранные гости.

*Однажды в город приехали **два обманщика**, которые стали всем рассказывать, что они знаменитые ткачи и что они сделали замечательную ткань. Эта ткань не только красива, но обладает удивительным свойством: её могут видеть только умные люди. Глупый же человек или человек, который плохо выполняет свои обязанности, её не увидит.*

*«Это хорошо», – подумал **король**. – У меня будет красивое новое платье. Кроме того, я узнаю, кто из моих министров глуп и, кто плохо выполняет свои обязанности. **Король** приказал обманщикам немедленно начать работу.*

*В большой комнате **обманщики** поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто они работают.*

*Каждый день **обманщики** требовали для работы шёлк и золото. Всё это они прятали и по-прежнему сидели с утра до вечера за пустыми станками.*

***Король** очень хотел знать, как идёт работа. Но, вспомнив о чудесном свойстве ткани, он подумал: «Конечно, за себя я не беспокоюсь, но пусть сначала посмотрит первый министр...»*

*Когда **министр** вошёл в комнату и увидел пустые станки, он с ужасом подумал: «Неужели я глуп? Или я плохо выполняю свои обязанности? Об этом никто не должен знать».*

Обманщики попросили его сказать, как нравится ему рисунок и краски. **Первый министр** ничего не увидел. Но сделал вид, что он восхищён тканью и рисунком. «Я передам королю, что ткань мне очень понравилась», – сказал **первый министр** и вышел из комнаты красный от стыда.

Весь город узнал о чудесной ткани, и каждый хотел проверить, умён или глуп его сосед.

Наконец **король** сам решил посмотреть на новое платье. Когда он вместе с министрами вошёл в комнату, где находились обманщики, министры начали кричать: «Чудесно! Великолепно!»

«Что такое? – подумал **король**. – Я ничего не вижу. Какой ужас! Значит, я глуп. Или я плохой король? Это было бы хуже всего». И король громко сказал: «Очень красиво! Я хочу скорее надеть это платье и показать его моему народу».

Король снял старое платье, а **обманщики** сделали вид, что помогают королю надеть новое.

Король стоял перед зеркалом, а министры говорили ему: «Прекрасно! Как вам идёт это платье! Оно на вас отлично сидит!»

Наконец **король** сказал: «Я готов», – и вышел к своему народу.

На улицах было много людей. Все смотрели на короля и восхищались его платьем. Но вдруг какой-то мальчик крикнул: «А король-то голый!»

И все начали шёпотом передавать друг другу: «Послушайте, что говорит ребёнок. Ребёнок говорит, что на нём ничего нет». – «Смотрите, на нём ничего нет!» – всё громче и громче стали кричать люди и показывать на короля.

Королю стало страшно. «Не может быть, чтобы все люди были дураки. Значит, меня обманули». Как теперь быть? **Король** сделал вид, что он не слышит, что кричали люди, и, гордо подняв голову, пошёл дальше.

Задание 2. Выпишите и объясните слова и следующие конструкции:

король

обманщик

ткач

ткань

шёлк

голый

обладать (чем?)

прятать - спрятать (кого?, что?, куда?)

беспокоиться (за кого? за что?)

требовать - потребовать (что?, у кого?, для кого?)

восхищаться - восхититься (кем?, чем?)

тратить деньги (на что?)

делать вид, что ...

платье хорошо (плохо) сидит (на ком?, на чём?)

обладать свойством

На нём ничего нет!

Задание 3. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что король любил больше всего? На что он тратил все деньги?
2. Зачем король устраивал парады?
3. Как жили люди в этом городе?
4. Кто приехал в этот город?
5. О чём они всем рассказывали?
6. Почему король решил заказать новое платье?

7. Как работали обманщики?
8. Кого послал король посмотреть, как работают ткачи?
9. Что увидел министр, когда вошёл в комнату, где работали ткачи?
10. Почему министр сделал вид, что он восхищён работой ткачей? Что министр обещал передать королю?
11. Почему жители города заинтересовались новой тканью?
12. О чём подумал король, когда пришёл посмотреть новое платье? Что решил сделать король?
13. Что говорили министры, когда король надел платье?
14. Что делали люди на улицах?
15. Как они отнеслись к новому платью короля?
16. Что крикнул маленький мальчик?
17. О чём люди говорили друг другу после того, как услышали слова мальчика?
18. О чём подумал король, когда услышал крики людей?
19. Почему король сделал вид, что не слышит, что кричат люди?

Задание 4. Нарисуйте рисунки к тексту и перескажите его.

Задание 5. Скажите, как вы поняли мораль этой сказки.

Задание 6. Расскажите сказку от лица одного из обманщиков.

Задание 7. Передайте в форме диалога разговор первого министра с «ткачами».

Задание 8. Замените выделенные слова и словосочетания синонимичными:

1) Король часто устраивал парады. 2) Обманщики рассказывали жителям города, что они – знаменитые ткачи и что они создали чудесную ткань. 3) Обманщики говорили, что их ткань обладает удивительным свойством. 4) «Человек, который плохо выполняет свои обязанности, не может видеть ткань», – говорили «ткачи».

Задание 9. Образуйте существительные от следующих глаголов: а) *входить, кричать, любить, обманывать, отдыхать, приказывать*; б) *передавать, беспокоиться, удивляться, требовать*.

Задание 10. Прочитайте предложения. Обратите внимание на выделенные словосочетания.

- а) Король сделал вид, что он не понял, почему **смеялись на улице**.
- б) Министры говорили, что платье имеет **прекрасный вид** и очень идёт королю.

Задание 11. Напишите предложения со словосочетаниями: *делать (сделать) вид, иметь вид*.

Задание 12. Составьте рассказ по рисункам, используя слова и словосочетания: *увидеть на витрине, показать с удовольствием, примерить костюм, посмотреть в зеркало, костюм велик, костюм прекрасно сидит, надеть с удовольствием, иметь элегантный вид, попасть под дождь, превратиться в...*

Задание 13. Произнесите быстро следующие поговорки:

Купила бабуся бусы **Марусе**.

Сеня вёз воз сена.

Поехала **Валерия** в Карелию.

У **Саши** в каше

Сыворотка из-под простокваши.

Шла **Саша** по шоссе,

И сосала сушку.

Несла сушку на шесте,

Саша любит сушки,

а **Сеня** - ватрушки.

Задание 14. Прочитайте.

Два братца на лавочке сидят,

Кашу масляну едят

Один **Тришка**, другой **Мишка**,

А третий-то мальчик

По бережку скачет,

Белу рыбку ловит

Да **Машеньке** носит.

Ах, **Машенька**-сердце,

Вари ушку с перцем,

Я приду уху хлебать,

Тебя, **Машу**, целовать.

Задание 15. Определите значение следующих поговорок:

Сидят в лодке кот **Васька** и его хозяин **Мишка**.

Васькин хозяин **Мишка** закидывает удочку и приговаривает:

Ловись, рыбка, большая-пребольшая!

А **Васька** потихонько бормочет:

Маленькая ловись, маленькая!

Почему он так говорит?

Куда **Макар** телят не гонял. Вот таким макарком мы туда и доехали.

Эти палочки берутся вот таким макарком, скрепляются вместе и получается игрушка.

Задание 16. Объясните, как Вы понимаете следующие пословицы?

Любопытной **Варваре** на базаре нос оторвали.

Один говорит про **Фому**, другой про **Ерёму**.

Один у **Мирона** сын, да и тот **Мироньч**.

Мели, **Емеля**, твоя неделя.

На бедного **Макара** все шишки валяются.

Затвердила ворона **Якова** одно про всякого.

Скучно **Афонюшке** на чужой сторонюшке.

У **Сидора** обычай, у **Карпа** свой.

Ваша-то **Катерина** да нашей **Орине** двоюродная **Прасковья**.

Говорила **Афанасью**, быть-де ненастью: знай, поскакал да колёса расте-
рлял.

Задание 17. Прочитайте текст русской колыбельной песни. Обратите внимание на употребление русских имен.

Баю-баюшки-баю,
Живет мужик на краю,
Он не беден, не богат,
У него трое ребят:
Один **Миша**, Другой **Гриша**,
Третий **Ванюшка**-сыночек,
На березоньке сидят,
Блины мазаны едят,
А березка скрип да скрип,
А сыночек **Ваня** спит.

Задание 18. Прочитайте и запомните русские скороговорки. Постарайтесь их повторить.

Петр Первый

Пошел погулять
Поймал перепелку,
Пошел продавать.
Просил полтинник,
Получил подзатыльник.

Шли три попа,
Три **Прокопья**-попа,
Три **Прокопьевича**,
Говорили про попа,
Про **Прокопья**-попа,
Про **Прокопьевича**.

На горе у пригорка
Стояли двадцать два **Егорки**-
Раз **Егорка**, два **Егорка**,
Три **Егорка** (и т(ак) д(алеe) до 22).

В один, **Клим**, клин колоти.

Задание 19. Вставьте пропущенные имена.

Слова для справок: Ваня, Егор, Анна, Коля, Николай, Сергей, Катя, Катерина, Фекла.

Из-за лесу, из-за гор
Идет дедушка .....
Его девушки любили,
Кашей масляной кормили;
Каша масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,
Душа радуется.

....., ..., ...,
Сиди дома, не гуляй,
В окошко не гляди,
Девчонок не дразни.

..... – воробей,
Не гоняй голубей.
Голуби боятся,
На крышу садятся.

..... – банна,
Нога деревянна,
Блин толстой,
Погоняй, не стой.

....., ..., ...,
Нарисована картина,
А с картины на портрет,
Лучше ..... нашей нет.

....., ...,
Блины пекла,
Сковородник уронила,
Себе голову разбила.

....., ..., простота!
Купил лошадь без хвоста!
Сел задом наперед
И поехал в огород.
Съел кочан капусты,
Зарычал: «Как вкусно!»

Задание 20. Запомните русские народные считалки.

Таня, Маня, Лизавета

Ехали на лодке.

Таня, Маня утонули,

Кто остался в лодке?

– **Лизавета.**

– Хлоп тебя за это!

Ехал **Ваня** из Казани,
Полтора ста рублей сани,
Двадцать пять рублей дуга,
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду,
Ты, слуга, подай метлу,
Я в карете подмету.

Два братца на лавочке сидят,
Кашу масляну едят –

*Один – **Тришка**, другой – **Мишка**,
А третий-то мальчик
По бережку скачет
Белу рыбку ловит,
Да **Машеньке** носит
- Ах, **Машенька**-сердце,
вари ушку с перцем,
Я приду уху хлебать,
Тебя, **Маша**, целовать.*

Задание 21. Отгадайте следующие загадки.

*Маленький **Данилка**
В петелке удавился (пуговка).*

*Стоит **Арина**
Рот разиня (печная труба).*

***Марья**-царевна
Сама в избе,
Рукава во дворе (матица –балки потолка дома)*

*Два подъячих
Водят **Марью** вертячу (петли и дверь)*

Обсуждение результатов

Необходимо объяснить студентам понятия «полное наименование» и «сокращенное наименование», а для лучшего понимания этих понятий использовать специальные упражнения.

Семантическая организация скороговорки помогает студенту справиться со всеми трудностями, головоломками, уловками изворотливости языка, ведь язык в большей степени представляет собой привычную реальность жизни.

Следует отметить, что многие языковые факты можно усвоить в процессе выполнения специальных упражнений, которые в основном направлены на развитие языкового сознания и культуроведческой компетенции студентов.

Эти упражнения могут быть включены в экспериментальную работу по активизации русских прецедентных антропонимов на занятиях по русскому языку с целью повышения культуроведческой компетенции.

Заключение

Эффективность разработанной и описанной выше системы для студентов неязыковых факультетов по обучению прецедентным антропонимам (ПА) была определена в ходе проведенного опытно-экспериментального исследования на механико-математическом, физическом, химическом, медицинском, фармацевтическом и биологическом факультетах Таджикского национального университета.

Целью проведенного эксперимента была проверка эффективности предложенной системы обучения прецедентным антропонимам как средству формирования культуроведческой компетенции при обучении русскому языку студентов неязыковых факультетов.

С целью сопоставления качественных и количественных данных была проведена работа в контрольных и экспериментальных группах. Работа с прецедентными антропонимами проводилась регулярно и использовалась в предлагаемой системе упражнений одновременно с общей лексикой.

Использование прецедентных антропонимов (ПА) на занятиях русского языка способствует не только познавательного-коммуникативным, но и образовательным целям. Здесь нужно иметь в виду и формирование, даже совершенствование у студентов культуроведческой компетенции.

Список источников и литературы

1. Гафуров А. Г. Таджикская антропонимия // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: проблемы антропонимики : сб. ст.. М.: Наука, 1970. С. 278–283.
2. Горбачевский А. А. Слово об именах // Памир. 1968. № 1. С. 88–89.
3. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков : по материалам конца XIX – начала XX века. М. ; Л., 1959. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 44).
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Обучение иностранцев общению на русском языке. Теория и методика : межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 150 с.
6. Потешки. Считалки. Небылицы. М.: Современник, 1980. 349 с.
7. Рузиева Л. Т. Прецедентно-значимые тексты как когнитивный компонент культуры народа в системе обучения русскому языку в неязыковом вузе в лингвокультуроведческом аспекте : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Рузиева Лола Толибовна. Душанбе, 2019. 390 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 165 с.
9. Суперанская А. В. Как Вас зовут? Где Вы живёте? М.: Наука, 1964. 94 с.
10. Суперанская А. В. Толкование имен // Наука и жизнь. 1991. № 4. С. 96–101.
11. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 288 с.
12. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи : Очерки об именах. Ростов-н/Д: РГУ, 1966. 222 с.

References

1. Gafurov, AG 1970, 'Tadzhikskaya antroponimiya' (Tajik anthroponymy), *Lichnyye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem: problemy antroponimiki* (Personal names in the past, present and future: problems of anthroponymy), Nauka publ, Moscow (In Russ.)
2. Gorbachevskiy, AA 1968, 'Slovo ob imenakh' (A Word on Names), *Pamir*, no. 1, pp. 88–89. (In Russ.)
3. Kislyakov, NA 1959, 'Semya i brak u tadjikov : po materialam kontsa XIX – nachala XX veka' (Tajik family and marriage: based on materials from the late 19th - early 20th centuries.), *Trudy In-ta etnografii AN SSSR. Novaya seriya*, Vol. 44, Moscow, Leningrad (In Russ.)
4. Maslova, VA 2001, *Lingvokulturologiya* (Cultural linguistics), Akademiya publ, Moscow (In Russ.)
5. *Obucheniye inostrantsev obshcheniyu na russkom yazyke. Teoriya i metodika* (Teaching foreigners to communicate in Russian. Theory and Methods), 1983, interuniversity collection, LGU publ, Leningrad (In Russ.)
6. *Poteshki. Schitalki. Nebylitsy* (Nursery Rhymes.Counting Rhymes. Fables), 1980, Sovremennik publ, Moscow (In Russ.)
7. Ruziyeva, LT 2019, *Pretsedentno-znachimyye teksty kak kognitivnyy komponent kultury naroda v sisteme obucheniya russkomu yazyku v neyazykovom vuze v lingvokulturovedcheskom aspekte* (Precedentially important texts as a cognitive component of the culture of the people in the system of teaching the Russian language in a non-linguistic university in the linguistic and cultural aspect), PhD in pedagogy thesis, 13.00.02, Dushanbe (In Russ.)
8. Sapir, E 1993, *Selected works on linguistics and cultural studies* (The Collected Works), trans. AE Kibrik, Progress publ, Moscow (In Russ.)
9. Superanskaya, AV 1964, *Kak Vas zovut? Gde Vy zhivote?* (What is your name? Where do you live?) Nauka publ, Moscow (In Russ.)

10. Superanskaya, AV 1991, 'Tolkovaniye imen' (Interpretation of names), *Nauka i zhizn.* no. 4. pp. 96–101 (In Russ.)
11. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* (Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects) Shk. «Yaz. rus. kultury» publ, Moscow
12. Shchetinin, LM 1966, *Slova, imena, veshchi : Ocherki ob imenakh* (Words, names, things : Essays on names), RGU publ, Rostov-on-Don (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.11.2022
Одобрена после рецензирования: 12.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 22.11.2022
Approved after reviewing: 12.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022